

МОСКОВСКОЙ
ЖУРНАЛЪ.

Pleasures are ever in our hands or eyes.
P O P E.

Часть III.

МОСКВА
ВЪ Университетской Типографіи
у В. Окорокова.
1791 года.

О Д О Б Р Е Н І Е.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господь Кураторовъ я читалъ сію книгу, подъ заглавіемъ Московской Журналь, Часть III, и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему она и напечатана быть можетъ. — Коллежскій Совѣтникъ, Краснорѣчія Профессоръ, Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ и Кавалеръ,

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

МОСКОВСКОЙ ЖУРНАЛЪ.
Часть третія, Книжка первая.
Мѣсяцъ Іюль.

І.

КЪ БОГИНѢ ЗДРАВІЯ.

Сойди, сойди богиня,
Сойди ко мнѣ съ небесъ,
Цвѣтущая Игея!
Снеси злѣшый сосудъ
Съ цвѣбнымъ пишемъ!

* * *

Уста мои завяли,
Въ глазахъ весь огонь погасъ,
И сердце томно бьется,
Едва дышать могу —
Едва, едва живу

* * *

И червя оживляетъ
Небесная роса,
И травку освѣжаетъ
Вечерни въперокъ
Всегда ли мнѣ спадать?

* * *

Хотя едину каплю,
Посланица боговъ,
Хотя едину каплю
Пролеи въ мои уста —
И буду исцѣленъ!

* * *

Сойди, сойди богиня,
Сойди ко мнѣ съ небесъ,
Цвѣтущая Игея!
Снеси златый сосудъ
Съ цѣлебнымъ пишемъ!

К.

II СТАНСЫ.

Гдѣ ты, мой другъ? — Куда ты
скрылось,
Прекрасно солнце отъ очей?
Печалью небо обложилось;
Уже и свѣтъ летитъ съ полей.

* * *

Возстанетъ ли заря красиво,
Когда при ней не будешь ты?
И лѣсъ о томъ шумитъ гнѣвливо,
Что праздну тѣнь дающъ листы.

* * *

Цв-

Паспухъ со стадомъ изъ дубровы
Сяшпитъ отъ тучи громовой,
Но смѣль либѣ грянушь громъ суровый,
Когда бы здѣсь былъ образъ твой?

* * *

Смущенные ручьи грозою,
Смущенны болѣе тоскою,
Подняшся селятся волною,
Какъ будто ищутъ взоръ драгой.

* * *

А камень сей мнѣ воспоминаетъ,
Какъ ты на немъ вѣнки плела.
Легко ль, что камень подтверждаетъ,
Какъ ты чувствительна была! —

* * *

Простите мнѣ, мѣста прекрасны,
Что множу вашу я напасть!
Слова перемѣлишь несчастны
Пренятсливуетъ и грусть и страсть.

* * *

Слезами струны орошенны
Уныло подъ рукой звенятъ;
Душею персты проведены
Пришворну радость обличатъ.

* * *

Хотя бѣ веселыми словами
Мой бытъ унылый духъ сокрытъ,
Но несомнѣнно предъ очами
Ошкроетъ правду томныи видѣ

* * *

А ссѣми ты, о другъ мой милой!
Придешь опять въ сей грустный край,
Не пращъ красотъ тоской унылой
И спрассти щедриной не пишай.

* * *

Сплети, сплети вѣнокъ зеленой,
Любимыи цвѣтъ мой вспомяни,
И окроля слезой безцѣнной,
На гробъ мой орось его — вздохни!
N N.
(Сообщены изъ Петербурга)

III.

БЫЛЬ

Уже опять орлы Россійски
На дерзостныхъ своихъ крылахъ
Несутъ въ предѣлы Византиски
Съ отчаяніемъ смѣдъ и страхъ.

* * *

Лю.

Любовь къ отечеству , звукъ славы,
Честнонову проницши грудь,
Гласяшъ ему Оспавъ заавы !
Россѣ именемъ и дѣломъ будь !

* * *

Хотя въ спѣнахъ роскошна града,
Въ Москвѣ , Честонѣ воспитанъ былъ,
Но Россы все усердны чада
Для славы все Честонѣ забылъ,

* * *

Пылая благороднымъ рвеньемъ
Себя во брани опличить,
Желаетъ онъ со нешерпѣньемъ
Въ геройскій сонмъ себя вклянуть.

* * *

Отецъ на то соизволяетъ,
И нѣжна мать съ пролишьемъ слезъ
Честона въ путь благословляетъ,
Вруча его въ покровъ Небесъ,

* * *

Уже для юнаго Героя
Насталъ разлуки горькой часъ
Отецъ , печаль въ грудь сердца кося,
Просперъ къ нему дрожащій гласъ.

* * *

„Ступай, мой сынъ, своею кровью
„Опечеству вѣнцовъ искашь;
„Пылай къ нему всегда любовью,
„Котору щился я внушать.

* * *

„Будь вѣрный сынъ, будь храбрый воинъ,
„Но будь чувствителенъ при томъ.
„Сугубо лавровъ томъ достоинъ,
„Кто слезы льетъ и надъ врагомъ.

* * *

„Прости! — По семъ ему вручаетъ
Ружье, служилъ съ которымъ самъ,
И взоры тотчасъ отвращаетъ,
Свободу давъ своимъ слезамъ

* * *

Честонъ едва сеи даръ опасный
Прялъ препенущей рукой,
Какъ вдругъ — о рокъ! о день зло-
щасный! —
Раздался выстрѣлъъ громовой,

* * *

Родивши безъ чувствъ упали —
Честонъ окамененъ стоилъ.
Какой ударъ Судьбы наслали!
Сестра предъ нимъ въ крови лежилъ. —

* * *

Нещастнѣйшій ЧеспонѢ гошовилѢ
Удары смершны на враговѢ;
Но прежде, ахѢ! сестрѢ устроилѢ
Единокровной смершный ровѢ.

* * *

ВѢ минушю вѣчна разлученья
Сестру свою онѢ упѣшалѢ
ВѢ слезахѢ надеждой возвращенья,
И лаврѢ принесть ей обѣщанѢ

* * *

Но се ея закрылись вѣжды,
И вѢ жилахѢ охладѣла кровь!
ЧеспонѢ! не льспись лучемѢ надежды;
Не лавры, кипарисѢ гошовѢ.

* * *

Весь домѢ обѣятѢ печали мракомѢ,
Всечасно слышны вопль и спонѢ;
И только то лишь служитѢ знакомѢ,
Что живѢ съ родительми ЧеспойѢ.

* * *

Уже вѢ ихѢ храмины нещастны
Не проникаетѢ солнца свѣтѢ,
И день и ночь для нихѢ ужасны,
И смерть на прагѢ ихѢ спрежетѢ.

И.

IV.

МЫСЛИ ОГЛОХШАГО МОЛОДАГО
ЧЕЛОВѢКА (*)

Я глухотѣ своей хвалу теперь пою,
И глухою веселюся
Отъ всѣхъ людей я удаюся,
И въ тишинѣ вести я буду жизнь мою
Не буду я пусыхъ уль слышать рѣз-
говоровъ,
Ни браней и ни споровъ
Всѣ глухие бонто, гранье все щеголей,
И ложь и хвасовство сихъ скучныхъ
мнѣ людей
Терза пь шеперь мои слухъ никакъ не
будутъ бо мѣ
Я стану жить по во мѣ
Пусть буду я глухой,
Но буду я всегда добромъ тѣмъ насла-
ждапья,
Котораго во вѣкѣ имѣ въ свѣтѣ не
дождапья,
А

(*) Издапья благодаритъ молодаго Сочинителя
за сию пѣсу. Признанье *Агли* будетъ напеча-
тано въ которомъ нибудь изъ слѣдующихъ
мѣсяцовъ Журнала.

А то добро — покой.
Старушка ль нѣкая мнѣ спанетъ гово-
ришь,
Что естли пожелаешь Творцу намъ
угодишь,
То нужно всѣхъ бранить,
Про новизну болтатъ, и только свѣч-
ки ставишь,
Чтобъ рай себѣ доставишь
Я головой кивну, но не услышу я
Того преглуцаго вранья
А естли франтъ какой, распрыска-
ной духами,
Явится предъ глазами,
И спанетъ толковать, любуясь собой,
О томъ, что нравится въ Москов-
скомъ модномъ свѣтѣ,
О фракѣ, о каретѣ,
О Хлоѣ, о Лизетѣ
То я опять на то кивну лишь головой
По томъ когда мудрецъ, иль мнимой
Философъ,
Наскажетъ много словъ
О Боѣ, о вселенной,
О жизни нашей плѣнной,

А кончишъ рѣчь свою пѣчъ, что и
Бога нѣшъ:
То головой тряхнушь весь будешъ мой
опвѣшъ.
Вотъ чѣмъ я глухотѣ своей обязанъ
буду,
И ввѣкъ оставшись глухъ, я глупости
забуду.
В. П.

—
V.

ЭПИГРАММА

Кто хочетъ, тотъ нещастья прусь!
Философъ говорилъ. Ко отвращенью
бѣдства

Я знаю вѣрны средства

Я въ добродѣшель облекусь. —

Ну, подлинно! сказалъ невѣжда:

Вотъ сама легкая одежда!

И.

VI.

СОФІЯ.

(*Окончаніе*)

С Ц Е Н А IV

*Въ Софійнои деревнѣ среди Брян-
скихъ лѣсовъ.*

(*Анна, старая дѣвка, вьзетъ тулово;
Иванъ, старой слуга, топтитъ
печь*)

Анна Смотри же, Иванъ, нашо-
пи горницу пошепѣе Барыня все
зѣбнетъ, да и у меня руки корчатся,
такъ что чулокъ мой не спорится.
Кажется еще и Октябрю нѣль, а хо-
лодъ не на шупку.

Иванъ Да, Аннушка, пришлось
мнѣ подъ старосиль пошить горницы.
Плачься Богу, а слезы вода

Анна Куда какъ ты нѣженъ!

Иванъ. Дорога честь, Аннушка.
У барина было мнѣ не таково жить.
Ты знаешь, какъ онъ меня жаловалъ
Только было мнѣ и дѣла, что варить
чай да кофе. Правду говорятъ, что
время переходчиво.

Анна

Анна Въ мы это говоримъ,
другъ мой, да что дѣлать!

Иванъ. Коли бы я не боялся
грѣха - - -

Анна Ну, что жь бы ты сдѣ-
лалъ?

Иванъ Только бы и жить - -

Анна Кому?

Иванъ Тому, кто вчера посу-
лилъ мнѣ, старику, присна лозоновъ
за то, что я не хотѣлъ самъ при-
нести дровъ.

Анна Пришлось терпѣть Мы
служимъ не ему, а барынь

Иванъ Бѣдая, бѣдная барыня!
Всякое воскресенье ставлю я свѣчу
Николаю Чудотворцу, и молю святова
Угодника, чтобы онъ спасъ ея душу.

Анна Она погубила себя

Иванъ Злодѣи ввелъ ее въ смер-
тной грѣхъ Пословица говоритъся у
бабы во госѣ до то в, да умѣ коротокъ.
Она развѣся уши его слушала - -

Анна. Знаешь ли, Иванъ, что я
думаю? Ужь не приворошилъ ли онъ
ее къ себѣ какими ниоудь кореньями?

Иванъ.

Иванъ Не корсепьями, а гладкими словами Лихо разъ поддашься Сатанѣ, а то не увидишь, какъ очутишься въ аду

Анна Пресвятая Богородица помилуй ее!

Иванъ Ты молись за нее, а онъ тепчетъ ей въ уши нѣшъ ни Святыхъ, ни Богоматери!

Анна Меня по кожѣ подираетъ.

Иванъ Какъ бы ты послушала, что онъ ей о снахъ за столомъ говорилъ!

Анна А что?

Иванъ. Что! Всего я не понялъ, а знаю только то, что онъ училъ се Французской вѣрѣ.

Анна Французской вѣрѣ!

Иванъ У меня сердце обмерло.

Анна Вотъ до чего мы дожили! Скоро будетъ преставление свѣта.

Иванъ Этова никто знать не можетъ, Аннушка.

Анна Да коли уже жены опъ мужей уходятъ, такъ чево ожидаешь доброва!

Иванъ.

Иванъ. Вѣдь это бывало и въ старыя годы, Аннушка

Анна. Барыня кличетъ меня

(*Уходитъ*)

Иванъ Пойди-было посмотришь, не ушла ли и моя жена (*Уходитъ*)

С Ц Е Н А V

(*Софія и ле-Тъень входятъ*)

Ле-Тъень Твое подозрѣніе оскорбляетъ меня

Софія Оскорбляетъ тебя? Въ самомъ дѣлѣ?

Ле-Тъень Я не знаю, какъ мнѣ говорить, какъ изъяснить тебѣ, что я чувствую

Софія О! ты умѣлъ изъяснять свои чувства, тогда, когда въ восторгахъ умиралъ на груди моей Трепаніе своего сердца, огненныя глаза твои, перерывающіяся слова, помные вздохи — все, все было красногубымъ выраженіемъ любви твоей А теперь, когда сердце твое отъ любви утихло, когда ласки твои спали холодны и принужденны, когда въ

гла-

глазахъ своихъ видно мертвое равнодушие, и скука заставляетъ тебя вздыхать. Ты ищешь словъ, — говоришь языкомъ: *я люблю тебя, Софія!* а голосъ твой, взоръ твой, сердце твое говоритъ: *я уже не люблю тебя, Софія!*

Ле-Тьень. Ты меня мучишь!

Софія. Прости меня, другъ мой, что я прогаю чувствительное твое сердце!

Ле-Тьень. Оно конечно чувствительно, оно любитъ тебя и тогда, когда ты мучишь его.

Софія. Много великодушія!

Ле-Тьень. Я скажу только одно, *Софія.* Для чего бы мнѣ жить здѣсь въ мрачномъ уединеніи, въ эпой тѣнищахъ непроходимыхъ лѣсовъ, если бы я не предпочиталъ тебя всему на свѣтѣ? Ты знаешь, какъ я любилъ городскія веселья, шумныя забавы и многочисленныя общества; однимъ словомъ, какъ я привязанъ былъ къ свѣту, теперь мною оставленному, забытому для тебя, для любви.

Софія Ты хочешь упрекать меня этою жертвою?

Ле - Тъень. Не упрекать, а доказать тебѣ, какъ я люблю тебя.

Софія. Благодарна! Чувствую все, что ты для меня сдѣлалъ и дѣлаешь; чувствую опять и то, что я для тебя ничего не сдѣлала и ничѣмъ тебѣ не пожертвовала. Супругъ, благодѣтель мой, другъ мой, честь, доброе имя, спокойствіе совѣсти — все это ничего не значитъ. Такъ ли, другъ мой?

Ле - Тъень. Я въ твоей любви не сомнѣваюсь, Софія.

Софія. А я въ твоей сомнѣваюсь. Даже и тогда, когда ты предлагаешь такія убѣдительныя доказательства. Какая несправедливость! — И такъ, ты все еще любишь меня, потому что ты все еще живешь со мною въ этой скучной деревнѣ? А если бы ты пересталъ любить меня?

Ле - Тъень. Тогда бы — —

Софія. Что бы тогда?

Ле - Тьень Тогда бы я оставилъ тебя, Софія

Софія (сѣ жаромъ) Ты бы оставилъ меня? Ты бы оставилъ меня? Меня, бѣдную, слабую женщину, которая жила и дышала тобою! Когда бы я не могла уже возбуждать въ тебѣ сладострастныхъ вождельній, ты бы оставилъ меня, такъ какъ бросають игрушку, когда она уже не забавляетъ насъ? — Ты бы меня оставилъ? — Послушай. я женщина, однакожь у меня есть сердце (*сѣ свирѣтностью*) боися меня! (*Уходитъ.*)

Ле - Тьень Я въ самомъ дѣлѣ боюсь тебя — Какъ можно теперь ее любить? Надобно поскорѣе отъ нее отдѣлаться (*Задумывается — потихоньку отворяются двери — Параша выглядываетъ*) А, Параша! Поди, поди сюда! — (*Обнимаетъ ее и сажаетъ къ себѣ на колѣни*)

Параша Чтобы насъ не увидѣли!

Ле - Тьень. Не бойся, дурочка.

Параша Что у васъ было съ барынею? Она очень сердита, и заперлась въ спальнѣ.

Ле-Тъень, Бѣсится

Параша Правда, что она очень бѣшена Какъ ты можешь жить съ нею такъ долго?

Ле-Тъень (лаская ее) Твои черныя глаза меня за все награждаютъ Какъ ты мила!

Параша. Лъстецъ!

Ле-Тъень Посмотри въ зеркало, если видишь мнѣ не вѣришь — смотри .

Параша. Ай! ай! иду! иду!
(Вырывается и бѣжитъ вонъ Анна входитъ и осматривается)

Ле-Тъень Чего ты ищешь?

Анна Книжки, сударь, которую барыня читаетъ изволивъ

Ле-Тъень Вотъ она (Уходитъ)

Анна (смотря за ней въ слѣдъ)

Хорошо! хорошо! Я не хочу жива быть, если барыня рано или поздно этого не свѣдаетъ — О мужчины, мужчины! (Уходитъ)

С Ц Е Н А VI

Въ деревнѣ Доброва

(*Представляется комната Добровѣ
лежитъ на постелѣ, племянникъ его
сидитъ подлѣ него и держитъ его
руку*)

Добровѣ Нѣтъ, другъ мой! я
чувствую конецъ свой. Не думай,
чтобы смерть была для меня страш-
на — нѣтъ! я желаю ее, шакъ, какъ
можетъ желать смерти Християнинъ.
(*о вздохомъ*) После того, что я
вытерпѣлъ — — Боже, Боже мой!

Молодой Добровѣ. Дядюшка! дя-
дюшка!

Добровѣ Стыдись плакать! —
Другъ мой! проливи слезы при рож-
деніи младенца, котораго въ океанѣ
мира ожидаютъ буря и вихри, но ви-
дя тихой конецъ старца, совершив-
шаго свое пѣченіе и простирающаго
неперпѣливыя свои объятія къ вѣчно-
сти, гдѣ надѣется онъ собрать слад-
кіе плоды съ горькихъ слезъ здѣшней
жизни — другъ мой! радуйся и желай,

чтобы конецъ твой былъ подобенъ
его концу

Мол Добровъ Чего вы тре-
буете ? — Мысль о вѣчной разлукѣ
еѣ вами — —

Добровъ Вѣчной ? — Нѣтъ, другъ
мой ; я надѣюсь съ тобою увидѣться
Живи — помни меня — (чувстви-
тельной молодой теловѣкъ со слезами
цѣлуетъ его руку) — помни, что я
разстался съ тобою въ надеждѣ ра-
достнаго свиданія Доброе сердце твое
скажетъ тебѣ все прочее — Припо-
дыми меня. — Хорошо — Теперь
выслушай мою послѣднюю прозъбу, ко-
торую конечно ты исполнишь (по-
жимаетъ его руку)

Мол Добровъ Дядюшка¹ можете
ли вы просить меня¹

Добровъ Ты знаешь несчастную ;
я никогда не говорилъ объ ней , опла-
кивая въ тишинѣ судьбу ея Закрывъ
глаза мои, спиши къ ней, скажи ей,
что я давно простилъ ее ; что при
послѣднемъ своемъ концѣ не желалъ я
ничего такъ сердечно, какъ ея блага ;
что

что блаженствомъ будущей жизни не могу совершенно наслаждаться, естли ея участь будетъ несчастна. О естли бы ты могъ пронуть, могъ размягчить то сердце, которое нечувствительно было къ моеи прозьбѣ! Правда, что я думалъ тогда болѣе о свѣтѣ, нежели о Богѣ — теперь думаю иначе. Да будетъ твой голосъ подобенъ гласу увѣщающаго Ангела! Влей раскаяніе и утѣшеніе въ душу, столь мнѣ любезную! Обрати ее къ Богу, къ Богу! — Ты закрываешься — дай мнѣ обнять тебя. (*Молчаніе*) Такъ ты исполнишь мою прозьбу?

Мол Добровѣ. Я скажу все то, что вы мнѣ приказываете; но позволите мнѣ надѣяться, что я еще не лишаяюсь васъ!

Добровѣ Другъ мой! естли бы можно было повелѣвать Натурою! — Я умираю спокойно — Начинаю слабѣть — Положи меня — Нѣтъ, погоди. Позови сюда людей, естли они хотятъ со мною проститься —

Мнѣ пошно — пошно. — (Молодой Добровѣ поддерживаетъ его клонящуюся голову) — Лай — дай — мнѣ опдохнуть (Вздыхаетъ нѣсколько разъ тяжело, и опять позымается.) — Гетеръ позови ихъ (Мол Добровѣ выходитъ). — Боже! и такъ приближается часъ мой! — (Поручается въ забвение Мол Добровѣ возвращается, становится на колѣни передъ постели и беретъ руку его. Пришедшие съ нимъ люди также становятся на колѣни, горестъ видна на лицахъ ихъ)

Добровѣ (приходя въ себя) Ты здѣсь? — И вы здѣсь? — Друзья мои! простите, простите, естли я когда нибудь былъ противъ васъ несправедливъ! (Люди плачутъ)

Одинъ изъ людей. Ты былъ отецъ нашъ!

Другой Ты былъ намъ дороже отца и матери!

Третий. Мы бы рады были умереть за тебя!

Добровъ Благодарю васъ Простите, друзья мои! — Вотъ в шѣ господинъ (*указывая на плетника*) — любите его — Обнимите меня. (*Люди цѣлуютъ его руки и рыдаютъ*) Простите! — прости! (*занавѣсъ закрывается*).

С Ц Е Н А VII

Въ Софїинои деревнѣ.

(*Представляется комната Софїи входитъ и бросается на кресла*)

Какая тоска! какое мучение! — Вездѣ мрачность, вездѣ тьма, нѣтъ свѣта для души моей! — Боже мой! — Но я не могу молиться, въ сердцѣ моемъ нѣтъ ни вѣры, ни надежды. Что со мною будетъ? — Разумъ мой мѣшается, сердце мое наполняется адскою злобою — Ужасно! ужасно! — Куда скрыться! (*Уходитъ*)

С Ц Е Н А VIII.

(*Входитъ Анна; за нею Иванъ*)

Иванъ Я не знаю, надобно ли это сказать барынѣ

Анна Непремѣнно.

Иванъ Да какъ же ты скажешь?

Анна. Я ужь знаю

Иванъ Что съ нею будетъ! Она и такъ почти какъ сумасшедшая.

Анна Не бойся; она отъ этого лучше въ себя придетъ

Иванъ. Какъ бы она мапушка приказала намъ раздѣлаться съ нимъ, такъ бы мы дали ему себя знать.

Анна Уль долго цили мы отъ него горькую чашу; теперь полно — Присмашривай же ты, Иванъ, за его людьми; а я поиду къ барынѣ

Иванъ Хорошо, Аннушка. (Уходятъ въ разныя стороны).

С Ц Е Н А IX.

(Мотъ Комната освѣщена слабо Софья поспѣшно входитъ, волосы ея распущены, платье въ безпорядкѣ, лице блѣдно; дикая свирѣтость видна въ ея взорахъ)

Ты меня оставишь хочешь? Хочешь меня оставишь, и смѣешься надо мною?

мною? — Смѣйся! — Скоро самъ
ты будешь посмѣяніемъ ада! — Зло-
дѣи! ты почувствуешь силу руки мо-
ей! Задрепещетъ внутренность твоя,
задрепещетъ, и звѣрское сердце твое
распадется отъ удара моего! — Гдѣ
ты, орудіе моего мщенія, гдѣ? (*Въ-
нимаетъ изъ кармана большой ножъ*)
Я учю владѣть тобою! — (*Звонъ
часы*) Это часъ его смерти!
(*Уходитъ*)

С Ц Е Н А X.

(*Ясная осенняя ночь. Садъ*)

Ле-Тъень (*слугѣ*). Подѣзжайте
мѣ коляскою къ заднимъ дверямъ сада;
я тотчасъ выду

Слуга. Слышу, сударь

Ле-Тъень. Ну, поди! (*Слуга хо-
тетъ идти*) — Постой! — Что
это? Слышишь ли?

Слуга (*испугавшись*). Нѣтъ —
нѣтъ, сударь; я ничего не слышу.

Ле-Тъень. Мнѣ послышалось, что
кто-то стонетъ.

Слуш. Я ничего не слыхалъ.

Ле Тьень. Пош! — (*Слуга уходитъ*) Я наконецъ боюсь, чтобы и мѣ съ ума не сойти. Двѣ ночи сряду видѣлъ я страшные сны, а теперь мнѣ уже наяву чудится. Сумасшествіе заразительно, каждой дикою взорѣ ея возбуждаетъ въ моемъ воображеніи какой нибудь ужасной образъ. Мнѣ бы давно нѣобходимо было уѣхать отсюда — Поѣдемъ, поѣдемъ! Въшренняя Параша разсѣетъ дорогою мрачныя мысли мои, которыя противъ воли приходятъ мнѣ въ голову — Странны и непонятны дѣяствія души нашей! Прѣхавъ въ Москву, стану читать философовъ, чтобы лучше узнать самого себя — (*Шукаетъ въ карманъ*) Тупы ли деньги? Въ этомъ пакетѣ было у нее, кажется, десять тысячъ; иной взялъ бы и брильянты, а я не допронунся до нихъ довольно честности! — (*Садится на лавку и задумывается* — *Прибѣгаетъ Пираша, осматривается и бросается къ нему на шю*) А! наконецъ явилась

Па-

Пирша Я нислу могла раз-
спаться съ мапушкою Мнѣ стало
такъ гоусно, такъ грустно!

Ле-Твень Полно, дурочка! не го-
вори мнѣ о грусти (Обни паетъ ее
Софія показывается изъ али, бро-
сается на м-Твеня, и ранитъ его но-
жемъ въ шею)

Софія Злодѣй!

Пирша А! а! (убѣгаетъ)

Ле-Твень Чудовище! (Хотитъ схва-
титъ ее за руки, но она успѣваетъ
еще ранитъ его въ грудь)

Софія Умри! умри! (Бросаетъ
ножъ и уходитъ).

Ле-Твень Убійца! — Люди! —
люди! — Никто не слышитъ (Ша-
тается и хватается за дерево) Сла-
бью — кровь льется. (Хотитъ идти,
но въ двухъ шагахъ отъ дерева па-
даетъ) Нѣтъ силъ! — Я завѣзанъ!
— Не уже ли пришелъ конецъ мой?
— Это кровь — я весь въ крови —
(Смится встать, но не можетъ, и
опять падаетъ на землю) Нѣтъ! — И
такъ надобно умереть, умереть! — И
такъ

такъ внезапно! такъ скоро! — (Зажимаетъ рукою рану въ груди) Уймись, уймись, горячая кровь! — Она льется изъ сердца — Я дрожу — въ глазахъ темнѣетъ — не вижу ни неба, ни звѣздъ — Всею ли конецъ? — Умри же! (Валется по песку — смертная конвульси — занавѣсъ закрывается)

С Ц Е Н А XI

(Бурная осенняя ночь Лѣсъ по берегу рѣки Софія бродитъ въ сумасшествіи по лѣсу)

Бурные вѣтры! разорвите черныя облака неба, чтобы моря пролилися на землю и смыли съ меня огненную кровь! — Все во мнѣ перегорѣло! — Въ жилахъ моихъ шепчетъ пламя! — Моря, пролейтесь! — — Кто, кто свиститъ мнѣ въ уши? Черная большая шѣнь Какъ страшно! — Кто клянеть меня? — Это голосъ моего супруга Обманщикъ! ты увѣрялъ, что онъ крестилъ меня! — Моря, пролейтесь! Кровь наливъ меня — Громы!

мы! залушите свистъ черной пѣни
и проляше моего супруга! — Гдѣ
я? — Въ Аду? — И умереть не
льзя? — Страшно! страшно! —
(Подходитъ къ рѣкѣ) — Вода! вода!
(Бросается въ рѣку и утопаетъ).

Ж.

VII.

ФРОЛЬ СИЛИНЪ,

БЛАГОДѢТЕЛЬНОЙ ЧЕЛОВѢКЪ. :

Пусть Виргили прославляютъ
Августовъ! Пусть краснофѣчивые
льщещы хвалятъ великодушіе Знаш-
ныхъ! Я хочу хвалить Фрола Силіна,
простого поселанина, и хвала моя бу-
детъ состоять въ описани дѣлъ его,
миѣ извѣстныхъ.

По сіе время не могу я безъ сер-
дечнаго содроганія вспомнить того
страшнаго года, которой живетъ въ
памяти у Низовыхъ лищелеи подъ
именемъ голоднаго шого лѣта, въ
которое отъ долговременной засухи
пожелтѣвшія поля орошаемы были
одними слезами горестныхъ поселанъ;

шое

шой осени, въ которую, вмѣсто обыкновенныхъ веселыхъ пѣсенъ, раздавались въ селахъ стenanя и вопль опчаянныхъ, видящихъ пустыню въ гумнахъ и житницахъ своихъ; и той зимы, въ которую цѣлыя семейства, оставляя дома свои, просили милостыни на дорогахъ, и не смотря на вьюги и морозы, цѣлые дни и ночи подъ открытымъ небомъ на снѣгу проводили. Щадя чувствительное сердце моего Чипашеля, не хочу описывать ему ужасныхъ сценъ сего времени. Я жилъ тогда въ деревнѣ, близъ Симбирска, былъ еще ребенокъ, но умѣлъ уже чувствовать какъ большой человекъ, и спрaдaлъ, видя спрaдaние моихъ ближнихъ — Въ одной изъ нашихъ сосѣднихъ деревень жилъ — а можетъ быть живетъ еще и теперь — Фроль Силинъ, трудолюбивой поселянинъ, которой всегда лучше другихъ обрабатывалъ свою землю, всегда болѣе другихъ собиралъ хлѣба, и никогда не продавалъ всего, что собралъ, почему на думнѣ его спояло

всегда нѣсколько запасныхъ скирдовъ. Пришелъ худой годъ, и всѣ жишели той деревни обнищали — всѣ, кромѣ осторожнаго Фрола Силина. Но осторожность была не единственною его добродѣтелию. вмѣсто того, чтобы продавать хлѣбъ свой по дорогой цѣнѣ и, пользуясь случаемъ, разбогатѣть вдругъ, онъ созвалъ бѣднѣйшихъ изъ жителей своей деревни и сказалъ имъ: „Послушайте, братья! Вамъ теперь нужда въ хлѣбѣ, а у меня его много; пойдѣмъ ко мнѣ на гумно; пособише мнѣ обмолошите скирда четыре, и возьмите себѣ, сколько вамъ надобно на весь годъ.“ Крестьяне ошолбенѣли отъ удивленія — ибо и въ городахъ и въ селахъ великодушие есть рѣдкое явленіе! Слухъ о семъ благодѣяніи Фрола Силина разнесся въ окрестности. Бѣдные изъ другихъ жишельствъ приходили къ нему и просили хлѣба. Доброй Фролъ называлъ ихъ братьями своими, и ни одному не отказывалъ. „Скоро мы раздадимъ весь хлѣбъ свой“, — говорила ему жена. „Богъ велитъ давать просящихъ“,

щимъ,, — отвѣчалъ онъ — Небо
услышало молитву бѣдныхъ, и благо-
словило слѣдующи годъ плодородіемъ.
Поселяне, одолженные Фроломъ Си-
линымъ, явились къ своему благошво-
ришелю, и отдавали ему по количе-
ство хлѣба, которое у него взяли,
и еще съ лихвою. ,, Ты спасъ насъ и
дѣтей нашихъ отъ голодной смерти,
говорили они: одинъ Богъ можетъ за-
плашишь тебя за твое доброе дѣло;
а мы возвращаемъ съ благодарностію
то, что у тебя заняли,, Мнѣ ни-
чего не надобно, отвѣчалъ Фролъ
у меня много новаго хлѣба. Благо-
дарите Бога; не я, а Онъ помогъ вамъ
въ нуждѣ. — Наирасно приступали
къ нему признашельные должники его.
,, Нѣтъ, брашцы — говорилъ онъ —
нѣтъ, я не возьму вашего хлѣба; а
когда у васъ есть лишній, такъ раз-
дайте его тѣмъ, которые въ про-
шлую осень не могли обсѣять полси
своихъ и теперь нуждающся; въ на-
шемъ околодкѣ не мало такихъ най-
дется. Поможемъ имъ, и Богъ благо-
словитъ насъ!,, — ,, Хорошо (сказа-
ли

ли шронутые поселяне, проливая слезы) хорошо. Будь по швоему! Мы раздадимъ эшошъ хлѣбъ нищимъ, и скажемъ, чшобы они вчѣспѣ сѣ нами молились за тебѣя Богу. Дѣти наши будутъ также за тебѣя молишья. „ — Фролъ вмѣспѣ сѣ ними плакалъ и смотрѣлъ на небо; чшо онъ тамъ видѣлъ — ему, а не мнѣ извѣспно.

Вѣ одной сосѣднеи деревнѣ сгорѣло чешырнадцать дворовъ: Фролъ Силинъ послалъ на каждой дворъ по два рубля денегъ и по косѣ.

Черезъ нѣсколко времени послѣ шого сгорѣла другая деревня. Поселяне, лишеныи почти всего имуще-ства своего, прибѣгнули къ извѣспно-му великодушю Фрола Силина. На шотъ разъ не было у него денегъ. „ У меня есть лишняя лошадь, ска-залъ онъ, возьмите и продайте ее. „

На имя господина своего купилъ онъ двухъ дѣвокъ, выпросилъ имъ оппущеныя, содержалъ ихъ какъ доче-рей своихъ, и выдалъ за мужъ сѣ хо-рошимъ приданымъ

Естьли ты еще не оставилъ насъ, другъ человечества, и не преселился въ миръ тебя достойнѣйшій, въ миръ Ангельской, гдѣ рука Милости поставитъ тебя выше многихъ Царей земныхъ. то конечно и теперь олаотворишь ты ближнему и возвышаешь небесной санъ свой! По особливому случаю, и въ отдалении узналъ я дѣла твои; живя близь тебя, я не зналъ ихъ. Когда буду въ мѣстахъ, шобою украшаемыхъ, то съ благоговѣнчѣмъ приближусь къ твоей хижинѣ, и поклонюсь добродѣтели въ лицѣ швоемъ. Но если не найду тебя живаго, то велю проводить себя ко гробу твоему, и на безчувственную землю пролью слезу чувствительности; сыщу бѣлой мѣмень, положу его на твою могилу, и собственною рукою вырѣжу на немъ слова си: *Здѣсь покоится прахъ благодарнаго словѣла.*

Просвѣщеннѣйшая нація въ Европѣ посвятила великолѣпной храмъ

храмъ (*) *иужамъ великимъ*, *иужамъ*, которые удивляли насъ своими дарованиями. Съ покровенною головою не пройду я мимо сего мѣста; но безъ слезъ сердечныхъ не прошелъ бы я мимо храма, посвященнаго *добрымъ изъ гелогества* — и въ семъ храмѣ надлежало бы соорудить памятникъ Фролу Силицу.

Кавалеръ

С М Ъ С Ъ.

1. Дэвида д'Еонъ, которая подъ именемъ Кавалера д'Еона играла въ свѣтѣ довольно важную роль, живетъ нынѣ въ крайней бѣдности, не получая съ нѣкотораго времени пенси, которую опредѣлилъ ей Людовикъ XV. Она принуждена была въ Лондонѣ продать съ публичнаго торгу свою библиотеку. Принцъ Валлисской, узнавъ о томъ, послалъ ей въ подарокъ сто гинеи „Съ сердечною благодарностию

В 3

(пи-

(*) Въ Лондонѣ въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ поставлены монументы многимъ славнымъ Англійскимъ Авторамъ.

(пишетъ она къ нему) принимаю я милостивой даръ Вашего Высочества, служащій доказательствомъ Вашей чувствительности. Худо бы отвѣчала я съ своей стороны Вашему великодушю, естли бы отъ гордости, свойственной Французскому Аристократу или Аристократкѣ, не захошѣла принять его. Добродѣтель и благодарность важнѣе мнимаго благородства — и я буду всегда славиться Вашими благодѣянiami., — Приведя нѣсколько стиховъ изъ Горація, заключаетъ она письмо свое такъ., „Естли бы онъ (т. е. Горацій) ожилъ, то, забывъ своего Августа, воспѣлъ бы Принца Валлискаго, а я перевела бы пѣснь его.,

2. Въ одномъ Англійскомъ Журналѣ пишутъ слѣдующее., „За нѣсколько времени передъ симъ, въ Фецѣ Маврскіе и Арабскіе стихотворцы составили между собою общество, и положили каждой мѣсяцъ собираться и пѣть, и публично короновать того, кто споетъ лучше всѣхъ. Въ началѣ Августа прошедшаго года было пер-
вое

вое собрание, въ прекрасномъ саду, освѣщаемомъ высокими пальмами и освѣжаемомъ источниками кристальной воды. Зрительей было множество. Сочинителю одной Турецкой пѣсни отдали преимущество передъ другими, и подарили ему 100 червонныхъ, великолѣпное плашье и спашную лошадь. Прекрасныя дѣвушки увѣнчали его голову цвѣтами — чѣмъ и заключилось сіе торжество

3 Господинъ Р*, Лондонской книгопродавецъ, будучи спѣшенъ множествомъ людей при входѣ въ Театръ, почувствовалъ у себя въ карманѣ руку, которая пащила опшуда семь шиллинговъ, приготовленныхъ имъ на заплашу за входъ. „Боже мой! сказалъ онъ челоуѣку, копорой перся къ нему ближе всѣхъ, и копорой былъ очень хорошо одѣшъ вообразиле, что въ эту секунду воръ крадешъ у меня шѣ деньги, копорыя хопѣлъ я заплатишь за входъ въ Театръ! „ — *Точно, точно!* отвѣчалъ сей хорошо одѣшой челоуѣкъ. *Деньги ваши украдены, я жалѣю обѣ васѣ, и советую вамъ*

ва иѣ впередѣ сѣдуютъ моему при
мѣру и держатъ иѣ всегда въ рукѣ
Тутѣ показалъ онѣ ему руку свою и
тѣ семь шиллинговѣ, которыхѣ Го-
сподинѣ Р* лишился.

4. У насѣ въ Англи Музыка,
Живопись и Поэзія совсѣмѣ *разсестри-*
лись Первая дошла до высочайшей
степени совершенства; вторая оп-
стала опѣ нее довольно далеко; а
последняя такѣ унизила, что люди
со вкусомѣ должны презирать ее

5. Кажется, что мы сѣ сосѣдя-
ми своими помѣнялись характерами.
Французы нынѣ важничаютѣ и за-
нимаются полишикою, а мы Англи-
чане поемѣ, пляшемѣ и прыгасмѣ.
(Надобно знать, что за нѣсколько
времени передѣ симѣ ничѣмѣ въ Лон-
донѣ такѣ не занимались, какѣ новою
Оперою въ Пантеонѣ, славнымѣ Музы-
кантомѣ Гайденомѣ и танцовщикомѣ
Вестрисомѣ)

6. Вотѣ наставленіе, которое у
насѣ въ Англи даетѣ отецѣ сыну,
отправляя его въ Индію: „Любезный
сынѣ! я выучилѣ тебя читать и пи-
сать,

сать,

сать, и поставилъ себя на дорогу щасшя. Посмотри, какъ богашъ Гаспингсѣ, которой шакже умѣлъ шолько чашать и писать, когда поѣхалъ въ Индію. Посмотри на Майора Скоша не думаю, чшобы онѣ зналъ и шаблицу умноженя, когда поѣхалъ отсюда, а теперь онѣ Членѣ Парламента, и по нѣскольку часовѣ, можешъ говорить и кричать о шомѣ, чего не разумешъ. Сшарайся всѣми средствами разбогатѣть, любезной сынѣ мой; накопи побольше денегѣ на восшокѣ, и ты будешъ Лордомѣ на западѣ', — Сынѣ приѣзжаетъ въ Индію, и, помня родительской совѣтѣ, сшарается всѣми способами разбогатѣть, шо ешъ, и воруетъ и грабитъ. Черезъ нѣсколько лѣтѣ возвращается онѣ въ Англію съ кучею золота; покупаетъ себѣ земли и замки, живешъ пышно, и ходатайствуетъ въ Парламентѣ за тѣхѣ, которые, подобно ему, наживаются безчестными средствами.

7. На похоронахѣ Господина Мирабо было очень пыльно, и народѣ

досадовалъ на своихъ Начальниковъ за то, что они не велѣли полить улицы водою *Они надѣялись на ваши слезы,* сказала въ толпѣ одна женщина.

8. Не давно въ сѣверной Шотланди умеръ старикъ, которому было 123 года отъ роду: Онъ не подверженъ былъ никакимъ болѣзнямъ, и скончалъ жизнь безъ всякаго спраданія

9 Въ доказательство, что чай ни мало не вредитъ нервной системѣ, можно представить одну госпожу, живущую въ Суссексѣ, которая во всю свою жизнь не пила ничего, кромѣ чаю. Теперь ей 90 лѣтъ отъ роду, и она по сие время здорова и никогда не подвержена была нервнымъ болѣзнямъ. У нее есть дочь, которая, слѣдуя примѣру своей матери, нигде не ѣздитъ безъ того, чтобы не взять съ собою полдюжины буылокъ чаю, и всякой день послѣ ужина пьетъ его по нѣскольку чашекъ Она также совершенно здорова.

ПИСЬМА РУСКАГО ПУТЕШЕ-
СТВЕННИКА

(Продолженіе)

Іюля 16, въ 2 часа по полудни.

Говорятъ, что въ Лейпцигѣ жить весело, — и я вѣрю. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ богатыхъ куницовъ часто даютъ обѣды, ужины, балы и проч. Молодые щеголи изъ Студентовъ являются съ блескомъ въ сихъ собраніяхъ, играютъ въ карты, танцуютъ, куртизируютъ, и проч. Сверхъ того есть здѣсь особливья ученая общества или клубы; тамъ говорятъ объ ученыхъ или политическихъ новостяхъ, судятъ книги, и проч. — Здѣсь есть и Театръ, только Комедианты уѣзжаютъ отсюда на цѣлое лѣто въ другіе города, и возвращаются уже осенью къ такъ называемой Михайловой ярманкѣ. — Для того, кто любитъ гулять, много вокругъ Лейпцига пріятныхъ мѣстъ; а для того, кто любитъ усладить свой вкусъ, есть здѣсь опмѣнно вкусныя жаворонки, славныя пироги, славная спаржа и

ице-

множество плодовъ , а особливо вишни , которая очень хороша и теперь такъ дешева , что за цѣлое блюдо надобно заплатить не болѣе десяти копѣекъ — Въ Саксонци вообще жить не дорого За столъ безъ вина плачу я здѣсь 30 кои , за комнату также 30 кои , точно то же плашилъ я и въ Дрезденѣ

Почти на всякой улицѣ найдете вы нѣсколько книжныхъ лавокъ , и всѣ Лейпцигскіе книгопродавцы богатѣютъ , — что для меня удивительно Правда , что здѣсь много Ученыхъ , имѣющихъ нужду въ книгахъ , но сіи люди почти всѣ или сочинители или переводчики , и , собирая библіотеки , платяшъ они книгопродавцамъ не деньгами , а сочиненіями или переводами Къ тому же во всякомъ Нѣмецкомъ городѣ есть публичныя библіотеки , изъ которыхъ можно брать для чтенія всякія книги , платя за то бездѣлку — Книгопродавцы изъ всей Германіи сбѣзжаются въ Лейпцигъ на ярманки (которыхъ бываешъ здѣсь

здѣсь при вѣ годѣ одна начинается съ перваго Января, другая съ Пасхи, а третья съ Михайлова дня) и мѣняюща между собою новыми книгами. Безчестными почитаются изъ нихъ тѣ, копорые перепечатываютъ въ своихъ типографіяхъ чужія книги, и дѣлаютъ черезъ то подрывъ тѣмъ, копорые купили манускрипты у Авторовъ Германія, гдѣ книжная торговля есть едва ли не самая важнѣйшая, имѣетъ нужду въ особливомъ и строгомъ для сего законѣ — Вы пожелаете можете быть знать, какъ дорого платятъ книгопродавцы Авторамъ за ихъ сочиненія? Смотря по сочинителю. Если онъ еще не извѣстенъ Публикѣ съ хорошей стороны, то едва ли дадутъ ему за листъ и два шалера, но когда онъ прославится, то книгопродавецъ предлагаетъ ему семь, восемь и десять шалеровъ за листъ.

Въ 11 часовъ вечера Въ назначенной часѣ пришелъ я къ Плашнеру. Вы конечно поживете съ нами, сказалъ

залъ онъ, посадивъ меня противъ себя. — Нѣсколько дней, отвѣчалъ я — „Только е А я думалъ, что вы приѣхали *по иззаваться* Лейпцигомъ Здѣшніе Ученые почли бы за удовольствіе способствовать вашимъ успѣхамъ въ наукахъ Вы еще молоды, и знаете Нѣмецкой языкъ. вмѣсто того, что бы переѣзжать изъ города въ городъ, лучше бы вамъ было прожить подолѣе въ такомъ мѣстѣ, какъ Лейпцигъ, гдѣ многіе изъ вашихъ единоземцовъ искали просвѣщенія, и, надѣюсь, не тщетно. „ — Я почелъ бы за особенное счастье быть вашимъ ученикомъ, Г. Докторъ; но обстоятельства, обстоятельства — — „ И такъ мнѣ остается жалѣть, если обстоятельства не позволяютъ вамъ на сей разъ остаться съ нами „

Онъ помнитъ К*, Р* и другихъ Рускихъ, которые здѣсь учились „ Всѣ они были моими учениками, сказалъ онъ. только я былъ тогда еще не то, что теперь. „ — По крайней мѣрѣ

мѣрѣ ваши Афоризмы еще не были изданы, сказалъ я

И въ самую ту минуту, какъ я, упомянувъ о Афоризмахъ, хотѣлъ попросить у него объясненія на нѣкоторыя мѣста изъ оныхъ, пришли къ нему съ Университетскими дѣлами Онъ опираетъ должность Ректора. — У меня не много свободного времени, сказалъ онъ однако жъ вы должны нынѣ со мною ужинаать. Въ восемь часовъ велите себя проводить въ практиръ голубаго Ангела —

Принявъ съ благодарностію предложеніе Господина Доктора, пошелъ я въ Рихтеровъ садъ Дѣвушка въ бѣломъ корсетѣ подала мнѣ опять букетъ цвѣтовъ, и я опять подарилъ ей два гроша

Въ восемь часовъ пришелъ я въ практиръ голубаго Ангела Меня провели въ большую комнату, гдѣ накрытъ былъ столъ на двадцать кувертовъ, но гдѣ еще никого не было. Черезъ полчаса явился Платнеръ съ ученою брашней Онъ каждому реко-
мен-

мендовалъ меня , и сказывалъ мнѣ имена ихъ , но всѣ они были мнѣ неизвѣстны , кромѣ стараго Профессора Эзера и Биргермейстера Миллера , издавашаго Сульцерову Теорію Изящныхъ Наукъ съ своими примѣчаніями Съли за столъ Ужинъ былъ самой Аѳинской , только что вино пили мы не изъ чашъ , цвѣтами оплешенныхъ , а изъ проспыхъ Саксонскихъ рюмокъ Всѣ были веселы и говорливы , хотѣли , чтобы и я говорилъ , и спрашивали меня о нашей литературѣ . Они очень удивились , услышавъ отъ меня , что десять пѣсней Мессіады переведены на Руской языкъ „ Я бы не думалъ — сказалъ молодой Профессоръ Поэзии — чтобы въ вашемъ языкѣ можно было найти выраженія для Клопштоковыхъ идей „ Еще то скажу вамъ , примолвилъ я , что переводъ по большой части лириченъ и ясенъ — Въ доказательство , что нашъ языкъ не противенъ ушамъ , читалъ я имъ Рускіе стихи разныхъ жѣрѣ , и они чувствовали ихъ *опредѣ-*

лениую гармонію Говоря о нашихъ оригинальныхъ произведеніяхъ, прежде всѣхъ наименовалъ я двѣ Эпическія Поэмы, Россіяду и Владимира, которыя должны имя творца своего сдѣлать незабвенными въ Исторіи Россійской Поэзіи — Платнеръ игралъ заужиномъ первую роль, т. е. онъ управлялъ разговоромъ. Если вообще по справедливости укоряютъ Нѣмецкихъ Ученыхъ нѣкоторою недовѣрчивою въ обхожденіи, то по крайней мѣрѣ Докторъ Платнеръ (и конечно вмѣстѣ со многими другими) долженъ быть исключенъ изъ сего числа. Онъ самой свѣтской человѣкъ любитъ и умѣетъ говорить; говорить смѣло, для того что чувствуешь свою цѣну — Старикъ Эзеръ люлезенъ по своему простосердечію. Въ нему имѣютъ уваженіе, слушаютъ его анекдоты, и смѣются, примѣчая, что онъ хочетъ смѣшнить. Во время царствованія Императрицы Елисаветы Петровны сбѣгался онъ въ Россію, но раздумалъ. — Что принадлежитъ до

Г Бир-

Биргермейстера Миллера, то онъ, кажется, очень важничаетъ. — Въ десять часовъ вспали, пожелали другъ другу добраго вечера, и разошлись. Плапнеръ не позволилъ мнѣ заплапнуть за ужинъ, что для меня не совсѣмъ пріятно было — Такимъ образомъ избранные Лейпцигскіе Ученые ужинаютъ вмѣстѣ одинъ разъ въ недѣлю и проводящъ вечеръ въ пріятныхъ разговорахъ.

Милые друзья мои! я вижу людей достойныхъ моего почтенія, умныхъ, знающихъ, ученыхъ, славныхъ — но всѣ сѣи люди далеки отъ моего сердца. Кто изъ нихъ имѣетъ въ мнѣ хотя малѣйшую нужду? Всякой занятъ своимъ дѣломъ, и никто не заботится о бѣдномъ странникѣ. Никто не хватится меня завтра, естели нынѣшняя ночь на черныхъ своихъ крыльяхъ унесетъ мою душу изъ здѣшняго міра, ни чей вздохъ не полешитъ въ слѣдъ за мною — вы бы долго, долго не узнали о неселеціи вашего друга. Простите!

Іюля 17.

Въ шестомъ часу вышелъ я за городъ съ покойнымъ и веселымъ духомъ, и благословилъ утреннюю Природу, которая въ зеленой одеждѣ своей великолѣпно передо мною красовалась. Я бросился на праву балязаническаго луга, купался въ росѣ его, и впивалъ въ себя его свѣжесть, наслаждался утромъ, и былъ щастливъ.

Солнце возшло высоко, и пекущій жаръ лучей его далъ мнѣ чувствовать, что полдень приближается. Деревня, въ которой живетъ Вейсе, была у меня въ виду. Я пошелъ туда, и пожелавъ добраго утра молодой крестьянкѣ, которая мнѣ встрѣтилась, спросилъ у нее, гдѣ домъ Господина Вейсе? „Тамъ, подалѣе на правой сторонѣ, большои домъ съ садомъ,“ — отвѣчала она, и пошла своею дорогою.

Вейсе, любимецъ драматической и лирической Музы — Поэтъ, какъ по духу, такъ и по сердцу своему почтенія достойной — другъ до рождѣшени и всѣхъ добрыхъ — другъ

дѣтей, которой примѣромъ и ученіемъ своимъ распространилъ въ Германіи правила хорошаго воспитанія — Веисе проводилъ лѣто въ маленькой деревнѣ, верстахъ въ двухъ отъ Леидига, посреди честныхъ поселянъ и семейства своего. — „Онъ гуляетъ по саду (сказала мнѣ служанка, встрѣтившая меня въ сѣняхъ) видите въ комнату, а я пойду сказать ему объ васъ „ Я вошелъ въ горницу, и видѣлъ въ окно, какъ любезной Веисе, маленькой человѣчкѣ въ красномъ халатѣ и въ бѣлой шляпѣ, скрными шагами шелъ къ дому по аллеѣ, узнавъ отъ служанки, что какой-то Московитянинъ его дожидается. Онъ вошелъ въ горницу въ томъ же красномъ халатѣ, но только уже не въ бѣлой шляпѣ, а въ напутреномъ парикѣ съ кошелькомъ. Я съ примѣчаніемъ смотрѣлъ на портретъ твой, любезной Веисе, и узналъ бы тебѣ между тысячами — Ему уже слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ; но по румяному и свѣжему лицу его не по-

думалъ бы я, чтобы ему было и пятьдесятъ — и во всякой чертѣ лица сего видна добрая душа.

Онъ обошелся со мною ласково, сердечно, просто; жалѣлъ, что я пришелъ къ нему, а не очь ко мнѣ; жалѣлъ, что я шелъ къ нему въ такой жаръ; подчивалъ меня лично чаемъ, и проч

Я сказалъ ему, что нѣкогда мною внесены изъ его *друзя дѣтег* (*Quintessenz*) переведены на Руской, и что самъ я перевелъ его Драму, *Архидиаконъ* (которая напечатана въ XVIII Часпи Дѣтскаго Чтенія). Во Германни многие писали и пишутъ для дѣтей и для молодыхъ людей; но никъ по не писалъ и не пишетъ лучше Веисе. Онъ самъ отецъ, и отецъ нѣжной, посвятившій себя воспитанію дѣтей своихъ. Со всѣхъ спорочъ осылали его благодарностию, когда онъ издавалъ свои еженедѣльные листы дѣти благодарили его за то удовольствіе, которое доставляло имъ се чтение;

а опцы за видимую пользу, которую оно приносило ихъ дѣтямъ. — Онъ издаетъ нынѣ *переписку фамилии друга дѣтеи*, которая служитъ продолженіемъ его прежняго періодическаго сочиненія, и собственно опредѣлена на то, чтобы приносить удовольствіе и пользу *молодымъ людямъ*

Съ великою скромностію говоритъ онъ о своихъ сочиненіяхъ; однако жъ безъ всякаго прищворнаго смиренія, которое для меня такъ же противно, какъ и самохвальство. — Съ какимъ чувствомъ говоритъ онъ о своемъ семейственномъ щастіи! „Благодарю Бога, сказалъ онъ сквозь слезы — благодарю Бога! Онъ далъ мнѣ вкусить въ здѣшней жизни самую чистѣйшую удовольствія; и я осмѣлился бы назвать свое щастіе совершеннымъ когда бы небесная Благость возвѣстила здоровье дочери моеи, которая нѣсколько лѣтъ больна, и которой искусство врачей по сіе время не могло пособить „ — Однимъ словомъ вѣстали я любилъ Вейсе какъ Автора

ш

то теперь, узнавъ его лично, еще более полюбилъ его какъ человека.

У него есть рукописная Исторія нашего Театра, переведенная съ Рускаго. Г. Дмитриевской, будучи въ Лейпцигѣ, сочинилъ ее; а нѣкто изъ Рускихъ, которые учились тогда въ зѣшнемъ Университетѣ, перевелъ ее на Нѣмецкой и подарилъ Господину Вейсе, которой хранитъ сию рукопись, какъ нѣкоторую рѣдкость, въ своей библиотекѣ.

Наконецъ я съ нимъ простился. „Путешествуйте щастливо, сказалъ онъ, и наслаждайтесь всѣмъ, что можете принести удовольствіе чистому сердцу! Однако жь я постараю в еще увидѣться съ вами въ Лейпцигѣ, — А вы наслаждайтесь яснымъ вечеромъ своей жизни! сказалъ я, вспомя лав Фоншеновъ стихъ *la fin* (т. е. конецъ мудраго) *est le soir d'un beau jour* — сказалъ, и пошелъ отъ него, будучи совершенно доволенъ въ своемъ сердцѣ. Одинъ взглядъ на добраго есть щастіе для того, въ комъ не загрубѣло чувство добра.

Возвратясь въ Лейпцигъ, зашелъ я въ книжную лавку и купилъ се въ на дорогу Оссеанова Фингала и Vis r of Wakefield —

Въ поночь Нынѣшній вечеръ провелъ я очень приятно. Въ шесть часовъ пошли мы съ Гм Мелли въ залу рочной садъ. Тамъ было множество людей, и Студентовъ и Филистровъ (*). Одни, сидя подъ шѣною деревъ, читали или держали передъ собою книги не удостоивая проходящихъ взора своего, другие, сидя въ кругу, курили трубки и защищались отъ солнечныхъ лучей густыми табачными облаками, которые извивались и клубились надъ ихъ головами, иные въ шемныхъ аллеяхъ гуляли съ дамами, и — проч. Музыка гремѣла, и человекъ, ходя съ шарелкою, собиралъ деньги для

В. У.

(*) Такъ Студенты называють гражданъ, и посподѣу Аделунгу угодно почищать сие слово за испорченное, вышедшее изъ Латинскаго слова *Valitani* Смыкъ иметемъ назывались городские солдаты и пресные граждане.

музыкантовъ; всякой давалъ, что хо-
шѣлъ

Г. Мелли удивилъ меня, начавъ
говорить со мною по-Руски „Я жилъ
четыре года въ Москвѣ, сказалъ онъ
— и хотя уже давно выѣхалъ изъ
России, однако жь не забылъ еще ва-
шего языка „ — къ намъ присоеди-
нились Гг Шнейцеръ и Годи, путеше-
ствующіе съ княгинею Блосель-
скою, которая теперь въ Лейпцигѣ.
Перваго видалъ я въ Москвѣ, и мы
обрадовались другъ другу какъ спа-
ринные знакомые Г. Мелли угостилъ
насъ въ трактирѣ хорошимъ ужиномъ.
Мы пробыли тутъ до полудни, и
вмѣстѣ пошли назадъ въ городъ Воро-
та были заперты, и каждой изъ насъ
заплатилъ по нѣскольку копѣекъ за
то, что ихъ отворили Таковъ
законъ въ Лейпцигѣ или возвращайся
въ городъ ранѣе, или плати штрафъ

Юля 19

Нынѣ поутру получилъ я вдругъ
два письма отъ А*, которыхъ со-

Г 5

дер-

держаніе для меня очень неприятно
Я не найду его во Франкфуртѣ Онъ
ѣдетъ въ Парижъ на нѣсколко не-
дѣль, и хочетъ, чтобы я дождался
его или въ Мангеймѣ или въ Стразбу-
ргѣ, но мнѣ никакъ не лзя исполнить
его желанія. Такимъ образомъ разру-
шилось то зданіе пріятности и удо-
вольствій, которое основывалъ я на
свиданіи съ любезнымъ другомъ! И
такимъ образомъ во всемъ своемъ
путешествіи не увижу я ни одного
человѣка, близкаго къ моему сердцу
Эта мысль сдѣлала меня печальнымъ,
и я пошелъ безъ цѣли бродить по го-
роду и по окрестностямъ. Мнѣ встрѣ-
тился Г. Бр., молодой Ученой, съ
которымъ я здѣсь познакоился. Оба
вмѣстѣ пошли мы въ Розеншаль, бои-
шой паркъ Я вспомнилъ, что извѣ-
стной обманщикъ Шренферъ кон-
чилъ путь жизнь свою исполошнымъ
выстрѣломъ Подлинная исторія жи-
зни его, естли бы кто могъ опи-
сать ее, была бы конечно очей ин-
тересна Сей человекъ долгое время
былъ

былъ слугою въ одномъ кофейномъ домѣ въ Лейпцигѣ, и никто не примѣчалъ въ немъ ничего чрезвычайнаго. Вдругъ онъ скрылся, и черезъ нѣсколько лѣтъ опять явился въ Лейпцигѣ подъ именемъ Барона Шрепфера; нанялъ себѣ большой домъ и множество слугъ; объявлялъ себя мудрецомъ, повелѣвающимъ Натурою и духами, и въ громкую трубу звалъ къ себѣ всѣхъ легковѣрныхъ людей, обѣщая сообщить имъ великія знания. Со всѣхъ сторонъ стекались къ нему ученики. Иные подлинно хотѣли отъ него научиться тому, чему ни въ какихъ Университетахъ не учатъ, а другимъ болѣе всего нравился его хороши столъ. Съ почты приносили ему большіе пакеты, написанные на имя *Барона Шрепфера*, а Банкиры получали повелѣнія давать ему большія суммы денегъ. Съ разительнымъ краснорѣчіемъ говорилъ онъ о своихъ тайнствахъ, будто бы въ Ишамии ему сообщенныхъ, и разго-

ря-

рячивъ воображеніе своихъ слушате-
лей, показывалъ имъ духовъ, тѣхъ и
умершихъ знакомыхъ и проч. *Приди
и виждь!* кричалъ онъ всѣмъ, ко по-
рые сомнѣвались — приходили и ви-
дѣли тѣхъ и разные случаи, отъ ко-
торыхъ у трусливыхъ людей волосы
дыбомъ становились. Надожно замѣ-
тить, что кругъ ревностныхъ его
почитателей состоялъ не изъ Уче-
ныхъ, т. е. не изъ тѣхъ, которые
привыкли разсуждать по Логикѣ (сихъ
людей не могъ о себѣ терять, какъ ша-
кихъ, которые вѣрятъ разуму, болѣе,
нежели глазамъ), а изъ дворянъ и
купцовъ, совсѣмъ незнакомыхъ съ
уками. Замѣтить надожно и то, что
онъ только показывалъ чудеса, а
кого въ самомъ дѣлѣ не наугадъ дѣ-
лать ихъ; и что онъ показывалъ ихъ
только у себя дома, въ нѣкоторыхъ
особливо на то определенныхъ мѣ-
стахъ. Г-нъ Гр разсказалъ мнѣ слѣду-
ющіе анекдоты. Нѣкто М* пришелъ
къ Шрепферу съ своимъ пріятелемъ
для того, чтобы видѣть его ду-
при

прививаче Онъ нашелъ у него мно-
 го гостей, которыми безире-
 шительно и усильно подносили М* не хо-
 тѣлъ и шъ Шрепферъ приступалъ
 къ нему чѣмъ бы онъ вынулъ хотя одинъ
 шагъ, но М* отговорилъ я По-
 томъ ввѣли всѣхъ въ большую залу,
 которая оишъ была чернымъ сукномъ,
 въ которой всѣ окна были затворены.
 Шрепферъ поспѣшилъ всѣхъ зрителей
 вѣнъ, овернулъ ихъ кругомъ, и не
 велѣлъ никому прогнать я съ мѣста.
 Нагнъ въ трехъ отъ нихъ, на ма-
 ленькомъ жертвенникѣ, горѣлъ спиртъ,
 — чѣмъ единственно освѣщалась зала.
 Передъ сѣмъ жертвенникомъ Шреп-
 феръ, онажа грудь свою и взявъ въ
 руку большой олеспящй мечъ, бро-
 сился на колѣни и громко началъ мо-
 литься, съ такимъ усердиемъ, съ та-
 кимъ жаромъ, съ такимъ рвеніемъ,
 что М* пришедши видѣть ооманьщи-
 ка и обманъ, почувствовалъ шрепепъ
 и многовѣне въ своемъ сердцѣ Огонь
 блп палъ въ глазахъ молящагося, и
 грудь его высоко поднималась Ему
 над-

надлежало призвать лѣнь одного извѣстнаго человека, не давно умершаго. По окончаніи молитвы онъ началъ призываніе еими словами „О ты, блаженный духъ, преселившіися въ безплотный и смертнымъ неизвѣстнй миръ! внемли гласу оставленныхъ тобою друзей, желающихъ тебѣ видѣть, внемли, и оставя на время новую съюбишель, явися очамъ ихъ!“, и проч. Зрители почувствовали электрическое потрясеніе въ своихъ нервахъ, услышали ударъ, подобной удару грома, и увидѣли надъ жертвенникомъ легкой паръ, которой мало по малу густѣлъ, и наконецъ образовалъ человѣческую фигуру, однако жъ М* не примѣтилъ въ ней большаго сходства съ поконникомъ. Образъ носился надъ жертвенникомъ, а Шрепферъ, кошорой сдѣлался блѣденъ какъ смерть, махалъ мечемъ вокругъ головы своей. М* рѣшился выйти изъ круга и приблизиться къ Шрепферу, но сей, примѣтивъ сего движеніе, вскочилъ и бросился на него, и устремляя мечъ

къ

къ его сердцу, закричалъ страшнымъ голосомъ *ты упрешь, несчастной, естли хотя о динъ шагъ впередъ ступишь!* У М подкосились ноги такъ онъ испугался грознаго голоса и блестящаго меча его! Тѣнь исчезла Шрепферъ онъ усшалосши растянулся на полу, и велѣлъ выпити всѣмъ зрителямъ въ другую комнату, гдѣ подали имъ на блюдахъ освѣжающіе плоды — Многие приходили къ Шрепферу какъ въ спектакль, и хотя знали, что вся тайная мудрость его состояла въ шарлатанствѣ, однако жь съ удовольствіемъ смотрѣли на важныя комеди, имъ играемыя. Все это продолжалось нѣсколько времени. Но вдругъ Шрепферъ задолжалъ въ Лейпцигѣ многимъ купцамъ, и при томъ такимъ, копорые, не имѣя никакого желанія видѣшь его духовъ, требовали немедленнаго платежа. Векселеи къ нему уже не присылали, Банкиры не давали ему ни гроша, и несчастной мудрецъ, доведенной до крайности, застрѣлился въ Розентаалѣ. — По сіе время не

извѣ-

известно, откуда получал Шренферъ деньги, и какую имѣлъ цѣль, выдавая себя за духовнаго сына. Если бы принять гипотезу Берминдговъ, то онъ былъ орудіе тайныхъ лезуитовъ (такъ же какъ и Калоспрэ, ко порра въ самомъ цѣль есть второй Шренферъ) — лезуитовъ, хонящихъ се ва овладѣть умами человѣческимъ. Если бы это и такъ — въ чемъ однако жь я очень, очень сомнѣваюсь — то съ позволенія Господь тайныхъ лезуитовъ можно сказать что они начисто мьстятъ нынѣ починить себѣ Европу посредствомъ такихъ шарлатановъ — тогда, когда законы разума лично возглашаю пся, и просвѣщеніе распространяется болѣе и болѣе — просвѣщеніе, котораго одна искра можетъ освѣтить бездну заблужденія — Вы скажете можетъ бытъ, что Шренферъ бралъ деньги съ обольщенныхъ имѣ людей? Но по крайней мѣрѣ точно не известно ни одинъ человекъ съ котораго бы онъ бралъ ихъ (То же должно сказать и въ разсужденіи такъ

такъ называемаго Графа Камюстро. Писали и говорили, будто бы Бизельской Банкиръ Саразень, имъ орольщенной, передавалъ ему множество денегъ; но Саразень, которой уже давно призналъ Камюстра обманщикомъ, клялся одному изъ корошкихъ своихъ приятелей, что онъ не давалъ ему ни копѣйки. Вѣроятно, что святая Инквизиція допыталась до истины, и узнала, откуда несчастной шарлапанъ, самимъ собою или другими обманушой, бралъ свои брилланты и золото. Жаль только, что святая Инквизиція со всѣми дѣлами своими есть для насъ непроницаемая стена, и что мы отъ нее никогда не узнаемъ *показанія* Камюстрова. (*Примѣчаніе Издателя*)

Нынѣ послѣ обѣда выѣду я изъ Лейпцига; до Бутшельштета поѣду въ публичной коляскѣ, а оттуда до Веймара на экстренной почтѣ — Сю минутой получилъ я записку отъ
Д Плат-

Плашнера, въ которой изъясляетъ онъ свое желаніе, чтобы я когда ни будь пожилъ въ Лейпцигѣ подолѣе, и подалъ ему случай заслужить мою благодарность — Профессоръ Бекъ которой очень обяжалъ меня своею честию, взялъ на себя искасть Гофмейстера для Алексаши Онъ будетъ писать ко мнѣ въ Цюрихъ. — Проспите любезные друзья! Грустно мнѣ, очесло — грустно, что я не увижусь съ А.

Веймаръ, 20 Іюля

Въ путешествіи своемъ отъ Лейпцига до Веймара не замѣтилъ я ничего, кромѣ прекрасной долины, на которой лежитъ городъ Наумбургъ, и маленькой деревеньки, гдѣ ребяшишки набросали множество цвѣтковъ къ намъ въ коляску — къ намъ, говорю, и потому что я ѣхалъ до Буншельште та съ однимъ молодымъ Французомъ которой былъ чѣмъ-то въ свѣтъ Французскаго Посланника въ Дрезденѣ Разумѣется, что ребяшишки шѣли денегъ, мы бросили имъ

сколько грошей, и они громко закричали намъ *спасибо*! — Французъ, который не разумѣлъ ни одного слова по-Нѣмецки, и которому я служилъ переводчикомъ, очень жалѣлъ обо мнѣ, когда намъ пришлось разставаться. Впрочемъ онъ былъ для меня совсѣмъ неинтересенъ

На разсвѣтѣ приѣхали мы въ Бунтельшипетъ, гдѣ Почтмейстеръ далъ мнѣ до Веймара маленькую, покойную колясочку. Я подарилъ поспиліону фарфоровую трубку, купленную мною на Берлинской фабрикѣ, а онъ въ благодарность привезъ меня въ Веймаръ довольно скоро.

Мѣстоположеніе Веймара весьма изрядно. Окрестныя деревеньки съ полями и рощицами составляютъ пріятной видъ. Городъ очень не великъ, и кромѣ Герцогскаго дворца, не найдешь здѣсь ни одного огромнаго дома — У городскихъ воротъ меня допрашивали, послѣ чего предложилъ я караульному Сержанту свои вопросы, а именно: „здѣсь ли Виландъ?

зѣсь ли Гердеръ? зѣсь ли Гете? „
Здѣсь, здѣсь, здѣсь, опвѣчалъ онъ —
и я велѣлъ поспиллону везти себя
въ практиръ *слона*

Тотчасъ послалъ я наемнаго слу-
гу къ Виланду, спросить, дома ли
онъ? *Мѣтѣ, онъ во дворцѣ.* — Дома
ли Гердеръ? *Мѣтѣ, онъ во дворцѣ* —
Дома ли Гете? *Мѣтѣ, онъ во дворцѣ*

Во дворцѣ! во дворцѣ! повпорилъ я,
передражнивая слугу, — взялъ просить
и пошелъ въ садъ. Большой зеленой
лугъ, обсаженной деревьями и назы-
ваемой *звѣздою*, мнѣ очень полюбил-
ся; но еще болѣе полюбилась мнѣ ре-
ка, мрачные берега стремительно
текущаго ручья, подъ шумомъ копо-
раго, сѣвъ на мшистомъ камнѣ, про-
читалъ я первую книгу Фингала —
Люди, которые встрѣчались мнѣ въ
саду, смотрѣли на меня съ такимъ
любопытствомъ, съ какимъ не со-
трянъ на людей въ большихъ горо-
дахъ, гдѣ на всякомъ шагу встрѣ-
ются незнакомыя лица.

Узнавъ, что Гердеръ наконецъ дома, пошелъ я къ нему *У него одна мысль*, сказалъ объ немъ одинъ Нѣмецкой Авторъ, *и сия мысль есть цѣлой мрѣ* Я читалъ его *Urfunde des menschlichen Geschlechts*, читалъ, многова не понималъ; но что понималъ, то находилъ прекраснымъ. Въ какихъ картинахъ представляетъ онъ шворение! Какое восточное великолѣпие! — Я читалъ его *Бога*, одно изъ новѣйшихъ его сочиненій, въ которомъ онъ доказываетъ, что Спиноза былъ глубокомысленной Философъ и ревностной почитатель Божества, отъ пантеизма и атеизма равно удаленной, и по сему поводу сообщаетъ собственныя свои мысли о Богѣ и творении, прекрасныя, утѣшительныя для человѣка мысли Чтение сей маленькой книжки усладило нѣсколько часовъ въ моей жизни. Я выписалъ изъ нее многія мѣста, копорыя мнѣ опмѣнно полюбились. Постойте — не найду ли я чего иибудь въ записной своей книжкѣ? . . . Нашелъ одно мѣ-

Д 3

сто,

ето , которое можетъ быть и вамъ
полюбится — и для того я включу
его въ свое письмо Авторъ говоритъ
о смерти „Посмотримъ на лилію въ
„ полѣ она вливаетъ въ себя сокъ, воз-
„ духъ, свѣтъ, все спихи — и вырабо-
„ тываетъ и въ своей внутренности,
„ для того, чтобы расти, накопить жиз-
„ неннаго соку и разцвѣсть, цвѣтеть,
„ и по томъ исчезаетъ. Всю силу,
„ любовь и жизнь свою испощила она
„ на то, чтобы сдѣлаться матерью,
„ оставивъ по себѣ образы свои и раз-
„ множивъ свое бытіе. Теперь исчез-
„ ло явленіе лиліи, она исплѣла въ
„ неушомимомъ служеніи Натуры, и
„ можно сказать, что отъ начала жизни
„ своей приготавлилась она къ своему
„ разрушенію. Но что разрушилось
„ въ ней, кромѣ явленія, которое
„ не могло быть долѣе, — которое,
„ достигнувъ до высочайшаго пункта
„ линіи, — пункта, заключающаго въ
„ себѣ видъ и мѣру красоты ея, — на-
„ задъ обратилось и не съ тѣмъ, что-
„ бы лишась жизни, уступивъ мѣсто
„ юнѣи

„ юнѣйшимъ живымъ явленіямъ — се
„ было бы для насъ весьма печальнымъ
„ образомъ — нѣтъ! напрошивъ то-
„ го она, какъ живая, со всею радостію
„ бытія произвела бытіе ихъ, и въ
„ зародышѣ прекраснѣйшаго вида пре-
„ дала оное вѣчноцвѣтущему саду вре-
„ мени, въ которомъ и сама цвѣтешъ.
„ Ибо не умерла она съ симъ явлени-
„ емъ; сила корня ея существуетъ;
„ она паки пробудится отъ зимняго
„ сна своего и возстанетъ въ новой
„ весенней красотѣ, подлѣ милыхъ
„ дщери бытія своего, которыя спа-
„ ли ея подругами и сестрами. И такъ
„ нѣтъ смерти въ твореніи, или
„ смерть есть ничто иное, какъ уда-
„ ление того, что не можетъ быть
„ долѣе, и е. дѣйствіе вѣчноюной,
„ неутомимой, продолжающейся си-
„ лы, которая по своему свойству
„ не можетъ ни минуты быть праз-
„ дною или покоиться. По изящно-
„ му закону Премудрости и Благости,
„ все въ быспрѣйшемъ печеніи спре-
„ мится къ новой силѣ юности и кра-

„соты — спремится, и всякую минуту превращается „ — Въ семъ сочиненіи все ясно и понятно и согласно. Тутъ не бурнопламенное воображеніе юноши кружится на высотахъ, и сверкаетъ во мракъ, подобно ночному метеору, ослепляющему и въ минути исчезающему, но мысль мудраго мужа, разумомъ освѣщаемая, тихо несется на легкихъ крыльяхъ вѣющаго зефира — несется ко храму вѣчной Истины, и свѣтлою струею свой путь означаетъ — Я читалъ еще его *Парамити* (*), нѣжныя произведенія цвѣтущей фантазии, которыя дышатъ Греческимъ духомъ, и прекрасны какъ утренняя роза.

Онъ встрѣтилъ меня еще въ снѣгахъ, и обошелся со мною такъ ласково, что я забылъ въ немъ великаго Духа и Автора, и видѣлъ передъ собою только любезнаго, привѣт-

(*) Т. е. отдохновенія. Симъ именемъ называютъ еще и нынѣшніе Греки свои забавныя крашнія повѣсти.

вѣшайваго челоуѣка — Я провелъ у него два пряткые часа. Онъ разспрашивалъ меня о политическомъ состоянн Россн, но съ ошмѣнною скромностю. По томъ разговоръ обратился на лншперашуру, и слыша отъ меня, что я люблю Нѣмецкихъ Поэтовъ, спросилъ онъ, кого изъ нихъ предпочншаю всѣмъ прочимъ? Сеп вопросъ, признаться, привелъ меня въ затрудненне. Клопшпока, отвѣчалъ я запинаясь, почишаю возвышеннѣшнмъ изъ Пѣецовъ Германскихъ „И по справедлнвостн, сказалъ Гердеръ только его читаютъ мене, нежели другихъ, и я знаю многихъ, которые въ Месснадѣ на десятой пѣснн остановнлись и не могли читать далье. „ Онъ хвалилъ Виланда, а особливо Геше — и велѣвъ маленькому своему сыну принести новое издание его сочиненнй, читалъ мнѣ съ чувствомъ нѣкоторыя изъ его прекрасныхъ мѣлкихъ стихопвореннй. Особливо нравнлся ему маленькая пѣса, подъ именемъ *Meine Göttin*, которая такъ начинается.

Welcher Unsterblichen
Soll der höchste Preis seyn?
Mit niemand er' ich,
Aber ich geb' ihn
Der ewig beweglichen,
Immer neuen,
Seltsamsten Tochter Jovis,
Seinem Schockkinde,
Der Phantase, и проч.

„Это совершенно по-Гречески, ска-
залъ онъ — и какомъ языкѣ! кака
чистота! какая легкость!“, — Гер-
деръ, Гете и подобные имъ, при-
своивше себѣ духъ древнихъ Гре-
ковъ, умѣли и языкъ свой сблизить
съ Греческимъ, и сдѣлать его са-
мымъ богатымъ и для Поэзии удо-
нѣйшимъ языкомъ, и по тому ни
Французы, ни Англичане не имѣютъ
такихъ прекрасныхъ переводовъ съ
Греческаго, какими обогатили нынѣ
Нѣмцы свою литературу Гомеръ
у нихъ Гомеръ та же неискusstven-
ная, благородная простота въ языкѣ
которая была душою древнихъ рим-
лянъ, когда Царевны ходили по во-
ду, и Цари знали счетъ своимъ ба-
ранамъ — простота, которую Греческая

ки означали прекраснымъ словомъ *ἀπλῆ*
της. — — Гердеръ прелюбезной чело-
вѣкъ, друзья мой. Я простился съ
нимъ до завтрашняго дня

Въ церковь Св Якова надобно бы-
ло зайти для того, чтобы видѣть
тамъ на стѣнѣ барельефъ покойнаго
Профессора Музеуса, сочинителя
физионо мическаго путешествія и Жѣ-
мцкичѣ народныхъ сказокѣ Подъ ба-
рельефомъ — которой, сказываютъ,
очень похожъ на покойника — стоитъ
на книгѣ урна, съ надписью *незабвен-*
ному Музеусу — Чувствительная
Амалія ()! попомство будетъ благо-
дарить себя за то, что ты умѣла
цѣнить дарованія.

(Продолженіе впереди)

Х.

(*) Герцогиня Веймарская, мать владѣющаго Гер-
цога.

Х.

ПРАВСТВЕННОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ (*)

1.

Чей гласъ произноситъ внутри меня одобрение, когда сдѣлаю доброе дѣло — одобрение, возбуждающее во мнѣ чистое, несказанное, никогда ненасыщающее удовольствіе? Гласъ Всемогущаго, хотящаго, да человекъ, совершеннѣйшее изъ Его твореній, будетъ доородѣтеленъ и Ему подобенъ

2.

Любезная Эмиля! скажи мнѣ, кто далъ тебѣ ключъ къ сердцамъ всѣхъ человекѣвъ? Отъ чего происходитъ то, что каждой въ обращеніи съ тобою самъ сеоѣ лучше кажешся, и чрезъ обращеніе съ тобою лучшимъ дѣлаешся? Кто даетъ тебѣ столько силъ, чтобы забывъ слабость, болѣзни своего тѣла, забывъ самое себя, думать только

(*) Издатель искренно благодаритъ Особу, благоволившую ему прислать сію пьесу — переведенную съ Нѣмецкаго языка — в мысли въ день рожденія. К.

только о благѣ другихъ и всѣ шаги свои означать добрыми, благородными дѣлами? Не суть ли то дѣянія твоей благошворительной, чистой, Ангельской души? Вы властолюбивые, жадные къ славѣ и сладострастные! удовлетворяйте своимъ побужденіямъ, и скажите, чувствуете ли то сладкое удовольствіе, которое въ очахъ Эмили блистаетъ? Правда, не много Эмили! Нашура производитъ! Кто имѣетъ такое нѣжное, живое, вѣрное чувство? Но каждой изъ васъ, о смертные! да исполняешь должности своего званія, и каждой вкуситъ нектаръ удовольствія и внутреннего душевнаго покоя. Исполненіе должности есть основаніе всѣхъ добродѣтелей, и всякаго неложнаго блаженства.

3

Какъ щастливъ добродѣтельной супругъ въ объятіяхъ своей любезной супруги! Для него бьется въ предлестной груди благороднѣйшее сердце, — сердце чувствительное. Сладкія рѣчивые глаза, прекраснѣйшія уста ея

изображаютъ душевную нѣжность и чувство.

Разсмотримъ супруга подробнѣе. Онъ не столько уже пылокъ, какъ прежде, сердце его лучше, радости живѣе, горестъ услаждена. Все сіе есть дѣло любви, дѣло любезной супруги. Предметъ непорочныхъ его побужденій есть для него купно и ревностной, проникательной, скромной другъ. Любокружающъ невинные и веселые младенцы, размножающіе бытіе его. Родѣшяхъ онъ любилъ мать, въ матери дѣшеи, и шѣмъ щастливѣе, чѣмъ пламеннѣе любилъ. Будучи равно удаленъ и отъ кипящихъ страстей и отъ мертваго хладнокровія, живетъ онъ въ слащавшей радости. Младенцы спавъ челоуѣками, будутъ нѣкогда подпорою лѣшъ его.

Тамъ зрю я необузданнаго, заблудившагося юношу и чувственно презаннаго челоуѣка. Противная смесь презрѣнія и любви наполняетъ души ихъ попеременно удовольствіемъ и отвращеніемъ. Въ нынѣшній день ничего не

готовятся они для завтрашняго. Приходитъ старость, чувства умолкающъ, немощное тѣло требуетъ прирѣшя, сердце хочетъ согрѣшя, — и они живутъ въ печальномъ уединеннн, не слышатъ никогда сладостнаго имени отца, и тщетно зовутъ обратно потерянные часы

4.

И въ вышнихъ состояннхъ добродѣтель съ блаженствомъ неразрывна. Посмотри на великаго теловѣка, когда онъ въ сраженн, при возмущеннхъ, въ рѣшительныя минуты, все видишь и ко всему готовъ. бываетъ, когда онъ однимъ взоромъ усматриваетъ опасность и спасительное средство; усматриваетъ въ себѣ средство, и купно пользуется имъ; когда рѣшительность его увлекаетъ съ собою сомнѣвающяся, колеблюющяся, обыкновенныя души, служащя ему оруднмъ: какое божественное удовольствне воздымаетъ тогда грудь Героя! Сравни лучъ, блистающн и въ свѣтлаго ока его, съ туманнымъ, коварнымъ видомъ *Крошеля*, съ искажен-

женными яростію чертами *Катилины*. Равно тверды души злодѣевъ и Героевъ; но храбрость оныхъ есть бѣшенство, хитрость коварство, радость адская радость, внутреннимъ беззаконіемъ разрушенная радость, — радость зараженная ядомъ ненависти къ человѣчеству и къ самимъ себѣ.

5.

Какими же красками изображу я гордое самодовольствіе *Регула*, стремящагося за честь своего отечества на несомнѣнныя мученія? Какъ изображу тихое равнодушіе *Эпиктета*, котораго ни оковы, ни страданія не могутъ преклонить къ малодушію? Какъ изображу сіе нѣжно-сильное чувство друга *Пилатова*, охотно опваживающаго жизнь свою за другаго себѣ? Небесная радость, божественной жаръ оживлялъ сихъ Героевъ до родѣтели въ ихъ дѣяніяхъ! О вы *Тилуры*, вы *Кутыканы* протекшихъ и будущихъ временъ! почему навлекаете на себя столь щадительно про-
кля-

кляшнє просвѣщеннаго чєловѣчества ? Имѣли ли вы когда подѣ обагрєнными кровью , незаслужєнными лаврами , посреди воздвигнутыхъ на опустошеннн , невѣдами почитаемыхъ памятнчковъ , такія восхищнтельчяя минушы ? —

6.

О добродѣтель, весєлнє мудраго ! хотя порочныи шебя и оставлєшь, но щєщєнно стараетсяя усыпнть себя Во глубннѣ сердца его взывєшь всегда могущєственныи гласъ швой, мучнтельная для него укорнзна. Посреди самыхъ радостєи, вѣ шуму мнра , на одрѣ болѣзни, вѣ безсонныя ночн , и вѣ самыхъ сновндѣнняхъ вѣщаєшь гласъ швой, добрымъ вѣ награду , злымъ вѣ наказаннє. Не всегда продолаєтся упоєннє чувствъ , не всегда разсѣяннє возможно ! И какой же взоръ, какое чувствво ваннє — вндѣшь себя и ненавндѣшь !

О добродѣтель ! и такъ вѣчный и первоначальный Источннкъ всякаго блага неразрывными узамн сопрягъ сѣ тобою естєство чєловѣчєское , сопрягъ прнщнными узамн

Е

нрав-

и рабственнаго удовольствія : и горе
тому , кто щипитъ разорвать оныя !

В. Поди

XI.

МЫСЛИ ВЪ ДЕНЬ МОЕГО
РОЖДЕНІЯ.

Первая мысль , первое слово при-
надлежитъ тебѣ , благодѣтельная При-
рода , произведшая меня на свѣтъ ны-
нѣшній день ! Пробужившіяся птицы
различными криками встрѣчаютъ мо-
лодой день , которой и я радостно
объемлю Гряди , любезной день , улы-
нись и будь свидѣтель моей чувстви-
тельной за бытіе благодарности !
Возбудились въ птицахъ заботы о
пищѣ : возбудились и во мнѣ , алчу-
щемъ безсмертной пищи Онѣ ожида-
ютъ благошворныхъ лучей солнца .
Ожидаю и я сего величественнаго и
поразительнаго зрѣлища , ожидаю но-
ваго для себя свѣта , небесной те-
плоты своему сердцу . Дни , радостны
для моихъ собратій , пусть кажу-
ся ему всегда весенними днями ! Пусть

онѣ

оно, рѣзвась какъ агнецъ, гармонически участвуетъ въ душевной пляскѣ швоихъ, Природа, веселыхъ шварей! Но пусть же оно и крушится при видѣ обуреваній, мяшущихъ родъ человѣческой, — обливается кровію при видѣ угнѣшенія моихъ кровныхъ! Я сирота въ семѣ свѣшѣ, но свѣшѣ не можетъ отречься отъ близкаго родства со мною

Природа, чадолюбивая мать и наставница! удостой благопріятнаго воззрѣнія лепешаніе швоего младенца, которой, повергаясь передъ тобою, съ сыновнею и почтительною нѣжностью благодаритъ тебя за свое неоцѣненное существованіе, за всѣ милосши, тобою на него измѣнныя; которой совершенно предается швоему руководству, совершенно и во всемъ полагается на тебя, на швою благодѣтельную помощь и дѣятельное подкрѣпленіе Ахъ! ештли я опстунлю отъ швоихъ благошворныхъ законовъ, ештли чело мое помрачится злобою на моего ближняго то пусть лучше,

о Природа! поразишь меня слѣдующимъ
лѣшомъ всемогущий громъ твой! —

В. Подш.

XII

МОСКОВСКОЙ ТЕАТРЪ

*Сидъ, трагедія въ стихахъ, по-
дражаніе Французскому Сиду, сочи-
ненному П. Корнелемъ*

Дѣйствіе происходитъ въ Севи-
лѣ, во время царствованія Фернанда,
перваго Кастильскаго Короля Химе-
на, дочь Графа Гормаса, и Родриго,
сынъ донъ - Диега, престарѣлаго пол-
ководца, любящъ другъ друга, Король
долженъ избрать Гофмейстера Ка-
стильскому Принцу Гормасъ думаетъ
что никто кромѣ его не имѣетъ пра-
ва на сіе достоинство, но Король изби-
раетъ донъ - Диега Графъ, исполнен-
ной зависти и досады, оскорбляетъ его
послѣднѣе, называя его недостойнымъ
окъазанной ему чести Они ссорятся
оужающъ мечи — Гормасъ обезору-
очивъ Диега, повергаетъ его передъ
живую, и съ презрѣніемъ оставляетъ
себо

всѣ

его (У Корнеля онъ даетъ ему иоще-
нину) Діего, униженной и посрамлен-
ной въ собственныхъ своихъ глазахъ,
заклинаетъ сына своего отмстить
Графу. Родриго, иомышля, что онъ
отецъ Хименинъ, колеблется; но
скоро должность торжествуетъ —
онъ вызываетъ Графа на поединокъ,
и убиваетъ его. Вотъ завязка траге-
ди. Теперь слѣдуетъ одна изъ луч-
шихъ сценъ въ пьесѣ. Съ одной сто-
роны являеиша передъ трономъ Хи-
мена, и пребываетъ отъ Короля
суда на убійцу отца своего, хотя
сеи убійца есть ея любовникъ, а съ
другой донъ - Діего, оправдывающій
своего сына. Король обѣщаетъ судъ
Донъ - Санхо, молодой рыцарь, влюб-
ленной въ Химену, вызывается бытъ
ея мстителемъ. (Тутъ Сочинитель
Рускаго Сидя удаляется отъ Фран-
цузскаго оригинала, но мы послѣду-
емъ плану сего послѣдняго, и по томъ
означимъ опмѣны въ планѣ перваго) Хи-
мена не принимаетъ его предложенія, на-

дѣясь на правосудіе, обѣщанное Коро-
лемъ Родриго приходитъ къ ней, и
требуетъ смерти опъ руки ея Лю-
бовь съ должностію сражающа въ
сердцѣ Химены. Она признается въ
первой, однако ль хочетъ требовать
Родриговой головы, и умереть съ нимъ
вмѣстѣ — Между тѣмъ Мавры не-
чаянно приближаются къ городу Все
въ смятеніи и въ безпорядкѣ Печаль-
ной Родриго присоединяется къ друзь-
ямъ отца своего, которые собрались
у него въ домѣ; вмѣстѣ съ ними
идетъ противъ Мавровъ, нападаетъ
на нихъ, и оказавъ удивительную
храбрость, побѣждаетъ, и съ лаврами къ
Королю возвращается. Въ самую ту
минушу, когда Король обнимаетъ въ немъ
спасителя своего и даетъ ему имя *Сидъ*
или *побѣдителя*, приходитъ Химена
требовать правосудія Сидъ удаляет-
ся Король, подозрѣвая, что она все
еще любитъ Родрига, и желая въ томъ
увѣришься, сказываетъ ей, что Судь-
ба отмстила за нее, и что Родриго
убитъ въ сраженіи Она блѣднѣетъ

Сидъ

Сидѣ живѣ, говоритъ Король, — живѣ, любитъ тебя, и рука твоя должна бытъ ему наградою за славную побѣду Но Химена, снова вооружась твердостью, обѣщаетъ руку свою тому изъ рыцарей Королевскихъ, кто убьетъ Родрига Донъ - Санхо выстукаетъ съ мечемъ, и Король соглашается на сей поединокъ Но кто изъ нихъ будетъ побѣдителемъ, говоритъ онъ, тотъ долженъ бытъ супругомъ Химены Въ началѣ пятаго дѣйствія приходитъ Родриго къ Хименѣ, проститься съ нею на вѣки Онъ рѣшился умереть отъ руки того, кому она поручила свое мщеніе, хочетъ обнажить грудь свою передъ мечемъ своего противника, и пасть отъ удара его Вся сила любви возбуждается въ сердцѣ Химены Когда ты презираешь жизнь и честь свою, говоришь она, то вспомни, что я нѣкогда тебя любила, и что рука моя должна бытъ наградою побѣдителя — вспомни, и побѣди! Съ сими словами она поспѣшно удаляется, и восхищен-

ной Родриго чувствуетъ въ себѣ силу
сразиться съ тысячами и побѣдитъ (*)
Сражаются — Сидъ обезоруживаетъ
своего противника, и посылаетъ его
къ Хименѣ повергнуть мечъ свой къ
ея ногамъ и признаться побѣжденнымъ.
Химена, видя Санха входящаго съ ме-
чемъ въ рукѣ, почитаетъ его побѣ-
дителемъ, и не давъ ему сказать ни
слова, предается опчаянью, и передъ
самимъ Королемъ обнаруживаетъ все
свое сердце, любви исполненное. Род-
риго является и падаетъ къ ногамъ
ея

(*) Я видѣлъ Сидя на Парижскомъ Театрѣ, и
помню, что сіе мѣсто прегеліи сдѣлало во
мнѣ пріятное впечатлѣніе. Секъ - Фаль, моло-
дой человекъ, имѣющій всѣ нужныя для акте-
ра дарованія, игралъ ролю Сидя. Въ самую
ту секунду, когда Химена сказала: *Sors vain-
queur d'un combat dont Chimène est le
rix*, лице его перемѣнилось, послѣ печальнаго
унынія изобразилась на немъ живѣйшая радость;
глаза его наполнились огнемъ; вынувъ мечъ и
поднявъ руку свою, произнесъ онъ голосомъ
героя, увѣреннаго въ своей побѣдѣ, сей стихъ:
*Est-il quelque ennemi qu'a présent je ne
domte?*

ея Король хочешъ соединить любовниковъ, но щадя честь Химены, опсрочиваетъ бракъ ихъ, посылаетъ Сидда преслѣдовать Мавровъ, и заключаетъ Трагедію сими стихами

Pour vaincre un point d'honneur qui combat contre toi,
Laisse faire le tems, ta vaillance, et ton roi

Сочинитель Руской трагедіи переи́нилъ порядокъ приключеній Его Сидъ выходитъ на поединкъ съ донъ-Санхомъ прежде сраженія съ Маврами, и прошивъ сихъ послѣднихъ идетъ онъ не добровольно съ друзьями отца своего, но самъ Король посылаетъ его и донъ-Санха, поручая имъ свое войско, и обѣщая Химену тому, кто окажется болѣе храбрости Сидъ возвращается съ побѣдою, и Король, признавая его достойнымъ Химениной руки, оставляетъ времени совершить бракъ ихъ (такъ же, какъ у Французскаго Автора)

Корнель, сочиняя своего Сидя, имѣлъ у себя передъ глазами двѣ Гишпанскія драмы (*) сего содержанія, изъ которыхъ, говоритъ Вольшеръ, взялъ онъ самыя лучшія и прогательнѣйшія мѣста своей трагедіи, бывшей, такъ сказать, основаніемъ его славы, ибо до того времени знала его Французская Публика только по Клитандру и Медеѣ, двумъ весьма несовершеннымъ трагедіямъ Сидя долгое время былъ любимѣйшею пьесою Парижской Публики, и самыя новѣйшія Французскія Писатели почищаютъ его естли не лучшею, но по крайней мѣрѣ прогательнѣйшею изъ всѣхъ Корнелевыхъ трагедій. Впрочемъ, по признанію Французской Академіи, Сидя имѣетъ пороки, и великіе пороки. Вѣроятно ли на прим. то, чшобы добродѣтельная дѣвица, какою Авшоръ хотѣлъ представить Химену, могла рѣшиться быть супругою убійцы отца сво-

сіо

(*) Одну сочинилъ Діамантъ, а другую Г. де Кастро.

его, въ самой той день, въ которой убийство совершилось? Вольтеръ берется оправдывать сию развязку трагедии, но въ самомъ дѣлѣ ни мало ее не оправдываетъ „Химена не выходишь за мужъ за Сидя“, говоритъ онъ правда, но она даетъ чувствовать, что поидетъ за него — а это все одно Вѣроятно ли даже и то, чтобы Король, не будучи самымъ грубымъ и нечувствительнымъ человекомъ, вздумалъ въ тотъ день говорить ей о бракѣ? — Хотя Химена по Исторіи въ самомъ дѣлѣ вышла за Родрига, однако жь, еслили она подлинно была шакъ добродѣтельна, какъ говорятъ объ ней Гишпанскіе Историки и Поэты, то конечно не такъ скоро по смерти отца своего вздумала она итти за него. Можно согласиться съ Корнелемъ,

*Que le tems assez souvent a rendu légitime
Ce qui sembler d'abord ne se pouvoit
sans crime.*

Къ тому же есть шакія приключенія, которыя хороши только для Историка, а не для драматическаго По-

Поэзия Историкъ долженъ описывать все, какъ было, не думая о впечатлѣннн, которое сдѣлаетъ въ читателѣ описываемое имъ приключенне, но драматической Поэтъ долженъ имѣть у себя въ предметъ извѣстное дѣйствне, то есть, онъ долженъ производить въ зрителѣ или радость или горестъ Иногда, въ теченн драмы, можетъ онъ манти его радостными видами, для того, чтобы наконецъ заставить его шѣмъ сильнѣе чувствоватъ горестъ. Такъ на примъ въ Эмили Галотти Одоардо говоритъ о шѣмъ щаснн, кошорымъ дочь его въ объятяхъ любви будетъ наслаждаться, а послѣ пронзаетъ ее кинжаломъ. Иногда Поэтъ представляешъ героевъ своихъ на краю гибели, — ш е производитъ въ насъ печальныя чувства — для того, чтобы послѣ спасши ихъ, заставить насъ шѣмъ больше радовашся Такъ на примъ въ Расиновой Ифигенн до послѣдней сцены все печально, но наконецъ Ифигеня спсена, и зрителъ вдругъ развеселяетъ

ся въ душѣ своей Корошко сказать, развязка драмы непременно должна быть или печальна или радостна для зрителя и оставлять въ немъ чистыя, несмѣшенные чувства. Теперь я спрашиваю, какого рода есть развязка Корнелева Сида? Ее не лзя назвать печальною, для того что зритель видитъ соединеніе любовниковъ, или увѣренъ въ томъ, что оно безпрепятственно послѣдуетъ. Но ее не лзя назвать и радостною, для того что онъ не можетъ одобрить сего соединенія, и не можетъ почитать его счастливымъ. Мысль, что Химена рано или поздно будетъ мучима совѣстію, и вспомя, какъ умеръ отецъ ее, можетъ увидѣть въ супругъ своемъ убійцу, обогрѣннаго кровію, мысль, что въ самыхъ нѣжныхъ обѣщаніяхъ любви можетъ ей предстать укоряющій образъ отца — сія мысль мѣшаетъ зрителю радоваться. — Но почему же Сидъ могъ такъ нравиться Французской Публикѣ? Потому что въ немъ есть хорошія сцены и проницательныя чувства,

сшва,

ства; потому что въ немъ много прекрасныхъ стиховъ — Послушаемъ, что вообще о Французскихъ шрагедяхъ, а особливо о Корнелевыхъ, говоритъ одинъ изъ остроумнѣйшихъ Французовъ, д'Аламбертъ, въ письмѣ къ другу своему Вольшеру, которой прислалъ къ нему свои примѣдания на Корнелева Цинну (Correspondance de Mr de Voltaire, 89 томъ полныхъ его сочиненій). Voulez vous que je vous parle net, comme misanthrope, et sur la pièce et vos remarques? Je vous avouerai d'abord que la pièce me paraît d'un bout à l'autre froide et sans intérêt; que c'est une conversation en cinq actes, et en style tantôt sublime, tantôt bourgeois, tantôt suranné; que cette froideur est le grand défaut, selon moi, de presque toutes nos pièces de théâtre, et qu'à l'exception de quelques scènes du Cid, du cinquième acte de Rodgune et du quatrième d'Heracles, je ne vois rien (particulièrement dans Corneille) de cette *terreur* et de cette *pitié* qui font l'ame de la tragédie. Si je suivais donc mon penchant, je dirais que presque toutes ces

piè

pièces sont meilleures à lire qu'à jouer ; et cela est si vrai qu'il n'y a presque personne aux pièces de Corneille, et médiocrement à celles de Racine (*). — Сей ужасъ, сию жалость, которые д'Аламбертъ весьма справедливо называетъ душою трагедіи, найдемъ мы въ Шекспирѣ и въ нѣкоторыхъ Нѣмецкихъ драматическихъ Сочинителяхъ Француз-

цуз-

(*) То есть: „Хотите ли, чтобы я какъ мизантропъ прямо сказалъ вамъ свое мнѣніе о пьесахъ и вашихъ примѣчаніяхъ? Мнѣ кажется, что пьеса отъ начала до конца холодна и ненужна; что она есть ничто иное, какъ разговоръ въ пяти актахъ, писанной то высокимъ, то низкимъ, то стариннымъ слогомъ, что ея холодность есть великой недоспашокъ почти всѣхъ нашихъ театральныхъ пьесъ, и что кромѣ нѣкоторыхъ сценъ въ Сидѣ, пятого дѣйствія въ Родогюнѣ и четвертого въ Ираклинѣ, нигдѣ нѣтъ (а особливо въ Корнелѣ) еего ужаса, сей жалости, которые составляютъ душу трагедіи. И такъ, по моему мнѣнію, всѣ сіи пьесы лучше для чтенія, нежели для представленія. Поэтому то кныи почти никого не бываютъ въ театрѣ, когда играютъ Корнелевы трагедіи; очень не много, когда Ракиновы представляются.“

цузскія трагедіи можно уподобить хорошему регулярному саду, гдѣ много прекрасныхъ алей, прекрасной зелени, прекрасныхъ цвѣтниковъ, прекрасныхъ бесѣдокъ; съ пріятностію ходимъ мы по сему саду и хвалимъ его; только все чего-то ищемъ и не находимъ, и душа наша холодною остается, выходимъ, и все забываемъ. Напрощивъ того Шекспировы произведенія уподоблю я произведеніямъ Напуры, которыя прельщаютъ насъ въ самой своей нерегулярности; которыя съ неопи- санною силою дѣйствуютъ на душу нашу, и оставляющъ въ ней незагла- димое впечатлѣніе.

Обращаясь къ Рускому Сиду, скажемъ, что сія трагедія, которою на нынѣшнее лѣто Театръ закрылся была очень хорошо принята Мѣсковскою Публикою. Многие прекрасныя стихи были замѣчены, и громкія рукоплесканиа раздавались въ партерѣ и въ ложахъ.

Гж. Марья Синявская представ- ляла Химену, и во многихъ мѣстахъ

своей роли по справедливости заслуживала рукоплесканіе зрителей. Г. Лапинъ игралъ ролью Диега, Г. Сахаровъ Родрига, а Г. Померанцевъ Гораса Кажешся, что первой могъ бы лучше представлять гордаго, пламеннаго Гормаса, а послѣдній стараго и слабаго Диега; по крайней мѣрѣ такъ думали многие изъ зрителей.

XIII.

О ИНОСТРАННЫХЪ КНИГАХЪ.

Voyage du jeune Anacharsis en Grèce, dans le milieu du quatrième siècle avant l'Ère vulgaire. 7 vol. *Путешествіе юнаго Анахарсиса по Греціи, въ срединѣ четвертаго вѣка и передъ Рождествомъ Христовымъ 7 томовъ.*

Сие сочиненіе, надъ которымъ авторъ, Г. Аббатъ Баршелеми, болѣе тридцати лѣтъ трудился, и въ которомъ умѣлъ онъ соединить строгую историческую истину съ прият-

ностию предложения, есть рѣдкое явление въ литературѣ.

Цѣль нашего Автора есть та, чтобы въ прекрасной картинѣ представить всё достопамятности древней Греціи — ея политическое и воинское состояніе, разные народы и города, литературу, нравы, добродѣтели и пороки. Онъ избралъ для сего самой лучшей способъ, полагая, что Анахарсисъ, молодой Скиѣ, когда за два до рожденія Александра прѣѣхалъ жить въ Аѣны, а отшудѣздилъ и въ другіе города, и замѣчалъ различія, характеры и мѣстные достопамятности сихъ народовъ; наконецъ же, когда Филиппъ покорилъ Грецію, возвратился въ Скиѣю, и привелъ тамъ въ порядокъ свои сумы. Сей образъ предложения весьма пріятенъ; и выписки Ученаго, которыя стоили ему ужасныхъ трудовъ, кажутся читателю интереснымъ журналомъ путешественника или повѣствованіемъ очевидца. Самое время весьма искусно выбрано

время, которое можно назвать послѣднею эпохою цвѣтущей Греціи; въ которое жили Эпаминондъ, Фокіонъ, Ксенофонтъ, Демосвеевъ, Платонъ, Аристиппъ, Аристопель и другіе великіе Республиканцы, вмѣстѣ съ двумя великими Царями, Филиппомъ и Александромъ; въ которое блистали еще Аѣины, Сиракузы и Коринѣ; въ которое жили еще современники Сократовы, Эврипидовы, Альцибиадовы, Аристофановы, Никласовы, Парразевы и Фидіасовы; въ которое хотя исчезла свобода Греціи, но имя ея скоро сдѣлалось для всей Азии еще ужаснѣе прежняго.

Чтобы послѣ не перерывать нити своего повѣствованія, то въ первой части, служащей введеніемъ къ прочимъ, сообщаетъ онъ Исторію Греціи отъ древнѣйшихъ временъ ея до взятія Аѣинъ Лизандеромъ. Происшествия собраны съ великимъ стараніемъ; повѣствованіе же кратко, но всегда пріятно. Между тѣмъ надобно помнить, что Сочинитель говоритъ

именемъ Анахарсиса, и въ связи съ послѣдующимъ По чему можно справедливѣе назвать сіе Исторіею Аѳинъ, нежели Исторіею всей Греціи. Спарта, Коринѣ, Фивы, упоминаются въ отношеніи къ Аѳинамъ. Только въ такъ называемомъ *героическомъ* вѣкѣ проходитъ онъ Исторію *всей* Греціи, отдѣляя отъ нее, сколько можно, все баснословное, и заключаетъ ее искуснымъ изображеніемъ Гомера (стр 76) Слѣдующія 300 лѣтъ раздѣляетъ онъ на три эпохи на вѣкъ *Солоновъ* или *законовъ*, на вѣкъ *Фемистокловъ* и *Аристидовъ*, или вѣкъ *славы*, и на вѣкъ *Перикловъ*, или вѣкъ *роскоши и искусства* Въ первой эпохѣ съ отменною тщаніемъ изобразилъ онъ законы Солоновы. Мудрость, которую сей великій законодатель оказалъ въ своихъ политическихъ учрежденіяхъ, предсказалъ онъ ясно, кратко и увидѣтельно. Намъ встрѣтились только нѣкоторыя малости, требующія изъясненія. Напр (стр 103) Авлюс говоритъ рѣшительно, что Солоновъ

уц

уничтожилъ *всѣ долги*. Сіе мнѣніе есть конечно обыкновенное, однако жъ Плутархъ по иному говоритъ, что нѣкоторые пишутъ только объ уменьшеніи процентовъ. — Въ разсужденіи безчестія, положеннаго Солономъ на лѣность (страни 122), достойно примѣчанія то, что съ болѣею точностію говоритъ о семъ Поллуксъ: „Кого три раза застали въ праздности, того надлежало объявить безчестнымъ“, — Авторъ, кажется, думаетъ, что Солонъ только за смертоубиство смертію наказывалъ; но Плутархъ говоритъ точно, и еще съ неодобреніемъ, что онъ позволялъ убивать и *прелюбодѣевъ*. Діогенъ Лардсій пишетъ, что по крайней мѣрѣ нѣкоторыя воровства также смертію наказывались. Эсхинъ, въ рѣчи своей противъ Тимарха, упоминаетъ о другомъ законѣ, которой невѣрной женѣ запрещалъ украшаться, и позволялъ срывать съ нее одежду и бить ее, только не уязвлять и не убивать до смерти. И прочие законы, касательно

до супружества, о которыхъ говоритъ Плутархъ, стоили бѣ шого, чтобы упомянуть объ нихъ; а особливо тошъ, что каждой мужъ обязанъ по крайней мѣрѣ три раза въ мѣсяцъ исполнять супружескую должность, *если жена его богата*. Такія черты весьма примѣчания достойны. Сюда бы принадлежалъ и законъ противъ неблагодарности, о которомъ упоминаетъ Валерій Максимъ, равно какъ и учрежденіе касающееся до *земледѣ-
л. —* Сравненіе, которое (спран. 142) Авторъ дѣлаетъ между Солономъ и Ликургомъ (слѣдуя отчасши Плутарху), хотя само по себѣ и справедливо, однако жъ не у мѣста; ибо читатель совсѣмъ еще не знаетъ Ликурговыхъ законовъ, о которыхъ говорится уже въ четвертомъ томѣ.

Ко второй эпохѣ принадлежитъ война Дарія и Ксеркса съ Грецією. „Не безъ труда могъ я рѣшиться, говоритъ Анахарсисъ, описывать сраженія. Довольно знать и того, что войны начинаются отъ честолюбія;

а кончатся погибелю народовъ. Но примѣръ нации, предпочитающей смерть рабству, достоинъ всего вниманія, и умолчать о немъ не возможно., — Г. Бартелеми правъ. Ся война есть конечно одна изъ самыхъ примѣчанія достойнѣйшихъ, и онъ описываетъ ее съ удивительною силою Мы сравнивали его съ Джиллевою Греческою Исторіею; но Французъ вездѣ посрамляетъ Англичанина Никто еще не изображалъ такими живыми красками благоразуміяThemistocleа, справедливости Аристидовой и героизма Леонидова, какъ Бартелеми. Только въ иныхъ мѣстахъ желали бы мы болѣе подробности. Такъ на пр. Сочинитель слишкомъ коротко сказалъ о смерти того Павзанія, которой при Платеѣ игралъ такую важную роль (стран. 260).

Въ Исторіи претшней эпохи, которую называетъ Авторъ въкомъ Перикловымъ, представляетъ онъ не съ достащочною основательностію нѣкоторыя дѣла и учрежденія сего великаго

Ж 4

му-

мужа. Напр (страни 218) говоритъ онъ „Подъ *низтожныи* предлогами опшялъ Периклъ власть у Ареопага, которои сильно прошивилса развращенгю нравовъ и новымъ обычаямъ „ Когда онъ унижене Ареопага поспавляетъ главною причиною паденя Аѳинъ, то ему надлежало бы предложить се съ большею точностю Начало Пелопонесской войны (страни 291 - 306) описывается весьма пространно, напрошивъ того о послѣдствіяхъ оной говорится весьма коротко О важномъ сраженіи при Аргинузѣхъ и несправедливомъ судѣ Аѳинскаго народа, обвинившаго своихъ Наварховъ, ничего не упоминается. О дѣлахъ Альцибиадовыхъ, по возвращеніи его въ отечество, также ни слова не сказано. Такие пропуски производятъ всегда нѣкоторую неровность. — Напрошивъ того разсужденія въ заключеніи сего тома достойны всеи похвалы.

И такъ во второмъ томѣ юнса Анахарсиевъ отправляется въ пун

Онѣ происходитъ отъ славнаго Скиѣа сего имени, т е. Анахарсиса. Желаніе пограбашь ему, а особливо обхожденіе съ однимъ Фивскимъ уроженцомъ, Тимагеномъ, которой въ походѣ младшаго Кира былъ взятъ въ плѣнъ и проданъ въ Скиѣю, побудило его предпринять путешествіе въ чужія земли. — Таврической Херсонесъ есть первая земля, которую онѣ описываетъ, и гдѣ царствовалъ Тираниъ Левонъ. Оттуда ѣдетъ онѣ на кораблѣ въ Лезбосъ, и корабельной Капитанъ рассказываетъ дорогою Тимагену, къ величайшему его удивленію, что опещественной его городъ, посредствомъ Диамнонда, началъ играть первую ролю въ Греціи. По томъ описывается Византія, страны Геллеспонта, Мѣсса, которыя Гомеръ безсмертными едѣлаъ, и Греческія колонны, а пространнѣе оныхъ описывается Лезбосъ и Эвбея. Анахарсисъ приспѣаетъ въ Авлисъ, и отправляется сперва въ Фивы. Послѣ, во второмъ путешествіи, описываетъ онѣ нравы

Беотійскихъ жителей На ней разъ Эпаминондъ есть единственнoй предметъ его, и картина, въ которой представляется онъ сего мужа, выше всякой похвалы. Нѣкоторые примѣчательные анекдоты жизни его собраны съ великимъ стараніемъ изъ разныхъ Сочинителей, и предложены въ наилучшемъ порядкѣ. Только читая одинъ изъ сихъ анекдотовъ, Рецензентъ удивился, что Авторъ пропустилъ половину его, и притомъ важную „Мицисъ, юноша, любезной Эпаминонду, увѣдомляетъ его, что Диомедонъ Цизикской, посланной великимъ Царемъ, прибылъ въ Фивы, привезъ для Эпаминонда знатные дары, и ему Мицису далъ пять шаншовъ Эпаминондъ призываетъ къ себѣ Диомедона и говоритъ ему „Если желанія Артаксерксовы согласны со благомъ моего отечества, то дары не нужны, а если оныя вредны Фивамъ, то я за все золото его цѣлства не захочу быть измѣнникомъ Ты по своему сердцу заключаешь о мнѣ я прощаю тебѣ Но удались

ск

скорѣе изъ Фивъ, чтобы ты не развратилъ моихъ согражданъ Атты, Мидишъ, въ сию же минушу возврати ему свое золото, или я предамъ тебя суду „ — Такъ повѣствуетъ Авторъ, слѣдуя Корнелию Неполу Но сей прибавляетъ еще слѣдующее „ Послѣ того проситъ Диомедонъ вѣрныхъ проводниковъ, чтобы не опняли у него привезенныхъ имъ даровъ Я ихъ дамъ тебѣ, отвѣчаетъ Эпаминондъ только не для тебя, а для себя, чтобы не сказали, будто я всенародно отказался отъ даровъ для того, чтобы послѣ тайно отнять ихъ „ — Аларисъ (страни 103) приѣзжаетъ въ Аѳины Сообразно съ планомъ своимъ, описываетъ онъ политическія учрежденія сего города не въ цѣломъ, а по частямъ, и описание свое перерываетъ иногда повѣствованіемъ Сперва говоритъ о мѣстахъ и различныхъ классахъ жителей Аттики. По томъ описываетъ Академію, Платона и первыхъ учениковъ его, которымъ прошивопологается Диогенъ. — Фоклонъ,
Ти-

Тимоѳей и Хабрїй составляютъ при прекрасныя картины въ первыхъ чертахъ Послѣ включеннаго описанія Гимнази является Исократъ Авторъ весьма искусно изображаетъ смѣсь великоспш и слабоспшей, скромности и суешности въ семъ примѣчаніи достойномъ челоѳкѣ, котораго заставляеть онѣ самого говорить. Только нѣкоторыя рѣчи Аполлодоровы кажутся намъ слишкомъ отборными — Послѣ описанія военныхъ школъ и полоронѣ, ѳдетъ Анахарсисѣ на короткое время въ Коринѣ, гдѣ знакомится съ Ксенофонтомъ и Тимолеономъ — Во время ихъ пребыванія въ Коринѣ, сей послѣдній изъ любви къ отечеству отдаеть на смерть своего брата — Аѳиняне приготавливаются къ войнѣ съ Фивами Анахарсисѣ описываетъ ихъ воинскія учрежденія Самъ Ификратъ изъясняетъ часть своей Тактики. — Представленіе Софоловой Аншигонѣ подаетъ случаи къ краткому описанію Аѳинскаго Театра — Весьма обстоятельно изображаетъ Авторъ городъ

Аѳины — Дающъ сраженіе при Ман-
тинѣ, и Эпаминондъ умираетъ смер-
тню достойною своей жизни — Тутъ-
то уже Анахарсисъ описываетъ по-
дробно правленіе Аѳинъ, Сенапоровъ,
судилища, Ареопагъ, жалобы, слѣд-
ствія и наказанія въ сей Республикѣ.
Мы не можемъ входить съ Авторомъ
во все подробности — Въ первыхъ
отдѣленіяхъ снова говорится о нѣко-
торыхъ Солоновыхъ учрежденіяхъ, о
которыхъ говорено уже было въ пер-
вомъ томѣ, но сіе повтореніе нужно
для того, чтобы показать, какимъ
образомъ столь мудрые въ началѣ Аѳин-
скіе законы снана быль злоупотреб-
ляемы — Авторъ весьма хорошо из-
ображаетъ весь Аѳинскій народъ Мы
не можемъ удержаться, чтобы не
перевести сею описанія „ Сей на-
родъ, весьма пылкой и перелѣчивой
въ своихъ чувствованіяхъ, имѣетъ
въ характерѣ своемъ противпо-
ложныхъ качествъ болѣе, нежели
какой другой народъ, и весьма де-
моженъ быть обольщаемъ
„ Исто-

„Исторія представляетъ намъ его то
„старцемъ, котораго можно обманыва-
„вать безъ всякаго страха; то мла-
„денцемъ, котораго безирестанно за-
„бавлять должно. Иногда видимъ въ
„немъ проицаніе и чувствва великихъ
„душъ. Удовольствія и свободу, по-
„кои и славу любитъ онъ до чрезмѣр-
„ности, уживается похвалами ему
„приписываемыми, и плесками оказы-
„ваетъ свое удовольствіе тому, кто
„укоряетъ его справедливо. По са-
„мымъ первымъ словамъ понимаетъ
„онъ планы, ему сообщаемые; но не
„имѣетъ терпѣнія выслушать по-
„дробности и представить себѣ всѣ
„слѣдствія дѣла. Онъ заставляетъ
„препешать судей своихъ въ то
„самое время, когда прощаетъ злѣи-
„шихъ своихъ враговъ; здругъ перехо-
„дитъ изъ ярости въ жалость,
„изъ робости въ дерзость, изъ не-
„справедливости въ раскаяніе. Онъ
„легкомысленъ и вѣтренъ до того,
„что въ дѣлахъ самыхъ важныхъ, и
„даже въ обстоятельствахъ отчаян-
„ныхъ,

„ныхъ, одно безъ мыслей сказанное
 „слово, одна щастливая мысль, ма-
 „лѣйшій предметъ, малѣйшій случай,
 „только чтобы онъ былъ не умыш-
 „ленной, можетъ разсѣять страхъ
 „его, или отвратить его отъ соб-
 „ственной пользы. Такимъ образомъ
 „случилось нѣкогда, что почти цѣлое
 „соораніе вскочило и бросилось за
 „маленькою птичкою, кошофую юный
 „Альцибиадъ, говорившій еще въ пер-
 „вой разъ всенародно, выпустилъ изъ
 „за-назухи. Такимъ же образомъ и
 „почти въ самое то же время Ора-
 „торъ Клеонъ, ставъ идоломъ Аѳи-
 „янъ, хотя они въ самомъ дѣлѣ и
 „ни мало не почитали его, могъ
 „играть ихъ пристрастіемъ,, — и
 проч. Изображенія сего рода (хотя
 Аѳиняне и часпо изображаемы были)
 показываютъ Историка, совершенно
 вошедшаго въ духъ описываемой ичѣ
 націи. Нѣтъ ни одной спироки лиш-
 ней, нѣтъ ни одного слова неуж-
 наго. — Если въ Аѳинахъ только
 для однихъ убійцъ было четыре су-
 ди-

дилища; еспьли въ Апшикѣ, по словамъ нашего Автора, было не болѣе 20000 воиновъ, а избивалось ежегодно 500 судей (стран 317) по сему не можемъ мы хорошо думать объ учрежденіи сего славимой Республики. А *умышленное убійство* судилось еще въ Арспагѣ. — По томъ (стран 333 — 380) описывается гражданская жизнь Аѳинянъ. Съ симъ отдѣленіемъ соединили бы мы XXV главу, гдѣ Авторъ (стран 500 - 530) говоритъ о домахъ и иршествахъ сего народа. Все то, что въ сей послѣдней главѣ сказано о главныхъ кушаньяхъ и споловыхъ обрядахъ Аѳинянъ, взято по большей части изъ Апеней, и предложено пріятымъ образомъ. Отъ стр 381 до 419 описывается ихъ религія, священники, жертвоприношенія и то, что они называли *преступленіями*, или *оскорбленіями* *лиги*. Сюда же бы, кажется, принадлежала та глава, гдѣ онъ говоритъ ихъ празднествахъ — Между именами ихъ, которыхъ можно обвиня-

въ безбожїи, не нашли мы Эврипидова имени — Анахарсисъ ѣдетъ въ Фоциду, и въ семъ путешествїи описываетъ Пнѳійскія иры, Оракулъ въ Дельфахъ и драгоцѣнныя произведенїя искусства, посвященныя Аполлону благодарнымъ суевѣріемъ Прекрасно изображается Пнѳія, сидящая на треножникѣ и дающая отвѣсы — Смерть Агезилаева и восшествїе на престолъ Македонскаго Царя Филиппа (стран. 492) перерываемъ на нѣкоторое время описанїя По томъ, до конца тома, говоритъ Авторъ о празднественныхъ обрядахъ и иршестввахъ Аѳинянъ, о чемъ мы выше упоминали.

(Продолженіе въ редѣ)

Имена Особъ, подписавшихся на Журналъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ.

Въ Москвѣ Его Влагородіе Иванъ Петровичъ Неустроевъ

Его Высокоблагородіе Алексѣй Алексѣевичъ Бехтѣевъ.

Его Благородіе Иванъ Родионовичъ Башевъ.

Его Высокоблагородіе Александръ Са-
вичъ Малыгинъ

Его Сіяшество Князь Михаило Яков-
левичъ Хилковъ

Его Благородіе Федоръ Паншелеевичъ
Печеринъ

Его Высокоблагородіе Михайло Андре-
евичъ Козаковъ.

Въ Егорьевской крѣпости Его Высоко
благородіе Николаи Федоровичъ Ти-
шовъ.

Въ Вѣловскѣ Его Высокоблагородіе
Петръ Никишичъ Поповъ.

Въ Рословѣ Его Благородіе Пешрѣ
Федоровичъ Броневской.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стран.
I КЪ БОГИНѢ ЗДРАВІА	3
II. Спаны	4
III. Быль	6
IV. Мысли влужаго	10
V. Эпиграмма	12
VI. офіа	13
VII. Фроль СидинѢ, благодарственной человекѢ,	31
VIII. Смѣсь	47
IX Письма Руск Пущешественника	43
X Нравственное удовольствіе	76
XI Мысли въ день моего рожденія	82
XII. МосковскоѢ ТеатрѢ	84
XIII. О иностранныхъ книгахъ	91

МОСКОВСКОЙ ЖУРНАЛЪ.

Часть третія. Книжка вторая.

Мѣсяцъ Августъ.

І.

С Т И Х И

Изъ описанія празднества, бывшаго у Его Свѣтлости Господина Генералъ - Фельдмаршала и Великаго Гешмана, Князя Григорія Александровича Потемкина - Таврическаго, въ присутствіи ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА и Ихъ Императорскихъ Высочествъ, въ С. Петербургѣ, въ домѣ его близъ конной гвардіи, 1791 года, Апрѣля 28 дня.

І.

На вступленіе ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА

въ большую залу

Во древни времена такъ боги
На Олимпійски торжества,
Оставя горніе чертоги
И свѣшлы прѣны божества,

И

Схо-

Сходили, скрывъ отъ смертныхъ взора
Сяше лучей своихъ.
Среди народнаго собора
Священное прибыше ихъ
Подобно такъ же познавалось,
Какъ сходитъ къ намъ заря.
Ропшанье въпровъ укрощалось;
Румянились эфиръ, моря,
Вниманье на горахъ блисшало;
Поля лобзала пишина,
Все брежно естество молчало,
Смотря, какъ шесп уешъ она;
Ея улыбка разливала
На всю Природу блескъ и свѣтъ.

2.

*На танцы съ хорами кадрили
мушинъ.*

Не такъ ли лира восхищения
Въ Пиндаровы двѣпущи дни
Была при торжествахъ почшенна,
А онъ, возсѣдши пальмъ въ шѣни,
Покрытъ вѣнцемъ и багряницей,
Передъ премудрости Царицей

Дѣла своихъ Героевъ пѣлѣ,
Рукой златая движа струны ?
Какіе сладкіе перуны,
Какой огонь ошѣ нихъ лешѣлѣ !

* * *

Подѣ поражающимъ согласьемъ
Его пріяшнихъ сердцу стрѣлѣ,
Орелѣ, нагнувѣ на перси выю,
И млечнымъ облакомъ сокрывѣ
Вѣ полѣяблока зѣницы быстры,
Хребтомъ пернатымъ тихо зыблясь ;
Дремалѣ, казалось, близѣ его,
Слушивѣ свои на розы крылы ;
Но нерасплѣнно нѣгой сердце
И духѣ его парилѣ у звѣздѣ.

* * *

И самыя забавы,
И самая любовь,
Наукой были славы
И мѣ подвигамъ жгли кровь
Души благороденной.
Что слухѣ внялѣ восхищенной ;
Что зрѣлѣ прельщенный взорѣ,
То юность вся пвердила
И по домамъ своимъ,
По тѣмъ стезямъ ходила,

Что пѣлъ Пѣша имѣ,
И что гремѣлъ имѣ хорѣ.

* * *

Онѣ пѣлъ имѣ вишазей ристанье
И крики на коней возницѣ,
И молній по мечамѣ блистанье,
И пыль столпомѣ опѣ колесницѣ.
Онѣ пѣлъ имѣ непорочны нравы,
Желаніе честей и славы,
И къ общему любовь добру.
Онѣ пѣлъ имѣ къ божеству почтенье,
Вдыхалѣ къ порокамѣ омерзенье,
Мздоимну злату, серебру.

* * *

Сѣдые старцы, преклоненны
Вокругѣ его на ихѣ жезлахѣ,
Внимая добродѣтель чшиму,
Струили шокѣ блестящихѣ слезѣ.
Пряшно было имѣ по слышать,
Что хваляшѣ добры ихѣ дѣла;
Но сердцу ихѣ еще сто кратѣ
Того милѣй и слаще было,
Что шотѣ же на сынахѣ ихѣ виденѣ
Былѣ знакѣ ко славѣ страстныхѣ душѣ.

* * *

Минерва съ Марсомъ зрѣли
 На юношѣ полкъ молодыхъ ;
 По взорамъ разумѣли
 Свою породу въ нихъ ,
 И чрезъ лѣта толики
 Кто Александръ Великій ,
 Кто будетъ Константинъ ;
 Божественные взгляды
 Свою читали честь ,
 И весь въ нихъ блескъ Элады :
 Тотъ грома будетъ несть ,
 Сей новый строишь Римъ !

* * *

II.

КЪ ПРЕКРАСНОЙ.

— о о — о о — о о — о
 — о о — о о — о о — о |
 — о о — о о — о о
 — о о — о о — о о

Гдѣ ты, Прекрасная, гдѣ обитаешь ?
 Тамъ ли, гдѣ пѣсни поетъ филомела,
 Крошкя ночи пѣвица,
 Сидя на миршовой вѣщави ?

* * *

Тамъ ли, гдѣ съ шихимъ журчаньемъ
спремится
Чистый ручей по зеленому лугу,
Душу мою призывая
Къ сладкой дремотѣ покоя?

* * *

Тамъ ли, гдѣ юная, пышная роза,
Утромъ кропимая, нѣжно алѣетъ,
Скромно съ зефиромъ лобзаясь,
Сладостью воздухъ питая?

* * *

Тамъ ли, гдѣ солнечный лучъ освѣщаетъ
Горъ неприступныхъ хребетъ разно-
цвѣтный (*),
Гдѣ обитали издревле
Вышнія Силы и боги?

* * *

Гласъ твой божественный часто вни-
маю,
Часто сквозь облако образъ твой ви-
жу —
Ру.

(*) Когда въ хороший вечеръ, передъ захо-
жденіемъ солнца, изъ нѣкошораго ошдале-
нія смошришь на высокія, снѣгомъ покры-
шыя горы, то верха ихъ кажутся разно-
цвѣтными.

Руки къ нему простираю —
Облако, воздухъ объемлю!

К.

III.

ПРОГУЛКА ВЪ САРСКОМЪ
СЕЛѢ.

Въ прекрасной Майской день
Прятныя погоды, ^и и
Какъ всюду длинна тѣнь,
Ложась въ спекляны воды,
Въ ихъ зеркалѣ бреговъ
Намъ представляла виды;
Когда среди столповъ
И зданевъ Эемиды,
Сооруженныхъ Ей
Героевъ Росскихъ въ славу,
При гласѣ лебедей,
Въ прохладу и забаву,
Вечернею порой
Ошъ всѣхъ уединяясь,
Съ Пльнирою молодой
Мы въ лодочкѣ кашаясь,
Гуляли въ озеркѣ.
Она въ кормѣ сидѣла,

А по срединѣ я.
 За нами въ слѣдѣ лешѣла
 Жемчужная струя
 Кристалль шумѣль отъ веселѣ.
 О! сколько съ нею я
 Въ прогулкѣ сей былѣ веселѣ!
 Любезная моя —
 Я шутѣ сказаль — Пльнира!
 Тобой плъненъ стъ онъ духѣ;
 Ты дарѣ всего мнѣ мира.
 Взгляни себя вокругѣ:
 Миѣ всѣ красы Природы
 Съ тобой стеклися вдругѣ!
 Сребромѣ сверкаютѣ воды,
 Рубиномѣ облака,
 Пылаютѣ златомѣ крови
 Какѣ огненна рѣка;
 Свѣшѣ ясный, пурпуровый
 Объяль всѣ воды вокругѣ;
 Въ немѣ видно рыбѣ плесканье,
 Пшицѣ плаванье на лугѣ,
 И крыль ихѣ пренешанье.
 Весна во всѣхѣ мѣстахѣ
 Намѣ взорѣ свой осклабляетѣ;
 Въ зеленыхѣ муравахѣ
 Ковры намѣ подстилаетѣ.

Вотъ рога слышанъ ревъ;
Вотъ эха хохотанье;
Вотъ шепоты ручьевъ;
Вотъ розы воздыханье
Зефиръ здѣсь помавалъ
Крылами тихо слуху.

Какая пища духу!

Въ восторгѣ продолжалъ:
Коль красенъ взоръ Природы
И памятниковъ видъ,
Когда глядяшся въ воды!
Вотъ соловей сидишь
Близъ ихъ и воспѣваетъ,
Зря розу иль зарю;
Какъ будто изъявляетъ
Онъ Богу и Царю
Свою путъ благодарность:
Что сеи своихъ чтишь слугъ,
Что Тотъ влилъ свѣтлозарность
И жаръ всѣмъ тварямъ въ духъ.
Доколь сидишь при розѣ,
О шы дней красныхъ сынъ!
Пой, соловей! — и въ прозѣ
Ты слышанъ . . . иъ!

(Изъ Петербурга отъ неизвестной
Особы)

IV.

СТИХИ ГОСПОЖЬ АН (*).

Какъ роза въ майски дни среди цвѣ-
товъ расцветъ,
И благовоніемъ весь воздухъ испо-
няетъ:

Такъ юность дней твоихъ, прекрасная,
цвѣлетъ,

И насъ видѣніемъ своимъ увеселяетъ

Но что же съ розою, когда весна
прейдесть?

Увянетъ цвѣтъ ея, и листъ ея падешъ,
Исчезнутъ прелести, и запахъ при-
тупится;

Померкнетъ блескъ ея и стебель со-
крушится.

Но не запмятся ввѣкъ душевны
красоты,

Которыми блестяшь одушевлена ты

Старайся лишь въ свой вѣкъ *любити*
добродѣтель,

Къ которой насъ зоветъ *Натуры* всей
Содѣтель,

Люби

(*) Сообщены отъ неизвестной особы.

Люби ты знание, люби въ наукахъ
свѣтъ —
Намъ щастливыми быть инаго сред-
ства нѣтъ.
— вв.

У.

ОТВѢТЪ ЕЯ.

Когда ты лестную хвалу мнѣ соплещашь,
Напрасно ты меня прекрасной называшь.
Возможно ли мнѣ столь самолюбивой
быть,
Чтобы себя въ число прекрасныхъ
розъ вмѣспить?
Такая похвала меня не утѣшаетъ.
Душевна красота одна меня плѣняетъ;
Такою красотою хочу блистать всегда;
Сяние ея не меркнетъ никогда.
Хочу такой хвалы я сдѣлаться до-
стоина —
Тогда могу я быть прещастлива, по-
койна.
Къ снисканію сего полезень твой со-
вѣтъ;
Ко

Ко щаспїю онѢ мнѢ показываетѢ свѣтѢ;
ВѢ полезнѣишихѢ вещахѢ велитѢ мнѢ
упражняшья,
И кѢ добродѣтели всегда чшобѢ при-
лѣпляшья.

Какое принесу тебѢ благодаренье
За то, что мнѢ даешь такое настав-
ленье?

Каких должна я словѢ теперѢ кѢ то-
му искашь,
ЧшобѢ благодарность мнѢ тебѢ мою
сказать?

Но лучше я скажу, что съ чувстви-
емѢ согласно;

ГдѢ сердце говоритѢ, тамѢ словѢ
искашь напрасно.

И такѢ я изѢясню безѢ лести то
тебѢ,

Что думаю, и что я чувствую въ
себѢ;

И мысли днесь мои скажу я откровенно,
Что въ сердцѢ уль моемѢ давно на-
печатаѢнно.

СѢ шѢхѢ порѢ, какѢ въ первый разѢ
увидѢла себя,

Почтение кѢ тебѢ почувствовала я;

А оное по томъ вседневнo возрастало
И къ дружбѣ мнѣ твоеи желаніе раж-
дало ;
Полезнѣйшій совѣтъ открылъ по томъ
пусть къ ней.
Хочу доспойна быть я дружбы днесъ
твоей ;
Прошу, чтобъ ты всегда давалъ мнѣ
наставленія ,
Которыя никакъ не могутъ быть въ
забвеніи ;
Я буду ихъ всегда съ почтеніемъ
исполнять.

— — — — —
— — — — —
— — — — —

Ан.

VI

С О Н Е Т Ъ .

Младенецъ, нѣжный плодъ, любовью со-
творенныи !
Прелестенъ ты глазамъ и милъ ду-
шѣ моеи !

Ко

Ко персямъ матери сномъ легкимъ
уклоненный,
На утренней зарѣ твоихъ весеннихъ
дней,
Покрытый тишиной, въ невинность
облеченный,
Вкушаешь ты покой, бѣгущи отъ Ца-
рей. —
Спокойствие! предметъ ты смертныхъ
вождемъ; —
Разумнѣйшихъ вѣнецъ единыхъ лишь
мужен! —
По тревоженіямъ здѣсь человекъ плы-
вешъ,
Средь бурныхъ кто спрасней умѣрен-
ность блюдетъ,
Блаженъ въ пристанищѣ побѣдой надъ
собой! —
Но ты изникшій цвѣтъ, новѣйшій жи-
тель мира!
Дыханіемъ цвѣтя сладчайшаго зефира,
Не знаешь и того, что есть ли зло
страшек!
Д. Б.

VII.

НАДПИСЬ КЪ ПОРТРЕТУ ЕФРЕМА
ЖИВОПИСЦА.

Глядите: вотъ Ефремъ, домовый нашъ
маляръ.

Онъ въ списываніи лицъ имѣлъ чудесный
даръ,

И кисть его всегда надъ смертными
играла —

Архипа Сидоромъ, Кузьму Лукой пи-
сала.

И. А.

VIII.

СЕЛЬМСКІЯ ПѢСНИ.

Изъ твореній Оссиановыхъ.

*Гаврилу Рочинориту Державину
посвящаетъ Переводчикъ.*

Звѣзда ниспускающейся ночи! пре-
красенъ свѣтъ твой на западѣ. Ты
подъемлешь изъ облака блистающую
главу свою; шествоуешь величественно
по холму. Что видишь ты въ долину?
Умолкли бурные вѣтры. Издалека
слышно журчаніе потока. Шумящія
волны далеко бьются о берегъ камен-
ный. Мухи вечернія на слабыхъ сво-
ихъ крыльяхъ лепашь и жужжатъ въ
полѣ. Что видишь ты, свѣшило лю-
безное? Но ты улыбаешься и захо-
дишь. Волны съ радостью окружають
тебя, и омываютъ прекрасные власы
твой. Прости, лучъ тихій! да воз-
сияетъ свѣтъ души Оссиановой!

И возсиялъ онъ въ силѣ своей! Я
вижу умершихъ друзей моихъ, соби-
рающихся на Лоръ, гдѣ они во дни
про

прошедше собирались. Является Фингалъ подобно влажному столпу шума-на. Герои окружающъ его и Варды пѣня : Улинъ сѣдовласый, величавый Рио, Альпинъ (*) сладкогласныи и крошкая, печальная Минона Какъ пере-мѣнились вы, друзья мои, со дней Сельмскаго пиршества, когда мы спорили въ пѣни, подобно вѣтеркамъ весеннимъ, несущимся вдоль по холму и колеблющимъ попеременно тихо-шепчущую траву.

Выступила Минона (**) въ красотѣ своей, съ популдевымъ взоромъ

І

и

(*) Альпинъ или Альбинъ, или Альбионъ, древнее имя Британіи, происходитъ отъ слова *Альпъ*, что значить *высокой островъ*, или *высокомъ земля*; *Британія* же происходитъ отъ Цальтскаго слова *brat* или *bratd*, что значить *пространно*, и отъ *in*, т. е. *земля*.

(**) Оссианъ представляеть Минону не въ воображаемой сценѣ, имъ описанной, а на ежегодномъ пиршествѣ Сельмскомъ, гдѣ Варды воспѣвали передъ Фингаломъ пѣсню.

Но

и съ очами слезящими. Порывистый вѣтрѣ, отъ холма несущійся, тихо развѣвалѣ ея волосы. Печалю наполнились души Героевѣ, когда она сладостнымѣ гласомѣ заплѣла. Часто видали они гробѣ Салгаровѣ и мрачное жилище бѣлогрудой Кольмы. Осталась Кольма едина на холмѣ, едина съ своею пѣсню. Салгарѣ обѣщаль прийти къ ней; темная ночь ниспускалась. Внимайте пѣнїю Кольмы, когда она едина на холмѣ сидѣла

К о л ь м а.

Пришла ночь, — я одна, на бурномѣ холмѣ оставленная Шумишь вѣтрѣ на горѣ, стремительныи потоки мчятся внизѣ по утесу Не куда мнѣ отъ дождя укрыться, — мнѣ, оставленной на бурномѣ холмѣ

Явись, мѣсяцѣ! изъ облаковѣ своихѣ, явись, звѣзды ночныя! Покажите мнѣ путь къ тому мѣсту, гдѣ покоится мой любезный, ловлею ушомлевый, подлѣ своего непамянущаго уха, посреди запыхавшихся псов своихъ

своихъ. Но я должна сидѣть здѣсь въ уединеніи подлѣ утеса мхомъ заросшей рѣкѣ. Шумитъ рѣка, и вѣтръ шумитъ. Не слышу гласа моего любезнаго. Почему медлитъ мой Салгаръ? Вотъ камень, и дерево, и шумящая рѣка. Ты обѣщаль мнѣ прийти сюда ночью. Ахъ! гдѣ Салгаръ любезный? Я ушла бы съ тобою отъ отца моего, ушла бы отъ гордаго моего брата. Долго были врагами отцы наши; мы не враги съ тобою, о Салгаръ!

Умолкни, вѣтръ, на время, умолкни на время, рѣка шумящая! Дайте раздашься моему голосу, чтобы любезный странникъ услышалъ меня! Салгаръ! я зову тебя. Вотъ камень и дерево. Салгаръ, любезный мой! я здѣсь. Почему ты медлишь? — Тихій мѣсяцъ восходитъ, и воды въ долину свѣщаются. Сбѣгаютъ на крутизнахъ камни. Не вижу его на верьху горы. Не бѣгутъ передъ нимъ псы его съ вѣстію о его приближеніи. Я должна здѣсь сидѣть въ уединеніи.

Но кто лежитъ тамъ въ кустарникѣ? Не мой ли любезный? Не братъ ли мой? Говорите, друзья мои! Они не отвѣчаютъ Кольмѣ Говорите, любезные! Я одна, и страхъ мучитъ душу мою Ахъ! они мертвы! Мечи ихъ обагрены кровью О братъ мой, братъ мой! почему убилъ ты моего Салгара? Почему, Салгаръ, убилъ ты моего брата? Оба вы были мнѣ любезны Что скажу въ славу вашу? Прекрасенъ былъ ты на холмѣ между тысячами, ужасенъ былъ онъ въ битвѣ Говорите, друзья мои! Внимайте моему гласу, внимайте, сыны любви моей! Они безмолвствуютъ — и вѣчно ихъ безмолвіе! Подобно землѣ хладна грудь ихъ. О! вѣщайте съ камня на холмѣ, съ вершины бурной горы вѣщайте, вы души умершихъ! Не устрашитъ меня гласъ вашъ Гдѣ вы поконитесь? Въ какой пещерѣ найду я умершихъ? — Никакого слабаго гласа не слышу я въ вѣтрѣ, нѣтъ отвѣта, бурю заглушаемаго!

Сиху въ горести, и въ слезахъ
утра ожидаю Роите могилу, друзья
умершихъ! но не закрывайте гроба.
подождите Кольмы Проходитъ жизнь
моя подобно сновидѣнню. Почто я
осталась? Здѣсь буду покойтѣся съ
друзьями моими, подлѣ рѣки зву-
чащаго берега. Когда ночь соидетъ
на холмъ и зашумятъ вѣтры бур-
ные, тогда духъ мой будетъ носить-
ся въ вѣтрѣ и сѣщовать о смерти
друзей своихъ. Ловецъ изъ кущи
своей услышитъ голосъ мой, онъ
устрашится и полюбитъ его ибо
сладокъ будетъ голосъ мой о друзь-
яхъ моихъ. Друзья были любезны
Кольмѣ

Такова была пѣснь швоя, Минона,
дѣвнокраснѣющая дочь Торманова.
Слезы наши лились о Кольмѣ, и пе-
чальны были души наши. Уллинъ при-
шелъ съ арфою, и воспѣлъ намъ пѣснь
Альшинову. Сладостенъ былъ гласъ Аль-
пиновъ, душа Ринова уподоблялась
лучу огненному. Но уже покоились

I 3 они

они въ дому пѣсномъ (*); умолкъ гласъ ихъ въ Сельмѣ. Нѣкогда возвратился Уллинъ съ ловли, еще до паденія Героевъ. Онѣ слышалъ пѣснь ихъ на холмѣ, пѣснь шихую и печальную. Они пѣли о паденіи Морара, перваго изъ смертныхъ. Душа его была подобна душѣ Фингаловой, мечъ его мечу Оскарову. Но палъ онъ, и опецъ его сѣтовалъ; очи сестры его слезами наполнились. Наполнились слезами очи Миноны, сестры славнаго Морара. Она удалилась отъ пѣсни Уллиновой, подобно лунѣ на западѣ, когда она бурю предвидитъ, и прекрасную главу свою въ облакахъ скрываетъ. Я игралъ на арфѣ съ Уллиномъ, и пѣніе скорби началось.

Рино

Вѣтръ ушихъ и дождь прошелъ; полдень ясенъ. Облака на небѣ раздѣлились. Черезъ зеленые холмы шестъ непостоянное солнце. Краснѣетъ
ся

(*) Т. е. во гробѣ.

ся горная рѣка, по каменистой доли-
нѣ стремящаяся. Сладко, рѣка, швое
журчанге, но слаще гласѣ, мною слы-
шимы — гласѣ Альпина, сына пѣ-
сни, оплакивающаго мертвыхѣ. Съдая
глава его преклонилась; красно слезя-
щее око его. Альпинѣ, сынѣ пѣсни!
почто одинѣ на тихомѣ холмѣ? По-
что печаленѣ гласѣ швой, подобно
вѣтру въ пустынѣ, и волнѣ на оп-
даленномѣ брегѣ?

Альпинѣ.

Слезы мои, о Рино! текутъ
обѣ умершихѣ; голосѣ мой воспѣваетѣ
усопшихѣ. Величавѣ ты на холмѣ,
прекрасенѣ посреди сыновѣ долины.
Но ты падешь подобно Морару, и
еѣтующій будетѣ сидѣть на швоей
могилѣ. Забудутѣ тебя холмы; лукѣ
швой будетѣ лежать въ чертогѣ не-
нащанушый.

Скорѣ былѣ ты, о Морарѣ! по-
добно сернѣ пустынной, ужасенѣ по-
добно метеору огненному. Гнѣвъ швой
былѣ буря, мечь въ битвѣ какѣ мол-

нiя вѣ полѣ, Гласѣ твоей уподоблялся
рѣкѣ, дождемѣ наполненной, и грому
на холмахѣ опаленныхѣ Многие па-
ли отъ руки твоей; пожгло ихѣ пла-
мя твоего гнѣва. Но какѣ мирно бы-
ло чело твое, когда ты съ войны
возвращался! Лице твое было подоб-
но солнцу послѣ грозы, подобно лунѣ
вѣ молчанiи ночи; тихо, подобно во-
дѣ озера, когда шумный вѣтерѣ умол-
каетѣ.

Тѣсно теперь жилище твое, мрач-
но мѣсто твоеи обители. Тремя ша-
гами мѣряю могилу твою, о ты, ко-
торый передѣ симѣ былѣ столь ве-
ликѣ! Четыре камня со мшистыми гла-
вами остались единственнѣмѣ твоимѣ
памятникомѣ Безлиственное дерево
и высокая трава, шепчущая съ вѣт-
ромѣ, указываютѣ ловцу могилу силь-
наго Морара Морарѣ! гдѣ твое ве-
личье? Нѣтъ у тебя матери, съшу-
ющей о сынѣ. Нѣтъ дѣвы, слезы люб-
ви проливающей Скончалась тебя ро-
дившая; пала дочь Моргланова.

Кто идетъ съ жезломъ своимъ ?
 Чья глава отъ старости побѣлѣла ?
 Чьи глаза отъ слезъ покраснѣли ? Кто
 на каждомъ шагу трепещетъ ? Отецъ
 твой, о Мораръ ! имѣвши тебя еди-
 наго Онъ слышалъ о силѣ твоей въ
 битвахъ, о врагахъ разсѣянныхъ Онъ
 слышалъ о славѣ Мораровой ! но по-
 что не слышалъ онъ о ранѣ его ?
 Деи слезы, отецъ Мораровъ ! но сынъ
 твой не можетъ тебя слышать ; крѣ-
 покъ сонъ мертвыхъ ; низко ихъ пыль-
 ное воздавіе Не услышитъ онъ тво-
 его гласа ; не возстанетъ отъ взи-
 ванія твоего. Ахъ ! когда будешь ут-
 ро въ могилѣ, и сныи пробудяшся ?
 Проси, изъ мужей храбрѣиши ! про-
 сти, побѣдишель въ полѣ ! Но поле
 уже не увидитъ тебя, и мрачный
 лѣсъ не освѣтится отъ блеска тво-
 его оружия Не оставилъ ты сына,
 Дѣнь сохранишь имя твое. Грядущія
 времена о тебѣ услышатъ, услышатъ
 онъ о падшемъ Морарѣ.

Всѣ были печальны, но всѣхъ пе-
 чальнѣе Арминъ воздыхающій. Онъ вспо-

мнилъ смерть сына своего, на шаго
во дняхъ юности. Карморъ, Князь
звучащаго Галмала, былъ подлѣ Героя
Почто Арминъ вздыхаетъ? сказаъ
онъ. Есть ли причина съшовать?
Пѣснь и звучанія спрунъ должны про
гашь и веселишь душу. Онъ подобны
шихому шуману, который, подымаясь
отъ озера, разливаеися по безмолвной
долинѣ; зеленые цвѣты наполняющя
росою — но солнце возвращается въ
силѣ своей, и туманъ исчезаетъ По
что печаленъ ты, Арминъ, повели
тель Гормы, окруженной моремъ?

Печаленъ я, и не мала причина
скорби моей. Карморъ! ты не поше
рялъ сына, не пошерялъ дочери пре
красной. Живъ Колгаръ мужествен
ный, жива Аннира, изъ дѣвъ краснѣишая.
Цвѣтутъ вѣшви дому швоего, Карморъ!
но Арминъ послѣдши въ родѣ своемъ
Мраченъ одръ швой, о Даура! крѣ
покъ сонъ швой во гробѣ. Когда про
будишься ты съ пѣснями своими, съ
гласомъ своимъ сладкимъ?

Бушуйте, вѣтры осенне, бушуйте въ долины! Шумите рѣки горныя! Шумите, бури, во мракъ дубовъ доихъ! Являи, о мѣсяцъ блѣдный! являй многокрасно лице свое изъ облаковъ разрѣянныхъ! Напомни миъ ночь, въ которую пали всѣ дѣти мои, когда палъ сильный Ариндаль, когда любезная Даура увяла Даура, дочь моя! ты была прекрасна подобно лунѣ на Фурѣ, бѣла подобно падающему снѣгу, мила подобно дыханью вѣтерка нѣжнаго Крѣпокъ былъ лукъ твой, Ариндаль! быстро кони твои въ полѣ Взоръ твой былъ подобенъ туману на волнахъ, щипъ красному облаку въ бурѣ Армаръ, на войнѣ славный, пришелъ искать любви Дауриной Не долго она прощивилась. Радостна была надежда друзей ихъ.

Братъ, сынъ Одгаловъ, злобился въ душѣ своей: ибо братъ его былъ убитъ Армаромъ Онъ пришелъ въ одеждѣ сына морскаго, прекрасна была на волнахъ ладя его, волосы его бѣлы отъ старости; спокойно важное чело его. Краснѣйшая изъ женъ — сказалъ

валъ онъ — любезная дочь Армино-
ва! не далеко отсюда въ морѣ, на
скалѣ высокой, расплетъ дерево; кра-
сны кажутся плоды его издали. Тамъ
Армаръ ожидаетъ Дауры. Я пришелъ
за его любезною. — Она пошла, и
звала Армара. Одинъ сынъ скалы (*)
оповѣстивовалъ ей. Армаръ, любез-
ный, милый Армаръ! почему мучишь
меня страхомъ? Слушай, сынъ Арнар-
шовъ, слушай! Даура зоветъ тебя.
Злобный Дратъ удалился со смѣхомъ;
она громкимъ голосомъ звала брата
и отца своего. Ариндаль! Арминъ!
вы не избавляете Дауры!

Голосъ ея перенесся черезъ море.
Ариндаль, сынъ мой, сошелъ съ хол-
ма, обремененный добычею ловли.
Стрѣлы гремѣли на боку его; въ
ру-

(*) Тамъ называется Осіанъ эхо, которое
отъ скалы отдается. Простолюдины ду-
мали, что въ скалѣ живетъ духъ, повто-
ряющій звуки, и по шому называли се
повторение тас талла, что значить: сынъ
живущій въ скалѣ.

рукъ его былъ лукъ, и пять темно-сѣрыхъ псовъ за нимъ бѣжали. Онъ увидѣлъ на берегу лютого Эрата, схватилъ и привязалъ его къ дубу толстыми ремнями. Спешениемъ наполнялъ онъ воздухъ. — Ариндаль садился въ челнъ свой, и плыветъ за Даурою. Армаръ пришелъ во гнѣвъ своемъ, и пустилъ стрѣлу перьяную — она засвистала, и вонзидась въ сердце швое, о Ариндаль, сынъ мой! Ты умеръ вмѣсто злодѣя Эрата. Челнъ остановился. Ариндаль палъ на каменный берегъ, и умеръ. Что чувствовала ты, о Даура, когда ноги твои облилися кровью швоего брата? Челнъ разбился о камень. Армаръ бросился въ море спасти свою Дауру, или умереть. Вдругъ порывъ въпра возмущилъ волны. Армаръ погрузился, и осшался въ морѣ.

Одна, на каменномъ островѣ, волнами омываемомъ, сшечала дочь моя. Что было дѣлать опцу ея? Всю ночь стоялъ я на брегѣ, и видѣлъ ее въ блѣдномъ сиянн мѣсяца.

Всю

Всю ночь слышалъ я вопль ея. Сильно шумѣлъ вѣтръ бурный; сильно лился дождь на холмъ. Передъ ушромъ ослабѣлъ голосъ ея. Онъ умиралъ, подобно какъ вечерни вѣтерокъ въ правъ камней умираетъ Даура, изнуренная скорбью, скончала жизнь свою, и оставила тебя, Арминъ, единого. Исчезла сила моя въ битвахъ; исчезла гордость моя между дѣвами. Когда шумятъ бури и сѣверный вѣтръ воздымаетъ волны, сижу я на брегѣ и взираю на скалу гибельную. Часпо при свѣтѣ заходящаго мѣсяца являюся нѣ мерцающіе духи дѣшей моихъ. Они ходятъ вмѣстѣ, въ печальномъ согласіи. Ужели никто изъ васъ не скажется надо мною и не начнетъ говорить со старцемъ? Но они не смотрятъ на отца своего. — Печальна я, о Карморъ! и не мала причина скорби моей.

Таковы были слова Бардовъ во дни пѣнія, когда Царь внималъ согласію арфъ и повѣстямъ временъ вшедшихъ. Приходили вожди отъ х
мовъ

мовѣ своихъ, и внимали сладкому пѣнію.
Они хвалили гласъ Коны (*), хвалили
перваго изъ Бардовъ. Но старость
стягчитъ нынѣ языкъ мой, и душа
моя увяла. По временамъ являюся
мнѣ духи Бардовъ, и научаютъ меня
приятнымъ пѣснямъ своимъ. Но сла-
бѣетъ память моей души. Слышу
гласъ лѣтъ моихъ. Онѣ проходятъ и
вѣщаютъ. почему Оссианъ поетъ? Ско-
ро будетъ онъ лежать въ дому пѣ-
сномъ, и никто изъ Бардовъ не вос-
поетъ славы его. — Текише, теки-
ше, мрачныя лѣта! Вы не приносите
съ собою радости. Откройте гробъ
Оссиану, ибо исчезла сила его. Уже по-
коялся всѣ сыны пѣсни. Остался го-
лосъ мой, подобный слабому вѣянью,
которое послѣ бури и вѣшровъ уеди-
ненно вздыхаетъ на скалѣ, окружен-
ной моремъ. Тамъ шепчетъ мрачный
мохъ, и отдаленный мореплавателемъ
видитъ колебаніе деревьевъ.

БЕЛЬ

(*) Оссианъ часто называетъ себя гласомъ
Коны.

IX

БЕЛЬ КЪ ШАФТСБУРИ (*).

Милордъ !

Здоровье мое все еще въ худомъ состояннн. Съ нѣкотораго времени мучусь я сухимъ кашлемъ, коимъ можно назвать почти наследственнымъ въ нашей фамиліи. Грудь моя — лишь — и я, лежа на постелѣ, с даю отъ слабости, боли и безсонницы, а болѣе всего отъ празности, къ которой я не очень привыченъ.

Ни мало не беспокоитъ меня приближеніе конца моего. Будучи не въ состояннн работать, не могу быть очень привязанъ къ одному существованію. Другое горе лежитъ у меня на сердцѣ, и только вамъ могу открытъ его. Теперь уже навѣрное предвижу, что я оставлю сеи свѣтъ не нашедши того, чего во всю свою жизнь искалъ я съ такою ревностію.

Вы

(*) Сіе и слѣдующее письмо переведены изъ *Lettres choisies de Mr. Bayle. T. III.*

Вы конечно давно уже знаете, Милордъ, что я хопѣлъ истины, — истины, которой дальнѣйшее изысканіе должно мнѣ теперь оставитьъ.

Когда есть Богъ, то отъ чего происходитъ зло въ мірѣ? — Какая есть невидимая и непонятная связь между тѣломъ и душою? — Какіе суть всеобщіе законы тѣлеснаго міра, и какое сношеніе имѣютъ они съ происшествіями? — Вотъ какіе важные вопросы встѣаютъ у меня еще безъ отвѣта на концѣ жизни!

Простите, Милордъ, жалобамъ умирающаго, которой все еще почищалъ себя щастливымъ, пока онъ могъ надѣяться. Теперь нахожусь я въ той сценѣ жизни моей, въ которой могу обозрѣть все ея теченіе. Развязка меня обманула; я ожидалъ совсѣмъ иной — и сіе ожиданіе упѣшало меня въ моихъ горестяхъ и печаляхъ. И такъ ли можно думать, что весь планъ жизни моей былъ не хорошъ. Можетъ быть надлежало бы мнѣ знать съ самаго начала, что истина есть вы-

К мыш-

мышленная богиня, которая ни мало не чувствуетъ приносимыхъ ей жертвъ, которая не награждаетъ и не заслуживаетъ ихъ. Тогда бы не побоялся я душевнаго рабства, и охотно бы наложилъ на умъ свой цѣпи принятой системы; тогда, для совершенной свободы разума моего, которая казалась мнѣ столь драгоценною и къ изслѣдованію истины столь необходимою, не оставилъ бы я перваго своего опечесства, не лишился бы удовольствія жить среди моихъ ближнихъ родственниковъ и друзей, не пожертвовалъ бы всѣмъ домашнимъ благополучіемъ, и могши жить безнужно, покойно, безопасно и въ приятномъ обществѣ, не избралъ бы трудной, зависимой, уединенной и заботливой жизни, во Франціи былъ бы я Католикомъ, въ Голландіи Предестинацистомъ, и вездѣ бы соглашался со мнѣніемъ Сильныхъ и Великихъ, я былъ бы другомъ всякому, и во всякомъ нашелъ бы себѣ друга.

Но можетъ быть я отъ собственной своей вины не приобрѣлъ того увѣренія, которое теперь могло бы меня успокоить. Можетъ быть сталъ я не въ надлежащемъ мѣстѣ для того, чтобы свѣтъ увидѣть, — свѣтъ, видимой (какъ говорятъ) многими другими людьми. Можетъ быть я умышленно ослѣпился — — Умышленно! Нѣтъ, Милордъ, вы конечно не сомнѣваетесь въ моей честности. Вы меня знаете, и при томъ имѣете такое сердце, которое можетъ чувствовать затрудненія испытателя, не находящаго никакого твердаго основанія для своего успокоенія. Благо немыслящему человеку, которой безпрепятственно наслаждается щастіемъ своего увѣренія! Какъ часто приходилъ я въ искушеніе завидовать его самодовольствію, когда мнѣ встрѣчалось какое нибудь сомнѣніе, которое ночью не давало мнѣ засыпать, будило меня рано поутру, терзало въ уединеніи, а въ обществѣ придало мнѣ видъ мечтателя или глупца!

Когда сомнѣніе было слѣдствіемъ особливаго рода моихъ упражненій, то я не знаю, какимъ образомъ можно было мнѣ избѣжать онаго. И теперь я увѣренъ я въ томъ, что искашеть истины долженъ выслушать всѣ споры; что ему не надобно смотрѣть на родъ и санъ учителей; что онъ со всѣхъ сторонъ долженъ разсматривать предметъ свой, дабы узнать его совершенно и приобрести разумное увѣреніе. Сія метода можетъ конечно поколебать старыя системы, въ которыхъ мы жили такъ покойно; можетъ запутать разумъ въ разныхъ мнѣніяхъ, и такимъ образомъ удалить отъ насъ то увѣреніе, котораго мы искали; но есть ли другой путь для испытателя? Не должно ли ему учиться и сравнивать? Я учился и сравнивалъ; употребилъ на то всю жизнь свою — и въ чемъ же успѣлъ! — О Милордъ! примирите меня, если можете, съ самимъ собою! Сообщите мнѣ хотя искру отъ свѣта вашего щасливаго увѣренія,

иія, которое прежде (ахъ! можетъ быть не совсѣмъ справедливо!) называлъ я именемъ прятной мечты.

Х.

ШАФТСБУРИ КЪ БЕЛЮ.

Любезной другъ!

Какъ бы хотѣлось мнѣ прежде возвратить вамъ здоровье, а по томъ уже, по старому нашему обыкновению, философствовать съ вами! Но будемъ дѣлать, что можемъ, если не можемъ всего, чего хотимъ.

Какъ! уже ли жизнь, проведенная въ изысканіи истины — однимъ словомъ, *ваша* жизнь — не есть лучшее приуголовленіе къ спокойной смерти? Уже ли должно вамъ при смерти раскаяваться въ томъ, что вся жизнь ваша была посвящена сему благородному предмету?

Какихъ вопросовъ еще не могли вы рѣшить? Зависитъ ли отъ ихъ рѣшенія расположеніе жизни нашей? Развѣ еще не знаете вы, что Богъ всемогущъ, мудръ и благъ? Не знаете,

что мы вѣчно существовать будемъ ? Не знаете, что въ добродѣтели состоитъ высочайшее благо ? — Есть ли бы вы еще въ семъ не были увѣрены, то не удивило бы меня ваше безпокойство. Но уже ли должно намъ проникнуть во всѣ политическія тайны Божественнаго правленія для того, чтобы почувствовать въ душѣ своей сіе щасливое увѣреніе ? Уже ли мы не повѣримъ, что Богъ есть хороший Правитель, пока послѣдствіе или конецъ не оправдаетъ всѣхъ мѣръ Его ? Я съ своей стороны, полагаясь на Его свойства, вѣрю, что все въ царствѣ Его должно быть благо, и почишаю все злое за одинъ призракъ, который исчезнетъ тогда, когда обзримъ весь планъ Его правленія. Вы, любезной другъ, такъ же хорошо думали о Богѣ, зло, примѣченное вами въ мѣрѣ, признавали вы за чуждое, вредное растѣніе, которое посѣяно врагомъ добраго, и которое Богъ старается истреблять. Видите, что мы оба рѣшили тѣ сомнѣнія, которыя без-

без-

незпокоили насъ въ семъ важномъ разысканіи — и хотя различнымъ способомъ, однако жь истина, въ которой мы для своего спокойствія имѣли нужду, и мы и вамъ въ удѣль досталась Нашедши сію истину, оставимъ въ нерѣшеніи многие замѣщенные феномены въ царствѣ Нашуры и Благодати Весь міръ можемъ мы почитать книгою мудраго, писанною тайными буквами, къ которымъ намъ должно угадать ключъ Одинъ, читая книгу Нашуры и доходя до явленій въ нашей солнечной системѣ, принимаемъ за ключъ движеніе земли, а другой движеніе солнца, оба они, читая книгу по-своему, находя въ ней доказательство премудрости ея Творца. — Вообще знаемъ мы, какое есть намѣреніе божественнаго плана, но какимъ образомъ исполненіе соглашается съ цѣлю? сіе часто бываетъ для насъ тайнствомъ. Первое читаемъ мы въ мысленномъ мірѣ, которой къ намъ ближе, ибо мы находимъ его въ своей внутренности, а второе въ чувственномъ

мірѣ, въ которомъ видимъ только наружную скорлупу. Испышатель старается соединить обѣ нити своего познанія и переходить изъ одного міра въ другой. Если находишь онѣ затрудненія, которыя кажутся непреодолимыми то не лучше ли будетъ ему остаться при томъ, что онѣ признаетъ вѣрнымъ, и въ разсужденіи прочаго не беспокоиться?

Знаю, что не всѣ тѣ, которые занимаются философствованіемъ, думаютъ такъ скромно; напротивъ того многіе почли бы за великой стыдъ не рѣшить въ минушу самаго труднѣйшаго вопроса. Люди сего рода боятся узнавать мысли другихъ людей, если ли не знаютъ напередъ, что они съ ними одно думаютъ. Слава и временное щастіе имъ дороже святой истины. Наука, подобно добродѣтели, есть для нихъ то, что горькое лекарство для дѣтей, которыя не понимаютъ, какъ можно принять его безъ лозы или безъ сахару. Но кто любитъ истину только для истины, тотъ

тошѣ радостно обниметѣ все то, что обѣщаетѣ приближить его къ оной, хотя бы для сего и надлежало ему навѣки просишья сѣ какимѣ нибудѣ мнѣніемѣ, которое было для него пріятно.

Но не устрашимся, естѣли сіе заставитѣ насѣ сомнѣваться во многихѣ вещахѣ, о которыхѣ другіе говорятѣ рѣшительно. Будучи увѣрены въ главномѣ, то естѣ во всѣхѣ тѣхѣ истинахѣ, отѣ которыхѣ зависитѣ расположение жизни нашей, можемѣ мы спокойно смотрѣть, какѣ мнѣнія Догматиковѣ (относительно къ предметамѣ любопытства) одно другое опровергаютѣ; можемѣ спокойно ожидать, на чьей сторонѣ будетѣ побѣда, и приспавать то къ той, то къ другой парши, слѣдуя собственному своему разуму. Я думаю, что сіе состояніе духа естѣ для насѣ лучшее. Хотя то, что приобрѣли мы чрезѣ важныя свои разысканія, составляетѣ весьма немногое; но сіе многое естѣ самое нужнѣйшее, и ни-

что не можетъ насъ лишить онаго. Во всемъ прочемъ пойдёмъ мы по широкому, гладкому пути, на которомъ, смотря по нуждѣ, можемъ и въ право и въ лѣво уклоняться

И такъ, любезной другъ мой, перестаньте жаловаться на самого себя, и повѣрьте, что философъ долженъ быть въ разсужденіи истины точно въ такомъ расположеніи, въ какомъ вы шеперь. Горе ему, если голова его такъ наполнена правилами и мнѣніями, что въ ней уже никакого мѣста для сомнѣнія не остается! Или вы думаете, что тотъ въ самомъ дѣлѣ совершенно увѣренъ, кто боится само малѣйшаго сомнѣнія? Нѣтъ, любезной другъ! Многие притворяются увѣренными. Они спешатъ утѣшиться, предавшись стремительной рѣвѣ разсудка, и лучше хотятъ хвататься за всякую вѣшь въ слабыхъ гипотезъ, нежели собственною своею силою держаться на поверхности воды. Такъ думаютъ и самые ревностные суевѣры, и самые дерзостные изъ

вольнодумцевъ И шѣ и другіе боят-
ся самадѣишчмъ сомнѣніемъ поколе-
бать свою систему, чтобы наконецъ,
къ стыду ихъ, она совсѣмъ не раз-
рушилась. И такъ одигъ вѣришь вся-
кимъ нелѣностямъ, а другой ни чему
не вѣришь — Если вы о силѣ
людей можете сказать, что они на-
шли истину, то я не жалѣю о васъ,
что вы не нашли ее.

Но вы нашли сію истину, —
истину, которую человекъ постиг-
нуть можетъ — не ту, которая со
Всевѣдущимъ обитаетъ; ибо смерт-
ные очи не могутъ обѣять ея сідня.
Слабой, блѣдной лучъ ея, которой
изъ неизмѣримаго отдаленія едва, ед-
ва освѣщаетъ шестве наше въ поляхъ
ночи, есть все то, что мы отъ
свѣта ея снести можемъ — все то,
что намъ дано отъ сей истины Удив-
ляясь ли, сокрушаясь ли намъ, ко-
гда при такомъ неясномъ свѣтѣ мы
иногда заблуждаемся, или не бываемъ
ены въ пути правомъ ?

Испн.

Истина не есть такая близкая цѣль, до которой бы человекъ достигалъ единожды на всегда. Она есть для него ничто иное, какъ совершеннѣйшее познание. Какъ скоро душа наша почувствуетъ нужду въ знаніи; какъ скоро ощутимъ въ себѣ желаніе рѣшить нѣкоторыя изъ безчисленныхъ проблемъ, предлагаемыхъ намъ Натурою при каждомъ взорѣ — рѣшить тѣ, которыя болѣе другихъ до насъ касаются. то безысконой духъ нашъ всячески старается преодолѣть трудности изслѣдованія, въ надеждѣ найти полной свѣтъ и непрерывное спокойствіе по ту сторону сѣней мрачности. Суешная надежда! Новыя сомнѣнія приводятъ насъ въ замѣшательство; новыя проблемы возбуждаютъ наше любопытство. И такимъ образомъ манитъ насъ одна цѣль за другою, мы идемъ всегда съ новыми желаніями, которыя никогда не бывають совершенно тщетны, но никогда же и не исполняются совершенно, идемъ, и вдругъ нечаянно видимъ себя
при

при концѣ жизни, но не при концѣ нашего изысканія. Вотъ общая судьба всѣхъ искашелей истины, и ваша, любезной другъ! Но уже ли будете вы жаловаться на Всевышняго, что Онъ далъ вамъ сіе стремленіе къ истинѣ? Уже ли скажете, что оно дѣлаетъ насъ несчастнымъ, для того что оно безконечно? Вы будете лучше думать о Богѣ, думая лучше о себѣ. Развѣ другъ мой Бель не выше мапроза, который на кораблѣ своемъ плыветъ по океану, никогда не беспокоясь о томъ, какимъ образомъ сей корабль по волнамъ кашется, какъ великіе часы міра въ безпредѣльномъ пространствѣ водъ показываютъ ему время, и какъ зрительная труба открываетъ на небѣ путь, которымъ корабль его по морямъ земли плыть долженъ? — Вотъ вся загадка! Радостныя виды спокойствія, которыми надѣемся мы насладиться при свѣтѣ истины, ведутъ насъ отъ одного труднаго изслѣдованія къ другому. Смерть застигаетъ насъ прежде,

не

нежели мы находимъ се спокойствіе; но довольно, что существо наше становится возвышеннѣе и благороднѣе отъ распроспраненія силъ и познаній нашихъ

Не отвергните сего утѣшенія, на которое имѣете вы такое неоспоримое право! Вы конечно помиритеесь съ собою, когда осмѣлитесь справедливо оцѣнить свои достоинства — Примите наконецъ искреннѣйшее увѣреніе въ моемъ сердечномъ къ вамъ почтеніи; и естли се увѣреніе будетъ послѣднее, которое вы въ здѣшней жизни можете принять отъ меня, естли по сю сторону гроба вамъ уже не можно будетъ доказывать мнѣ свою дружбу. Но да исполнится хотя послѣднее мое земное желаніе, чтобы вы еще въ семъ мірѣ вкусили въ совершенствѣ то спокойствіе, которое въ оной жизни васъ навѣрное ожидаетъ!

ХІ

ПИСЬМА РУСКАГО ПУТЕШЕ-
СТВЕННИКА

(Продолженіе)

21 Юля.

Вчера два раза былъ я у Виланда, и два раза сказали мнѣ, что его нѣшъ доча Нынѣ поушру пришелъ я къ нему въ восемь часовъ, и увидѣлъ его. Вообразите себѣ челоуѣка довольно высокаго, тонкаго, долголицаго, рябоватаго, бѣлокураго, почти безволосаго, у котораго глаза были нѣкогда сѣрые, но отъ чтенія стали красные — шаковъ Виландъ Я приѣхалъ въ Веймаръ для того, чтобы видѣть васъ, — сказалъ я „ Это не стоило труда! „, отвѣчалъ онъ съ холоднымъ видомъ и съ такою ужимкою, которой я совсѣмъ не ожидалъ отъ Виланда. По томъ спросилъ онъ, какъ я, живя въ Москвѣ, научился говорить по Нѣмецки? Отвѣчая, что мнѣ довольно часто былъ случай говорить съ Нѣмцами, и при томъ съ такими, которые хорошо знаютъ свой языкъ, упомянулъ я

Я о Л*. Тутъ разговоръ обратился на сего несчастнаго человѣка, котораго нѣкогда бывъ ему очень знакомъ. Между тѣмъ мы все стояли; изъ чего и надлежало мнѣ заключить, что онъ не намѣренъ меня долго у себя удерживать. Конечно я пришелъ не во время? спросилъ я. „Нѣтъ, отвѣталъ онъ впрочемъ поутру я обыкновенно тѣмъ нибудь занимаюсь. „ — И такъ позвольте мнѣ прійти въ другое время, сказалъ я. назначьте только часъ. Еще повторяю вамъ, что я прѣхалъ въ Веймаръ единственно для того, чтобы васъ видѣть. — *Виландъ* Чего вы отъ меня хотите? — *Я* Ваши сочиненія заставили меня любить васъ, и возбудили во мнѣ желаніе узнать васъ лично. Я ничего не хочу отъ васъ, кромѣ того, чтобы вы позволили мнѣ видѣть себя. — *В.* Вы приводите меня въ замѣшательство Скажете ли вамъ искренно? — *Я.* Скажите. — *В.* Я не люблю новыхъ знакомствъ, а особливо съ такими людьми, которыя мнѣ ни по чему не
извѣ-

извѣстны. Я васъ не знаю. — *А.* Правда, но чего вамъ отъ меня опасаться? — *В.* Нынѣ въ Германіи вошло въ моду путешествовать и описывать путешествія. Многие переѣзжаютъ изъ города въ городъ, и стараются говорить съ извѣстными людьми только для того, чтобы послѣ все слышанное отъ нихъ напечатать. Что сказано было между четырьехъ глазъ, то выдается въ публику; а отъ этого многие люди потерпѣли. Я на себя не надеженъ, иногда могу быть слишкомъ откровененъ. — *А.* Помните, что я не Нѣмецъ, и не могу писать для Нѣмецкой Публики. Къ тому же вы могли бы обязать меня словомъ честнаго человека — *В.* Но какая польза намъ знакомиться? Положимъ, что мы сдѣлаемся другъ другу интересны: да наконецъ не надобно ли будетъ намъ разстаться? Въдь вы здѣсь не будете жить? — *А.* Для того, чтобы имѣть удовольствіе васъ видѣть, могъ бы я прожить въ Веймарѣ дней десять. И разставшись

л

съ

съ вами, радовался бы я тому, что узналъ васъ — узналъ какъ отца среди семейства, и какъ друга среди друзей. — *В.* Вы очень искренны, иной бы не сказалъ эпова напередъ. Теперь мнѣ должно васъ остерегаться, чтобы вы съ эпой стороны не примѣтили во мнѣ чего нибудь худаго — *А.* Вы шушите — *В.* Ни мало. Сверхъ того мнѣ бы совѣстно было, если бы вы точно для меня остались здѣсь жить. Можетъ быть въ другомъ Нѣмецкомъ городѣ, на прич въ Готѣ, было бы вамъ веселье. — *А.* Вы Поэтъ, а я люблю Поэзію. что бы могло быть для меня пріятнѣе, если бы вы позволили мнѣ хотя часъ провести съ вами въ разговорѣ о сей усладительницѣ жизни нашей? — *В.* Я не знаю, какъ мнѣ говорить съ вами. Можетъ быть вы мастеръ мой въ Поэзи. — *А.* О! много чести. И такъ мнѣ остается проститься съ вами въ первой и въ послѣдній разъ — *В.* (посмотрѣвъ на меня, и съ улыбкой) Я не физиогномистъ; однако жь видѣ^{тъ} васъ

вашъ заставляетъ меня имѣть къ вамъ нѣкоторую довѣренность. Мнѣ нравится ваша искренность; и я вижу еще перваго Рускаго такого, какъ вы. Я видѣлъ в шего Ш***, остраго человека, напитаннаго духомъ эпова старика (указывая на бюстъ Вольтерова) Обыкновенно ваши единоземцы стараются подражать Французамъ; а вы — — Я. Благодарю. — В. И такъ есшьли вамъ угодно провести со мною часа два-три, то приходите ко мнѣ нынѣ послѣ обѣда въ половинѣ третьяго — Я. Мнѣ можно бояться — — В. Чего? — Я. Того, чтобы посещение мое не было вамъ въ тягоснь. — В. Оно будетъ мнѣ пріятно, говорю я, и прошу васъ не думать, чтобы вы одни на свѣтѣ были искренны — Я. Простите! — В. Въ третьемъ часу васъ ожидаю — Я. Буду Простите!

Вашъ вамъ подробное описание нашего разговора, которой сперва зачѣ за живое мое самолюбие. Окончаніе меня нѣсколько успокоило; од-

нако жъ я все еще въ волненіи пришелъ отъ Виланда къ Гердеру, и рѣшился на другой день ѣхать изъ Веймара.

Гердеръ принялъ меня съ такою же кроткою ласковостію, какъ и вчера — съ такою же привѣтливою улыбкою, и съ такимъ же видомъ пашрѣ-архальной искренности.

Мы говорили объ Италіи, откуда онъ не давно возвратился, и гдѣ остатки древняго искусства были достойнымъ предметомъ его любопытства. Вдругъ пришло мнѣ на мысль: что, если бы я изъ Швейцаріи пробрался въ Италию, и взглянулъ на Медицейскую Венеру, Бельведерскаго Аполлона, Фарнезскаго Геркулеса, Олимпійскаго Юпитера — взглянулъ бы на величественныя развалины древняго Рима, и вздохнулъ бы о плѣнности всего подлуннаго? А сія мысль сдѣдала то, что я на минушу совсѣмъ забылся.

Я признался Гердеру, обративъ разговоръ на его сочиненія, что *die Urkunde des menschlichen Geschlechts* казалась мнѣ по большой части непонятною.

„Эту

„Эту книгу сочинялъ я въ моей молодости, опивчалъ онъ, когда воображение мое было во всей своей спрешительности, и когда оно еще не давало разуму отчета въ путяхъ своихъ. — Духъ вашъ, сказалъ я прощаясь съ нимъ, извѣстенъ мнѣ по вашимъ сочиненіямъ; но мнѣ хотѣлось имѣть вашъ образъ въ душѣ моей, и для того я пришелъ къ вамъ — теперь видѣлъ васъ, и доволенъ. Простите!

Гердеръ не высокаго росту, посредственной толщины, и лицомъ очень, очень не бѣлъ. Лобъ и глаза его показываютъ необыкновенной умъ — [я боюсь, чтобы вы, друзья мои, не почли меня какимъ нибудь физиогномическимъ колдуномъ] Видъ его важенъ и привлекателенъ; въ мнѣ его нѣтъ ничего принужденнаго, ничего такого, что бы показывало желаніе *казаться* гѣмъ нибудь. Онъ говоритъ тихо и чуждо; даетъ всѣ слова своимъ, но не излишней. Едва ли по разговору его можно подозрѣвать въ немъ крошнаго любимца Музъ; но великой

Л 3 Уче-

Ученой и глубокомысленной Мета-
Физикъ сокрытъ въ немъ весьма иску-
сно.

Пріятно, милые друзья мои, ви-
дѣть наконецъ того человека, ко-
торой былъ намъ прежде сполько из-
вѣщенъ и дорогъ по своимъ сочине-
ніямъ; котораго мы щакъ часно себѣ
воображали или вообразить старались.
Теперь, мнѣ кажется, я еще съ боль-
шимъ удовольствіемъ буду чищать
Гердеровы сочиненія, воспоминаая
при семъ чщеніи видѣ и голосъ Ав-
тора.

Въ 9 часовъ вечера. Я пришелъ
къ Виланду въ назначенное время Ма-
ленькія, прекрасныя дѣти его окру-
жили меня на крыльцѣ *Батюшка васъ*
дожи, о тся, сказалъ одинъ. *Батюш-*
ка васъ дожидается, сказала другая,
Подите къ нему, сказали двое вмѣстѣ
Я васъ провожу, сказалъ первой Я
ихъ всѣхъ перецѣловалъ, и по томъ
уже пошелъ къ ихъ батюшкѣ. Про-
стите — сказалъ я, вошедши къ не-
му — простите, естли давнишнее
нов

мое посѣщеніе было для васъ не во-
сѣмъ пріятно. Надѣюсь, что вы не
почтете нѣкоторою наглостію того,
что было плодомъ энтузіазма, произ-
веденнаго во мнѣ вашими прекрасными
сочиненіями. — „Вы не имѣете
нужды извиняться, отвѣчалъ онъ я
радъ, что эшотъ жаръ къ Поэзи
такъ далеко распространяется, по-
гда, когда онъ въ Германіи пропа-
даетъ „ — Тутъ сѣли мы на канапе.
Начался разговоръ, которой минуша
отъ минушны становился живѣе и для
меня интереснѣе. Говоря о любви сво-
ей къ Поэзи, сказалъ онъ. „Естьли
бы Судьба опредѣлила мнѣ лишь на
пустомъ островѣ, то я бы все то же
написалъ, и съ такимъ же бы тща-
емъ выработывалъ свои сочиненія, ду-
мая, что Музы слушаютъ мои пѣсни „
Онъ желалъ знать, пишу ли я а по
томъ, не переведено ли что нибудь изъ
моихъ бездѣлокъ на Нѣмецкой Я сы-
малъ въ записной своей книжкѣ пере-
одъ *петальном весны*. Прочитавъ его,
казалъ онъ. „Жалью, еслили вы частѣ

бываете въ такомъ , асположеніи , какое здѣсь описано. „ — „ Скажите , продолжалъ онъ — по тому что теперь я начинаю вами инпересоваться — скажите , что у васъ въ виду? „ Тихая жизнь , отвѣчалъ я. Окончавъ свое путешествие , которое предиринялъ я для того , чтобы собрать нѣкоторыя пріяшныя впечатлѣнія , и обогатить свое воображеніе новыми образами , буду жить въ мирѣ съ Натурою и съ добрыми , во всемъ искать *изящнаго* и радоваться имъ , воспоминашь пріяшное и забывать непріяшное — „ Кто любитъ Музъ и любимъ ими , сказалъ Виландъ , тотъ въ самомъ уединеніи не будетъ празденъ , и всегда найдетъ для себя *пріяшное* дѣло Онъ носитъ въ себѣ иепочникъ своего удовольствія , творческую силу свою , которая дѣлаетъ его щасливимъ „

Разговоръ нашъ касался и до Философовъ — „ Никто изъ Систематиковъ , сказалъ Виландъ , не умѣетъ такъ *обогатить* своихъ читателей , какъ Боннетъ ; а особливо такихъ чита-
те-

телей, которые имѣютъ живое воображеніе. Онъ пишетъ ясно, приятно, и заставляетъ любить себя и Философію свою, — О Кантѣ говоритъ Виландъ съ почтеніемъ, но, кажется, не ломаетъ своей головы надъ его Метафизикою. Онъ показывалъ мнѣ новое сочиненіе своего зятя, Профессора Рейнгольда, подъ титуломъ Versuch einer neuen Theorie des menschlichen Vorstellungsvermögens, которое только что опечатано, и которое должно объяснить Кантову Метафизику. Прочтите его, сказалъ онъ мнѣ, если вы читаете книги такого рода. Вашъ Агашонъ, или Оберронъ для меня привѣще, отвѣчалъ я однако жь иногда изъ любопытства заглядываю и въ область Философіи. — „А развѣ Агашонъ не есть философическая книга? сказалъ онъ: въ немъ рѣшены самыя важнѣйшіе вопросы Философіи. „ — Правда, сказалъ я и такъ прошу извинить меня —

Съ любезною искренностію открывалъ мнѣ Виландъ мысли свои о

нѣкоторыхъ важнѣйшихъ для человѣчества предметахъ. Онъ ничего не отвергаетъ, но только полагаетъ различие между чаянiемъ и увѣренiемъ. Его можно назвать Скептикомъ, но только въ хорошемъ значенiи сего слова.

Ему, казалось, приятно было слышать отъ меня, что нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ его сочиненiя переведены на Руской „Но каковъ переводъ?, спросилъ онъ — Не можетъ нравиться тѣмъ, которые знаютъ оригиналъ, — отвѣчалъ я. „Такова моя участь, сказалъ онъ и Французскiе и Англiйскiе переводчики меня обезобразили. „

Въ шесть часовъ я всталъ. Онъ взялъ мою руку, пожалъ ее и сказалъ, что отъ всего сердца желаетъ мнѣ счастья въ жизни. „Вы видѣли меня таковымъ, каковъ я подлинно, продолжалъ онъ. Простите, и по временамъ увѣдомляйте меня о себѣ. Я всегда буду отвѣчать вамъ, гдѣ бы вы ни были. Простите! „ — Тутъ мы
обняв

обнялись. Мнѣ казалось, что онѣ былѣ нѣсколько пронутѣ, а это самого меня пронуло. На крыльцѣ мы въ послѣдній разѣ пожали другѣ у друга руку, и расстались — можетѣ быть на вѣчно. Никогда, никогда не забуду я Виланда. Если бы вы видѣли, друзья мой, съ какою откровенностію, съ какимѣ жаромѣ говоритѣ сеи почти шестидесятилѣтній человекѣ, и какѣ всѣ черты лица его оживляются въ разговорѣ! Душа его еще не состарѣлась и силы ея не истощились. Клемя и Синибальдѣ, послѣдняя изѣ поэмѣ его, писана съ такою же полнотою духа, какѣ Оверронѣ, какѣ Музаргонѣ, и проч. Кажется еще, что онѣ въ послѣднихѣ своихѣ произведеніяхѣ ближе и ближе къ совершенству подходилѣ. Тридцать пять лѣтъ извѣстенѣ онѣ въ Германіи какѣ Авторѣ. Самыя первыя его сочиненія, на примѣръ *правдоубительныя повѣсти*, *Симпатіи* и проч., обратили на него вниманіе Публики. Хотя строгая критика, кошорая тогда уже начиналась въ Германіи

маніи, и находила въ нихъ много недоспашковъ, однако жь отдавала Автору справедливость въ томъ, что онъ имѣетъ изобрѣшательную силу, богатое воображеніе и живое чувство. Но эпоха славы его началась съ публикованія его *комическихъ повѣстей*, признанныхъ въ своемъ родѣ превосходными и на Нѣмецкомъ языкѣ тогда единственными. Удивлялись его остроумію, вкусу, красотѣ языка, искусству въ повѣствованіи. По томъ издавалъ онъ поэму за поэмою, и послѣдняя всегда казалась лучшею. Давно уже Германия признала его однимъ изъ первыхъ своихъ Пѣвцевъ, онъ покоится на лаврахъ своихъ, но не засыпаетъ. Если Французы оставили наконецъ свое старое худое мнѣніе о Нѣмецкой литературѣ (которое нѣкогда она въ самомъ дѣлѣ заслуживала, и е тогда, когда Нѣмцы прилѣжали только къ сухой учености или эрудиціи) — если знающіе и справедливіише изъ нихъ признаются, что Нѣмцы не только во

мно-

многѣмъ сравнялись съ ними, но во
многѣмъ и превзошли ихъ то конечно
произвели сіе отчасти Виландовы
сочиненія, хотя и не весьма хорошо
на Французской языкѣ переведенныя
(правда, все несравненно лучше, не-
жели на Руской)

Вчера ввечеру, проходя мимо по-
го дома, гдѣ живеть Геше, видѣлъ
я сію смотрящаго въ окно, — оста-
новился и разсматривалъ его съ ми-
нутой. важное и хорошее Греческое
лице! Нынѣ поутру заходилъ къ не-
ду, но мнѣ сказали, что онъ рано
уѣхалъ въ Ену — Въ Веймарѣ есть
еще и другіе извѣстные Писатели:
Бершухъ, Боде, и проч. Первой пере-
велъ съ Гишпанскаго *донъ-Кишота*,
и выдавалъ *магазинъ Гишпанской и*
Португальской литературы; а
второй прекрасно перевелъ съ Англій-
скаго *Сперново путешествіе* и *Тря-*
страма Шанди Герцогиня Амалия лю-
битъ дарованія Она призвала къ сво-
ему Двору Виланда и поручила ему
воспитаніе молодаго Герцога; она
при-

призвала Гете, когда онъ прослави-
ся своимъ Вертеромъ, она же при-
звала и Гердера въ начальники здѣш-
няго духовенства

Простите, друзья мои! Ясная
ночь вызываетъ меня изъ комнаты
Беру свой страннической посохъ —
иду смотрѣть на засынающую При-
роду, и странствовать глазами по
звѣздному небу

Веймаръ, Юля 22

Мнѣ рассказывали здѣсь разные
анекдоты о нашемъ Л * Онъ приѣхалъ
сюда для Гете, друга своего, съ ко-
торымъ онъ вмѣстѣ учился въ Страз-
бургѣ, и которой былъ тогда уже
при Веймарскомъ Дворѣ Его приня-
ли очень хорошо, какъ человека съ
дарованиями; но скоро привыкли въ
немъ великія странности На прим.
однажды явился онъ на придворной алѣ
въ доминѣ, въ маскѣ и въ шляпѣ, и въ
ту минуту, какъ все обратили на
него глаза и ахнули отъ удивленія,
онъ

онъ спокойно подошелъ къ знатнѣйшей дамѣ и позвалъ ее танцовать съ собою Молодой Герцогъ любилъ фарсы и радъ былъ сеѣму забавному явлению, которое доставило ему удовольствіе смѣяться отъ всего сердца; но чиновные господа и госпожи, составляющие Веймарской Дворъ, думали, что дерзостному Л* надлежало за се по крайней мѣрѣ опрубить голову. — Съ самаго своего прїѣзда Л* объявилъ себя влюбленнымъ во всѣхъ молодыхъ, хорошихъ женщинъ, и для каждой изъ нихъ сочинялъ любовныя пѣсни Молодая Герцогиня печалилась тогда о кончинѣ сестры своей. Онъ написалъ ей на сей случай прекрасные стихи, но не преминулъ въ нихъ уподобить себя Иксіону, дерзнувшему влюбиться въ Юпитерову супругу. — Однажды онъ вспрѣшился съ Герцогинею за городомъ, и вмѣсто того, чтобы подоити и поклониться ей, упалъ онъ на колѣни, поднялъ вверхъ руки, и такимъ образомъ далъ ей мимо себя проѣйти или проѣхать. На дру-

другой день всѣ знакомые получили отъ него по бумажкѣ, на которой нарисована была Герцогиня и онъ самъ, споящій на колѣняхъ съ поднятыми вверхъ руками. — Но ни Поэзія, ни любовь не могли его занять совершенно. Онъ могъ еще думать о реформѣ, которую, по его мнѣнію, надлежало сдѣлать въ войскѣ Его Свѣплости; и для того подавалъ Герцогу разные планы, писанные на большихъ листахъ. — За всѣмъ тѣмъ его терпѣли въ Веймарѣ, а дамы находили пріятнымъ. Но наконецъ Гете съ нимъ поссорился и принудилъ его выѣхать изъ Веймара. Одна дама взяла его съ собою въ деревню, гдѣ нѣсколько дней читалъ онъ ей Шекспира, и потомъ отправился странствовать по бѣлому свѣту. —

Теперь принесли мнѣ супъ; а послѣ обѣда поѣду въ Эрфуртъ. Прощайте, друзья мои!

Эрфуртъ,

Эрфуртѣ, 22 Юля.

Вѣ два часа приѣхалѣ я сюда изѣ Веймара, остановилсѣ вѣ трактирѣ (ко порого имени, право, не знаю) и выпивѣ чашку кофе, пошелѣ на шакѣ называемую *Петрову сору* вѣ Бенедиктинской монастырѣ. Пришедши туда, спросилѣ я перваго встрѣтившагосѣ мнѣ ошца указать шо мѣсно, гдѣ погребенѣ Графѣ Глейхенѣ *Голстой* отецѣ (NB монастырѣ очень богатѣ) охриплымѣ голосомѣ сказаѣ мнѣ, что-бы я шелѣ кѣ ошцу церковнику. Мнѣ наделало ишли черезѣ длинная сѣни или коридорѣ, гдѣ вѣ мерцающемѣ сумракѣ представилсѣ глазамѣ моимѣ распяшя и угасшя лампы. Проводникѣ оставилѣ мент вѣ коридорѣ и пошелѣ искать ошца церковника. Трудно описашь, что чувствовалѣ я, прохаживаясь одинѣ вѣ глубокой тишинѣ по сямѣ темнымѣ переходамѣ, и посматривая на распяшя, на лампы и на старья каршины, на которыхѣ изображены были разныя страшныя сцены. Мнѣ казалосѣ, что я пришелѣ

М вѣ

въ мрачное жилище Фанашизма Воображение мое представило мнѣ сіе чудовище во всей его гнусности, съ поднявшимися отъ ярости волосами, съ клубящеюся у рта пѣною, съ пламенными, обшешеными глазами, и съ кинжаломъ въ рукѣ, прямо на сердце мое успрямленнымъ. Я задремалъ, и холодной ужасъ разлился по моимъ жиламъ Изъ глубины прошедшихъ вѣковъ загремѣли въ мой слухъ адскія заклинанія; но, къ щастію моему, въ самую сію минуту пришелъ мой проводникъ, и призраки моего воображенія исчезли Опецъ церковникъ, сказалъ онъ, вмѣстѣ съ другими опцами сидитъ за вечернею трапезою. Да не можешь ли ты самъ показать мнѣ гробъ Глейхена? спросилъ я Могу, опвѣчалъ онъ, естли вы только его хопите видѣшь. — Вошедши въ церковь, поднялъ онъ двѣ широкія скованныя доски, и я увидѣлъ большой камень. — Выслушайте исторію

Когда святая ревность, выгнашь невѣрныхъ изъ земли обшпованной,

заразила всю Европу, и благочестивые рыцари, крестомъ ознаменованные, устремились къ востоку тогда и Глейхенъ, Имперской Графъ, оставилъ свое отечество, и съ вѣрною дружиною направилъ путь свой къ спартамъ Азіатскимъ. Не буду описывать вамъ великихъ дѣлъ его мужества Скажу только, что и самые храбрѣйшіе рыцари Христіанства удивлялись его подвигамъ. Но Небесамъ угодно было искусить несчастіемъ вѣру Героя — Графъ Глейхенъ попался въ плѣнъ къ невѣрнымъ, и сталъ невольникомъ знашнаго Магомешанца, которой велѣлъ ему смотрѣть за своимъ садомъ Графъ, несчастной Графъ поливалъ цвѣшы, фіялки и колокольчики, лилии и розы. — Долго Герой вздыхалъ въ поносной неволѣ И тщетны были бы всѣ его вздохи и всѣ обѣщанья, ешьли бы прекрасная Сарацынка, милая дочь господина его, не обратила на него взоровъ нѣжной любви Часто въ густыхъ тѣняхъ вечера внимала она жалобнымъ пѣснямъ его;

часто видѣла его молящагося со слезами, и сама слезы проливала Робкая стыдливость, добродѣшель юныхъ дѣвическихъ душъ, долгое время не допускала ее изъясниться и сказать невольнику, что она беретъ участие въ его печали. Наконецъ искра воспыла — стыдливость исчезла — любовь не могла уже тайтаться въ сердцѣ, и огненною рѣкою излилась изъ устъ ея въ душу изумленного Графа. Ангельская невинность ея, цвѣтущая красота, еще не пожженная пламенемъ восточнаго сладострастия, и способъ къ свободѣ — все сие заставило его забыть, что у него была супруга. Онъ клялся Сарацынкѣ вѣчно любить ее, еслили она согласится оставить своего отца, свое опечесство, и бѣжать съ нимъ въ страны Христианскія. Но она уже не помнила ни отца, ни опечесства — Графъ былъ для нее все. Прекрасная лепитъ, приносятъ ключъ, опираетъ пошатенную дверь въ поле — лепитъ съ своимъ возлюбленнымъ, и тихая ночь, одѣвъ

одѣвъ ихъ мрачнымъ своимъ покровомъ, благопріятствуетъ ихъ побѣгу. Щастливо достигаютъ они до опечесства Графскаго Подданные лобызаютъ своего Государя и отца, котораго почитали они погибшимъ, и съ любопытствомъ смотрятъ на его спашую соупницу, покрытую флеромъ. При входѣ во дворецъ Графиня бросается въ его объятія „Ты опяшь меня видишь, любезная супруга! говоритъ Графъ. благодари же ее (*указывая на свою избавительницу*) — она оставила для меня отца и опечество свое. Ахъ! я клялся любить ее! „ — Графъ хочетъ рукою закрытьъ текущія слезы свои Сарацынка опкрываетъ свое лице, бросается на колѣни передъ Графинею, и рыдая говоритъ. *я теперь раба твоя!* — „Ты сеспра моя, опвѣчаетъ Графиня, подымая и цѣлуя Сарацынку: супругъ мой будетъ своимъ супругомъ; раздѣлимъ сердце его. „ — Графъ удивляется великодушію своей супруги — прижимаетъ ее къ своему сердцу —

всѣ обнимаются и клянутся любить другъ друга до гроба. Небеса благословили сей происшвенной союзъ, и самъ Папа подтвердилъ его. Миръ и счастье обитали въ Графскомъ домѣ, и вѣрные супруги, по блаженной своей кончинѣ, были погребены вмѣстѣ — въ Эрфуртѣ, въ церкви Бенедиктинскаго монастыря — и покрыты однимъ большимъ камнемъ, на которомъ рука усерднаго художника вырѣзала ихъ изображенія. Я видѣлъ сей большой камень, и благословилъ память супруговъ.

Полубовавшись пріятнымъ видомъ съ *Петровой горы*, пошелъ я въ сиротской домъ, и видѣлъ тамъ келью, въ которой Мартинъ Лютеръ жилъ отъ 1505 до 1512 года. На стѣнахъ сей маленькой, темной горницы написана его исторія. На столикѣ лежитъ Нѣмецкая Библия перваго изданія, которую употреблялъ самъ Лютеръ, и въ которой всѣ бѣлыя сшраницы исписаны его рукою. Можно ли, думалъ я, чтобы просшой монахъ,
жи-

жившій во мракѣ этой кельи, сдѣлалъ такую великую реформу въ Римской церкви, вопреки Папѣ и Императору! — Вышедши изъ кельи, увидѣлъ я въ коридорѣ множество странныхъ картинъ. На одной изображенъ Императоръ, къ которому смерть, въ видѣ скелета, подходитъ и докладываетъ съ низкимъ поклономъ, что ему пора сложить съ себя земное величье и оправиться на пошъ свѣтъ. На другой представлена актриса, а позади ее смерть въ царскомъ одѣяніи, поднимающая кинжалъ, на которомъ возшкнута маска. На третей изображены держатель типографіи въ штофномъ халатѣ и въ большомъ парикѣ, помощникъ его и смерть, хотящая подкосить ноги перваго; а внизу подписано, что и держатели типографій умереть должны! и проч. и проч.

Готта, 23 Юля въ полночь.

Я приѣхалъ сюда въ одиннадцатъ часовъ утра, и остановился въ пракширѣ колокольника. Сильная головная боль заставила меня пролежать на постелѣ весь день. Ввечеру я всталъ, походилъ по городу, и видѣлъ переѣздомъ и иллюминацію и фесерверкъ, которымъ Готтской Герцогъ веселилъ маленькаго Веймарскаго Принца, приѣхавшаго къ нему въ гости. Иллюминація, — со множествомъ народа, между которыми перемѣшались и Офицеры и Придворные, — представляла въ ночной темнотѣ весьма пріятное зрѣлище.

Франкфуртъ на Майнѣ,

Юля 28

Вчера ввечеру, милые друзья мои, приѣхалъ я во Франкфуртъ. Дорога отъ Готты была для меня очень скучна. Почти на каждой станціи надлежало мнѣ ночевать — (я ѣхалъ на обыкновенной почтѣ) — или по крайней мѣрѣ стоять по нѣсколькимъ часамъ. Дороги
вездѣ

вездѣ прескверныя , такъ что надобно ѣхать все шагомъ , и даже самыя улицы въ маленькихъ городкахъ и мѣстечкахъ такъ дурны , что съ трудомъ проѣхать можно Правда , я сидѣлъ въ почтовой коляскѣ очень просторно , и е. почти все одинъ , но чрезмѣрно тихая ѣзда и остановки были для меня несносны Къ тому же почти ничего замѣчательнаго не попадалось мнѣ въ глаза , и я сомнѣваюсь , чтобы самъ Йорикъ нашелъ шутъ много интереснаго для своего сердца.

Только дикія окрестности Эйзенаха произвели во мнѣ нѣкоторыя пріятныя чувства , напомнивъ мнѣ первобытную дикость всей Природы. Еще замѣтилъ я замокъ Варнбургъ , которой лежитъ на горѣ не далеко отъ Эйзенаха , и въ которомъ послѣ Вормскаго сейма содержанъ былъ Мартинъ Лютеръ Тутъ возвышаются два камня , въ которыхъ воображеніе находилъ нѣчто похожее на человѣческія фигуры , и о которыхъ , по старому преданію , рассказывается слѣдующая

сказка: Молодой монахъ влюбился въ молодую монахиню Тщешно сражался онъ съ своею любовію; тщешно хотѣлъ умерщвлять плоть свою постомъ и трудами! Кровь его пылала и волновалась Образъ прскрасной монахини безпрестанно присушествовалъ въ душѣ его. Онъ хотѣлъ молиться; но языкъ его, непослушной сердцу, не могъ произнести ничего, кромѣ: *люблю! люблю! люблю!* Часто ходилъ онъ въ потъ монастырь, гдѣ заключена была прекрасная; часто, смотря на нее, проливалъ онъ пламенные слезы, и видѣлъ огненной румянецъ на лицѣ своей возлюбленной, — видѣлъ симпатическія слезы въ глазахъ ея. Сердца ихъ разумѣли другъ друга, спрашались чувствъ своихъ и — питали ихъ. Наконецъ молодой монахъ трепещущею рукою вручилъ своей любезной слѣдующее письмо: *Милая сестри! не далеко отъ монастырскихъ воротъ, въ правую сторону, возвышается крутая гора. Я буду тамъ при наступлении ночи Или ты, прекрасная,*

сная, будешь тамъ же, или я свергнусь съ высокаго утеса, и умру временною и вѣчною смертию. — Сердце ея задрепетало. Мнѣ видѣшь его — думаетъ она — мнѣ видѣшь его за стѣною монастырскою, и бышь съ нимъ одной въ тишинѣ ночи? Но я должна спасти его отъ страшнаго грѣха самоубійства., — Она находитъ способъ выйти ночью изъ монастыря — идетъ во мракъ и страшится всякаго шороха — всходитъ на гору, и вдругъ чувствуетъ себя въ объятіяхъ своего страшнаго обожателя. Они забываютъ все, препещутъ въ восторгъ — но вдругъ кровь ихъ хладѣетъ, нѣмѣютъ члены, сердца перестаютъ биться, и Небесной гнѣвъ превращаетъ ихъ въ два камня. „Вы видите ихъ“, — сказалъ мнѣ пошллонъ, указывая на верхъ горы. — — Изъ сей народной сказки сочинилъ Виландъ прекрасную поему, подъ шишуломъ: *der Mönch und die Nonne*.

Прозъ

Проѣзжая черезъ маленькое мѣ-
стечко по сю сторону Гиршфельда,
посылмонъ мой остановился подлѣ
одного дому. Я почелъ сей домъ прак-
тиромъ, вошелъ въ него, и у пер-
ваго человѣка, которой встрѣшилъ
меня съ низкимъ поклономъ, потре-
бовалъ рейнвейна и воды, по томъ
сѣлъ на стулъ, и не думалъ сниматьъ
своей шляпы. Въ комнатѣ было еще
человѣка чепыре, которые съ вели-
кою учтивостію начинали говорить
со мною. Принесли бутылку рейн-
вейна. Я пилъ, хвалилъ вино, и на-
конецъ спросилъ, что надобно за-
платить за него? „Ничего, отвѣчали
мнѣ съ поклономъ: вы не въ прак-
тирѣ, а въ гостяхъ у честнаго мѣща-
нина, которой очень радъ тому, что
вамъ понравился его рейнвейнъ. „ Во-
образите мое удивленіе! Я схватилъ
съ себя шляпу и сталъ извиняться
„Ничего, ничего! сказалъ мнѣ хозяинъ:
только прошу васъ быть благосклон-
нымъ къ моей дочери, которая по-
ѣдетъ съ вами въ коляскѣ. „ Я буду
учтивъ,

учтивъ, почтителенъ, и все, что вамъ угодно, — отвѣчалъ я. — Пришла дочь его, дѣвушка лѣтъ въ двадцать, изрядная собою, въ зеленомъ суконномъ сертукѣ и въ черной шляпѣ. Мы рекомендовались другъ другу, сѣли въ коляскѣ рядомъ и поѣхали. Каролина (такъ называлась дѣвушка) сказала мнѣ, что она ѣдетъ въ деревню къ своей тещкѣ. Я не хотѣлъ беспокоить ее никакими дальнѣйшими вопросами, вынулъ изъ кармана своего *Vicar of Wakefield* и началъ читать. Сопутница моя стала зѣвать, жмуриться, дремать, и наконецъ голова ея упала ко мнѣ на плечо. Я не смѣлъ шронуться, чтобы не разбудить ее; но вдругъ насъ такъ потрянуло, что она отлетѣла отъ меня въ другой уголъ коляски. Я предложилъ ей большую свою подушку. Она взяла ее, положила себѣ подъ голову и оляпъ заснула. Между тѣмъ смерклось, и наступила ночь. Каролина спала крѣпкимъ сномъ и почти не просыпалась до самаго того мѣста, гдѣ надлежало намъ

намъ

намъ съ нею разстаться. Что принадлежишь до меня, то я велъ себя такъ честно, какъ цѣломудренной рыцарь, боящійся однимъ нескромнымъ взоромъ оскорбить стыдливость порученной ему непорочности. Рѣдки такіе примѣры въ нынѣшнемъ свѣтѣ, друзья мои, рѣдки! Каролина, по своей невинности, не почла за должность благодарить меня за мою воздержанность, и простилась со мною очень сухо. Богъ съ нею!

Ни гдѣ во всю дорогу не было мнѣ такъ грустно, какъ въ Гиршфельдѣ. Я прѣхалъ туда въ пять часовъ вечера, и долженъ былъ пробыть тамъ до полуночи. Городъ не представлялъ мнѣ ничего примѣчанія достойнаго, и я не зналъ, что дѣлать. Читая не могъ — писать также, хотя Почтмейстерша, по моему требованію, и принесла мнѣ цѣлую тетрадь бумаги. Сидя подгорюнившись, думалъ я о друзьяхъ опдаленныхъ, чувствовалъ сиротство свое и грустилъ

Сюда

Сюда прѣхалъ я ночью въ дождь, и остановился въ трактирѣ звѣзды. Тамъ отвели мнѣ очень хорошую комнату.

(Продолженіе впередъ)

XII

СОЛОВЕЙ И ВОРОНА.

Б А С Н Я.

Въ прекрасной весенней вечерѣ сидѣлъ любезной соловей на розовомъ кусточкѣ и пѣлъ свои восхищительныя пѣсни. Всѣ птицы слетѣлись, и въ глубокомъ молчаніи слушали его пѣніе. Наконецъ соловей умолкъ; но птицы все еще сидѣли и слушали: ибо сладкой голосъ его все еще отзывался въ ихъ слухъ. Между прочими пернатыми была шутъ и ворона, глупая, но честолюбивая шварь „Не уже ли — думаетъ она — одинъ соловей пѣть умѣетъ? Развѣ у меня нѣтъ голосу? и развѣ не могу я сѣсть на этотъ кустъ?“, — Съ сею мыслию ворона поднялась, сѣла на розовую вѣтвь (которая отъ ея тяжести пригнулась къ

зем-

землѣ) и запѣла, или, лучше сказать, закаркала во все горло. Что же вышло? Всѣ птицы, услышавъ ея противное карканье, поднялись и полетѣли прочь отъ розоваго кусточка. Ворона разсердилась, пустилась въ слѣдъ за ними и кричала имъ издали. „Развѣ вы глухи? Развѣ вы не слышите, что и я пою?“, — *Да не такъ какъ соловей*, отвѣчалъ ей пестерей, которой летѣлъ позади прочихъ птицъ.

Безграмотные (*) Русские стихотворцы! и вы поете; но — —

XIII.

РАЙСКАЯ ПТИЧКА.

Благочестивый старецъ, проводившій Небу посвященные дни свои
въ

(*) То есть шѣ, кошорые ни читають ни писать не умѣють; но я, нижеподписавшійся, не знаю ни одного Рускаго стихотворца, кошорой бы не умѣлъ ни читають ни писать, и пошому думаю, что сочинитель сей басни говоритъ о фаншомахъ своего воображенія. — *Издатель.*

въ мирномъ монастырѣ, пошелъ однажды въ лѣсъ собирать смоквы для брашской трапезы. Предавшись священнымъ своимъ размышленіямъ, зашелъ онъ далеко въ мрачную густоту лѣса, гдѣ нога смершнаго до шолѣ не бывала, и куда самые звѣри заходить не дерзали. Вдругъ слухъ его пѣвается пѣниемъ птички. Онъ слушаетъ, восхищается, забываетъ самого себя, забываетъ вселенную, и стоитъ неподвижно какъ мраморъ. Лепитъ время, и не смѣетъ прикоснуться къ нему крылами своими, не смѣетъ прервать его вниманія: ибо оно было подобно вниганію вѣчныхъ жителей неба. Наконецъ птичка умолкла. Благочестивой старецъ, пришедши въ себя, благодарилъ Всевышняго за то удовольствіе, которое Онъ благоволилъ послать ему въ сладостномъ пѣніи сей птички, и пошелъ обратно въ свою обитель. Приходитъ, и видитъ — другая спѣны, другую церковь, другая кельи и другихъ монаховъ, — не вѣритъ глазамъ

своимъ, идетъ къ начальнику монастырскому, и въ изумленіи вопрошаетъ его: „Скажи, овецъ преодоб. ной! скажи, какое чудо преобразило эту обитель? За нѣсколько часовъ передъ симъ я вышелъ изъ нее, и теперь нахожу все иное „ — Мы тебя не знаемъ, пришлецъ! отвѣтствовалъ начальникъ — Старецъ рассказываетъ исторію монастыря своего — именуемъ своего Архимандрита. „Изъ древнихъ лѣтописей нашей обители извѣстно мнѣ все по бою повѣствуемое, сказалъ съ удивленіемъ начальникъ — извѣстно мнѣ и самое имя сего Архимандрита; но онъ жилъ за тысячу лѣтъ передъ симъ „ — „Теперь несесной лучъ освѣщаетъ очи мои! воскликнулъ старецъ по глубокомъ размышленіи, и видъ его привелъ въ трепетъ всѣхъ присутствующихъ, ибо въ немъ было нѣчто божественное — „Братія! я слышалъ пѣніе райской пшички, и не чувствовалъ тысячи лѣтъ! „ — Тутъ хочешь онъ изъяснить сладость сего пѣ-

пѣнія ; но языкъ его шупѣетъ , взоръ его меркнетъ — онъ падаетъ , и свяшая душа вылетаетъ изъ пѣннаго пѣла. На камнѣ , покрывающемъ могилу его , вырѣзаны сии слова : *онъ слышалъ пѣнне раиской птицы , и не чувствовалъ тысячи лѣтъ* (*).

Любезная Аглая ! я также не чувствую времени , когда внимаю своему пѣнню !

XIV.

О ИНОСТРАННЫХЪ КНИГАХЪ.

Voyage du jeune Anacharsis en Grèce, &c. T. e. Путешествіе Анахарсиса по Греции.

(Продолженіе.)

Часть III Подъ предлогомъ , что у одного изъ друзей его родился сынъ , котораго воспитываетъ онъ со всевозможнымъ стараніемъ , описываетъ Анахарсисъ (страни 1 — 68) воспитаніе

Н 2

Аои-

(*) Мысль сей пѣсы взята изъ Руской народнй сказки , и показываетъ , что у насъ на Руси давно уже имѣли понятіе о чудесномъ дѣйствіи гармоніи на сердце человеческое. Я нахожу въ сей выдумкѣ вѣчно піашическое.

Афинянина отъ начала рожденія его до
того времени, въ которое онъ бе-
реть на себя какую нибудь должность
въ Республикѣ Авторъ сообщаетъ намъ
главныя правила Аристотелевой мора-
ли, и включаетъ прекрасной разговоръ
Сократа съ Главкономъ (изъ Ксено-
фонша) По томъ разсматриваетъ Гре-
ческую музыку какъ съ искусственной,
такъ и съ моральной стороны (спран.
69 - 124) Въ первой части, кажется,
слишкомъ много учености; шутъ не
льзя бы было ожидать разсужденія о
правилахъ музыки вообще Вторая
часть намъ лучше нравилась, а особ-
ливо справедливыя и глубокомысленныя
примѣчанія, какъ съ паденіемъ Грече-
скаго героизма и музыка становилась
время отъ времени нѣжнѣе, и нако-
нецъ, въ противность первой своей пѣ-
ли, обратилась только въ одно удо-
вольствіе. — Весьма искусно изобра-
жаетъ намъ Авторъ нѣкоторые Афи-
нскіе характеры, но болышюю части
изъ Теофраста Тутъ играетъ ролю и
Циникъ Діогенъ. — По томъ Анакар-
сисъ

ейсѣ говоритѣ собственно о Греческой учености, подѣ видомѣ, будто бы описываетѣ библиотеку Эвклидову, и проходитѣ Ионическую, Элеатическую и Пифагорическую школу. Отдѣленіе, гдѣ Авторѣ вводитѣ первосвященника Калмаса (предлагающаго разныя мнѣнія Греческихѣ Философовѣ о Богѣ, швореніи, добродѣтели, человеческой душѣ и начальномѣ веществѣ вещей) могло бы одно составить славу его. — По томѣ слѣдуетѣ по порядку Астрономія Грековѣ, съ ихѣ понятіями о жителяхѣ земли. Последнія предлагаетѣ Авторѣ весьма кратко; а что касается до Астрономическихѣ ихѣ понятій, столь недосшаточныхѣ, то ихѣ безѣ большой потери можно бы было еще сократить. Однако жѣ слогѣ и разныя включенныя анекдоты дѣлаютѣ сю, впрочемѣ сухую матерію для читателя пріятною — Аристиппѣ по большой части все самѣ говоритѣ (стр. 235 - 250), и представленѣ лучшимѣ Философомѣ, нежели какимѣ

Н 3

обы-

обыкновенно почитаютъ его. Нѣкоторые весьма ложно изъясняютъ его правило *стараясь не путшимъ образомъ пользоваться настоящимъ*, говоря, что онъ не велитъ думать о будущемъ. Самое увѣщаніе его, не предаваться никакой страсти такъ, чтобы она впредь могла совершенно управлять нами, доказываетъ прошивное, имѣя въ предметъ будущее — Мѣсто Философа заслуживаетъ другой примѣчания достойной человекъ, Діонъ Сиракузецъ Тупъ же Платонъ даетъ отчетъ въ шрехъ своихъ Сицилійскихъ путешествіяхъ Діонъ помышляетъ о мщени противъ Гирана Платонъ не совѣтуетъ ему итти въ Сиракузы, а Исихора говоритъ прошивное. — Во второмъ путешествіи въ Беопию говоритъ Анахарсисъ о Эивахъ, о народномъ характерѣ и Трофониевомъ Оракулѣ, которой почитаетъ онъ за обманъ, и при томъ за грубой обманъ. — При семъ случаѣ Гезіодъ и Пиндаръ, родомъ Беопицы, получаютъ достойную похва-

хвалу. — Послѣ Беопти слѣдуетъ
 Тессалія. Сперва описывается соору-
 жене Амфиполювъ въ Аителѣ. Весь-
 ма интересно описаніе суевѣрныхъ об-
 рядовъ славныхъ Тессалійскихъ вол-
 шебницъ (Стран. 343-350) — Язонъ
 Фереской, достойной примѣчанія по
 своей въ самомъ дѣлѣ великой душѣ,
 и его наследникъ Александръ, пред-
 ставлены въ двухъ противополож-
 ныхъ картинахъ. Еще съ большимъ
 искусствомъ описана славная долина
 Темпе. Ошпуда вѣнецъ Анахарсисъ
 въ Эпирѣ, Ахарчию и Эполю. Въ
 первомъ всего примѣчательнѣе Оракулъ
 Додонской. Плыя подлѣ береговъ Лев-
 адскаго мыса, видитъ онъ приноше-
 ніе *очищенной жертвы*, ко пора
 sospoма въ томъ, что ежегодо низ-
 вергалъ въ море приговореннаго къ
 взы преслупника. Не забыты и не-
 щастные любовники, искавшие въ вол-
 нахъ утѣшенія. — Тутъ слѣдуетъ
 описаніе Пелопонеса, и началомъ слу-
 житъ Мегара, гдѣ училъ тогда Эвклидъ,
 вшій Сохратовъ ученикъ. Гораздо

уже пространнѣе описаніе Коринѳа, однако жь кажется, чтобы Авторъ могъ еще многое взять изъ Павзанія, хотя онъ зналъ уже не древни, а возобновленной Коринѳъ. Когда Авторъ (страни 432) вступается за Медею (которая, правда, только отъ Эврипида сдѣдалась убийцею дѣтей своихъ на всѣхъ Театрахъ и у всѣхъ Поэтовъ) и когда онъ, слѣдуя Павзанію, говоритъ, что Коринѳяне убили юныхъ сыновей ея по ему надлежало бы сказать, и для чего — а именно для того, что Медея съ сими дѣтьми прислала смертоносные подарки своей совмѣстницѣ — Говоря о Венериныхъ жрицахъ въ Коринѳѣ, онъ только что упоминаетъ о известной Лаксѣ. Пусть въ неѣ было мало похвальнаго, однако жь она все принадлежитъ къ достопамятнымъ женщинамъ древности. Напротивъ того подробно разсказывается Периклорова сомнительная Исшорія — Сиционъ почитается источникомъ искусствъ. Алая описывается весьма грашко, но шѣмъ

тѣмъ интереснѣе оспѣвленіе о Элисѣ, въ которомъ описываются Олимпійскія игры — прекра ная картина, показывающая и великую ученость Автора и способность къ живописанію! Только нѣкоторыя малости можно замѣтить. Напр по описанію на стран 507 можно заключить, что въ бѣгѣ на колесницахъ пять человѣкъ скакали вокругъ одной цѣли, а известно, что каждая колесница имѣла свою цѣль, потому что въ противномъ случаѣ были бы стороны весьма неравны — Говоря, что женщинамъ подѣ смертною казнью запрещено было смотрѣть на сіи игры, надлежало бы упомянуть о Ференцѣ, о которой говорятъ Павзани и Плиній, и которая, будучи дочерью, сестрою и матерью Олимпійскихъ побѣдителей, получила позволеніе видѣть ихъ — Удивительно показалось намъ, что онъ, описывая тамошня произведенія искусства, говоритъ такъ мало о славномъ Ципселовомъ сундукѣ.

Въ четвертомъ томѣ говорится почти все о Спарте. — Тутъ описывается Ксенофонтъ, наслаждающійся въ Сциллонѣ спокойствіемъ мудреца. Онъ рассказываетъ известную новѣсть о Араспѣ и Пантеѣ. — Потомъ ѣдетъ Анахарсисъ прямо въ Мессенію, и прибѣгаетъ туда въ самое то время, когда Мессенцы, призванные назадъ Диаминандромъ не за долго передъ его смертію, возвращаются по долговременномъ изгнаніи въ свое отечество. По сему случаю описываются войны Спартянцовъ съ Мессенцами, и героическія дѣла двухъ Аристоменовъ. Авторъ предлагаетъ все сіе въ приятной пищической одеждѣ, впрочемъ основываясь на Исторіи — Анахарсисъ прибываетъ (стр. 75) въ Лаконію. Надобно бы было написать дѣльную книгу, если бы хотѣли мы слѣдовать за нимъ шагъ за шагомъ. Правда, онъ описываетъ не столько учрежденіе тогдашней Спарты (которая уже гораздо впрошивъ прежняго перемѣнилась) сколько учрежденіе того
граж-

гражданскаго общества, которое основалъ Ликурій, и которое долгое время пребыло въ первоначальной чистотѣ своей. Въ семъ описаніи видно пристрастіе его по тому, что онъ собственно ничего не оуждаетъ, кромѣ немилосердаго сѣченія невинныхъ юношей у Діанина олтаря (гдѣ однако жь доказываетъ, что въ семъ случаѣ не надлежащимъ образомъ исполняли предписаніе Ликургово). О нагихъ пляскахъ Спаршанскихъ дѣвицъ (по его словамъ *полунагихъ*) упоминаемъ онъ съ изъявленіемъ нѣкотораго неудовольствія. Напрошивъ пою убіеніе слабыхъ младенцовъ извиняемъ; а объ извѣстномъ поощреніи дѣшеи къ тайному воровству говоритъ такъ „Оно не подавало повода ни къ разбойничеству, ни къ развращенію, а приучало только мальчиковъ къ проворству, другихъ же гражданъ къ осторожности, и во всѣхъ вообще производило болѣе шій навикъ къ предусмотрѣнію неприятельскихъ намѣреніи, къ вовле-

„че-

„ченію неспріяшеля вѣ сѣти, и кѣ уничто-
 „женію еіо хитроу шеи. „ — Что
 касается до умерщвления безоружныхъ
 Гелоповъ (варварство, которое все-
 ми вообще оуждается), то Авторъ
 отчасти вѣ семѣ сомнѣвается, от-
 части спарается оно извинить Ре-
 цензентъ, ни мало не думающій уча-
 лять добродѣтелей Спартанцевъ, о-
 смѣлился бы сдѣлать нѣкоторыя возра-
 жения Демонаксу, защищающему (стр. **285**)
 своихъ согражданъ противъ од-
 ного Аѳинянина. Однако жъ Авторъ,
 будучи слишкомъ снисходителемъ вѣ
 разсужденіи *цѣлаго*, справедливъ вѣ
 разсужденіи *частныхъ* Спартанцевъ,
 и описываетъ на пр. Лизандера до-
 стойными еіо красками — Изъ Лаконіи
 ѣдетъ Анахарсисъ вѣ Аркадію. Ся
 земля болѣе примѣчанія достойна по
 характеру своихъ жителей, нежели
 по городамъ своимъ, и вѣ описаніи
 Мегалополиса, Мантиней, Фигалы и
 пр., всего интереснѣе для насъ вклю-
 ченные анекдоты — Описание Арго-
 лиса гораздо уже занимательнѣе, а
 особ.

особливо, когда Авторъ говоритъ о самомъ Аргосѣ и служении Эскулапія въ Эпидаврѣ (стран 254). — Переходъ къ Платоновой Республикѣ можешь здѣсь удивить чипашеля; но можешь быть Авторъ нарочно хотѣлъ послѣ Лукурговой существенной Республики описать мысленную. Сія прекрасная мечта представлена въ живою картинѣ, и при концѣ ясно показано, что Платонъ самъ чувствовалъ невозможность ея. Двѣ главы о торгѣ, доходахъ и расходахъ Аѳинской Республики, хотя и отдѣлены отъ другихъ, но принадлежатъ къ плану цѣлаго. Однако жь мы не понимаемъ, для чего Авторъ (432-455) на двадцати четырехъ страницахъ говоритъ намъ о всеобщихъ правилахъ Логикѣ. Онъ бы могъ только исторически показать, что Греческіе философы были основателями сей науки; а то здѣсь, кажется, не мѣсто изъяснять намъ, что такое *assensus*, *individuum*, *sylogismus* и пр. Въ отдѣленіи о краснорѣчии лучше бы

бы было сообщить намъ исторію Греческаго краснорѣчія, нежели говорить, что такое есть Риторика вообще. — Разныя изъясненія въ семъ томѣ весьма интересны, а особливо, что Авторъ говоритъ о такъ называемой Кришии Спартацевъ.

Нашою томѣ начинается довольно пространнымъ описаніемъ Аштычской сельской жизни и правилъ экономіи. Тутъ же Авторъ находитъ мѣсто для Платонова романа о сотвореніи міра — По томѣ снова обращается Аничарсисъ къ Исторіи своего времени. Сперва описывается походъ Діона въ Сиракузы, гдѣ онъ прогоняетъ Тирна, но наконецъ становится жертвою неблагодарности своихъ соотечественниковъ — Тутъ описывается Аничарсисъ безплодную войну, которую Аѳиняне вели съ бывшими своими союзниками, и начало Фокейскихъ безтолковствъ, а какъ Аничарсисъ между тѣмъ отъѣзжаетъ въ Египетъ, то трое приятелей его пишутъ къ нему о судьбѣ Аѳинской

Рес-

Республики — и си пис. • весьма интересны. Тогда Филиппъ Македонской становится опасенъ для Греческой вольности; и к ждои изъ Анахарсисовыхъ прятшелей смотритъ на него и на дѣла его съ особенной стороны. Прекрасно описаніе развивающихся Демоѳеновыхъ талантовъ; и всякой думаетъ, что онъ читаетъ письма или журналъ жившихъ въ то время Полишиковъ. Читатель въ безпрестанномъ ожиданіи, и сердится или одобряетъ, надеется или боится, смотря по тому, какъ поступаетъ въпреню Лейнской народъ Филипповы планы, добродѣтели и слабости изображены весьма живо и справедливо. Читатель видитъ въ немъ истраго порабощителя вольныхъ народовъ, однако жъ такихъ народовъ, которые уже недостойны были наслаждаться вольностію — и естли въ покорителѣ оныхъ не лъзя похвалить сердечной непорочности, то во крайней мѣрѣ не лъзя не признать его великаго духа. — На воз-
вра-

вращномъ пути черезъ Смирну находить Анахарсисъ Аристошеля, и предлагаетъ въ разговоръ политическія мнѣнія сего Философа Тутъ сообщается намъ извлечение изъ книги de Rebus; однако жъ весьма къспашивающены здѣсь и нѣкоторыя мѣста изъ другихъ Писателей — и мы охотно вѣримъ Сочинителю, что сей отрывокъ стоилъ ему великаго труда — Другое важное происшествіе сего времени ояшь заставляетъ Анахарсиса обратиться къ Исторіи. Діонисій Сиракузской въ другой разъ свержейтъ съ прона и уходитъ въ Коринѣ. Здѣсь наиболее нравится и въ описание его по тупковъ въ вещи. ^рблагоразумія, которое показывали его отвѣты, и безразсудности, которая видна была изъ его дѣлъ — Почти весь остатокъ сего тома занимаетъ Греческая Литтература Отъ стран. 327 до 389 рассказывающыя въ хронологическомъ порядкѣ всѣ успѣхи Греческихъ Философовъ въ Физикѣ По томъ предла-

загаюпся пняпя ихъ о сверхъестественныхъ существахъ, а особливо о ихъ Геняхъ. — Тамъ слѣдуютъ Историки; и кажется, что се отдѣленіе могло бы быть пространнѣе. Все сказанное о Геродотѣ, Фукидидѣ, Ксенофонтѣ и пр., весьма справедливо, но читателю можетъ показаться странно, что Авторъ говоритъ болѣе о пропавшемъ Теопомпѣ и Эфорѣ, нежели о дошедшемъ до насъ Фукидидѣ. О Ксенофонтѣ сказано и того менѣе — Послѣ отступленія, въ которомъ говоритъ Авторъ о Греческихъ именахъ, о происхожденіи и часто никакого значенія неимѣющемъ составленіи оныхъ, обращается онъ къ Сократу, и сообщаетъ краткое описаніе его жизни, правилъ и смерти, а какъ самъ Сократъ ничего не писалъ, то въ разсужденіи его философіи должны мы полагаться на Ксенофонта и Платона. Часто уже говорено было, что сему послѣднему не во всемъ такъ вѣрить надобно, какъ первому, ибо пишическаго духа испол-

полненной Платонъ влагалъ иногда въ уста училелю своему (даже при еамой жизни его) собственные свои мнѣнїя. По сему самому Авторъ нашъ утверждается болѣе на Ксенофонтѣ. Все то, чѣмъ обвиняли Сократа, здѣсь изслѣдывается. Только чудно, что въ разговорахъ въ темницѣ сказано такъ мало. Извлечение изъ Федона было бы здѣсь припоинѣе, нежели прежнее извлечение изъ Аристоцелевой Полишки. — Въ послѣднемъ отдѣленіи объ Элевзинскихъ таинствахъ не найдемъ ничего такого, чего бы мы, и еще обстоятельнѣе, не читали въ сочиненіи Г. Профессора Мейнера. Авторъ принимаетъ извѣстное мнѣніе, что въ Мистеріяхъ учили чистому Богопочитанію; но онъ не дѣлаетъ никакого различїя между *большими* и *малыми* Мистеріями. Можно думать, что въ послѣднихъ сообщали только *указанїя*, а въ первыхъ *притины* и *изъясненїя* — Въ примѣчанїяхъ полюбилось намъ всего болѣе опроверженіе недоказаннаго и во многихъ книгахъ рас-
про-

пространеннаго слуха, будто бы Аен-
няне послѣ сами наказали обвинителей
Сокраповыхъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ мѣсяцѣ)

XV.

О РУСКИХЪ КНИГАХЪ.

*Опытъ нынѣшняго естественнаго , гра-
жданскаго и политическаго состо-
янія Швейцарии , или письма Виль-
гельма Кокса — Англійское сочине-
ніе (*) — Дѣль гаси — Москва , въ
Университетской Типографіи у В
Окорокова , 1791*

Коксовы письма заслужили одобре-
ніе какъ Англійской, такъ и Фран-
цузской Публики Сѣ довольною по-

О 2

дро-

(*) Надлежало бы примолвить , сѣ какого
языка переведено сіе сочиненіе. Можно ,
кажется , безъ ошибки сказать , что оно
переведено сѣ Французскаго ; но на что
заставлять читателей угадывать ? — Нѣ-
которыя изъ нашихъ писцовъ , или пи-
са

дробноетю описано въ нихъ все то, что въ Швейцаріи наиболѣе примѣчана достойно, а особливо родъ правленія и политическое состояніе разныхъ Кантоновъ. Только жаль, что Руской Переводчикъ перевелъ сіе, конечно и для нашей Публики интересное сочиненіе, не съ послѣдняго изданія, исправленнаго и умноженнаго Авторомъ. Вотъ что говоритъ самъ Г. Коксъ въ предисловіи онаго „За десять лѣтъ передъ симъ „издалъ я нисѣма мои о Швейцаріи „Публика приняла ихъ благосклонно, „а сіе заставило меня въ 1779 году пред- „ при-

савшей, или переводчиковъ — или какъ кому угодно будетъ называть ихъ — по ступающъ еще непростительнѣйшимъ образомъ. Даря Публику разными песами, не сказывающъ они, что сіи пьесы переведены съ иностранныхъ языковъ. Добродушной чршатель принимаетъ ихъ за Рускія сочиненія, и часто днзится, какъ Авторъ, умѣющій шакъ хорошо мыслить, шакъ худо и не правильно извѣсняется. Самая гражданская честность обязываетъ насъ не присвоивать себѣ ничего чужаго, ни дѣлами, ни словами, ни молчаніемъ.

„принять другое путешествие въ зе-
 „млю Гризоновъ, ту часть Швейца-
 „рии, которая донынѣ была не весь-
 „ма извѣстна. Въ 1785 и 1787 году,
 „будучи опять въ описанныхъ мною
 „мѣстахъ, захотѣлъ я пересмотрѣть
 „свое сочинение и дополнить оное,
 „сравнивалъ предметы, видимые мною
 „въ другой разъ, съ описаніемъ, со-
 „общеннымъ мною объ оныхъ Публи-
 „кѣ; читалъ со вниманіемъ извѣстія
 „тѣхъ путешественниковъ, которые
 „писали послѣ меня, и почти во всѣхъ
 „главныхъ городахъ просилъ я знающихъ
 „людей сказать мнѣ сдѣланныя мною
 „ошибки. Такимъ образомъ изъ разныхъ
 „источниковъ почеркнувъ мною свѣ-
 „дѣнія, вмѣстѣ съ собственными мо-
 „ими наблюдениями и разысканіями,
 „заставляютъ меня надѣяться, что
 „сочинение, которое предлагаю те-
 „перь Публикѣ, и которое должно
 „быть почитаемо совершенно новымъ,
 „можетъ заслужить внимание чита-
 „телей „ — Послѣ сего Рускіе чи-
 „тели могутъ нѣкоторымъ образомъ

досадовать на Господина Переводчика, что онъ не воспользовался симъ новымъ изданіемъ (*). Уже ли онъ не зналъ объ ономъ? Но такое незнаніе едва ли можно простить человѣку, хощащему уиразияться въ переводахъ. Не менѣе должно жалѣть и о томъ, что онъ не перевелъ прекрасныхъ примѣчаній Французскаго Переводчика (**). Господина Рамона Сей любезной молодой человѣкъ, которой по справедливости почитается однимъ изъ лучшихъ нынѣшнихъ Французскихъ Писателей, исходилъ всю Швейцарію пѣшкомъ, и былъ въ самыхъ дикихъ и, можно сказать, непроходимыхъ мѣстахъ Имѣя живое чувство, плодотворное воображеніе и ошмѣнную способность выражать свои мысли и ощущенія, описываетъ онъ съ удивитель-

(*) На Англійскомъ языкѣ оно опубликовано въ 1789, а Французской переводъ онаго вышелъ въ 1790 году

(**) Сія примѣчанія напечатаны при первомъ изданіи Комсовыхъ писемъ на Французскомъ языкѣ.

тельной силою красоты величественной Природы, и съ оптимъною приятностью простые нравы Швейцарскихъ пастуховъ, съ которыми живалъ онъ по нѣскольку недѣль какъ братъ съ братьями

Руской переводъ по мѣстамъ хорошъ Въ доказательство сего приведемъ слѣдующее „Нѣтъ ни одного „проспаго наблюдателя, которой бы „не согласился, что различныя стра- „сти могутъ произвести извѣстныя „на лицѣ переменны или отличитель- „ныя знаки И такъ полагающъ вооб- „ще, что если разсмотримъ со „вниманьемъ сіи знаки, то удобно „можно обнаружить (*) склонности „того человека, котораго желаешь „узнать Признаюсь, что такое по- „ложение подвержено многимъ исклю- „ченямъ, и никакъ не можно осно- „вать на ономъ всеобщей системы „съ твердыми доводами. Но Г Ла- „фа-

(*) Здѣсь надлежало бы сказать не обнаружить, а узнать, или угадать.

„фашеръ, какъ истинной энтузіастъ,
„просширастъ свое учозрѣніе далѣе
„надлежащаго, — и проч. Но, къ
сожалѣнію, не все такъ чисто и ясно.
Не лзя на пр похвалить слѣдующихъ
мѣстъ. „Сіе увѣреніе *сильно было*
„другими *отвергнуто*. Я много си-
„лится узнать, правда ли сіе —
„Всѣ части учености *воздѣлыются*
„(*) тамъ съ успѣхомъ. — Прогул-
„ки и забавы народа смѣшаны съ чо-
„лезными *обращеніями*; *изрядство*
„и *чистота* составляютъ предметъ
„стмыхъ *ученыхъ* *разсужденій*. (Рѣчь
идетъ о Женевѣ Я жилъ въ семъ
городѣ около шести мѣсяцовъ, а не
понимаю, что хочетъ здѣсь ска-
зать Г Переводчикъ) — „Му-
„драя полишка сею правленія,
„благосклонное *его* *пріятіе* *чуже-*
„*странцовъ*, и дозволеніе *вступать*
„имъ въ *мѣщанство*, *шѣмъ* *большаго*
„*примѣчанія* *достойны*, *тѣмъ* *совер-*
„*ше*

(*) Лучше бы было въ семъ смыслѣ сказать
по-Руски *обрабатываются*.

„*шениѣ* противны большей частію
и другихъ Швейцарскихъ городовъ, —
и проч. и проч. и проч. Еще замѣ-
тилъ я нѣкоторыя странныя ошибки.
На прим. „Сочиненіе, изданное Гес-
„неромъ о земледѣліи, доказываетъ
„обширность его знанія.,, Геснеръ отъ
роду не писывалъ о земледѣліи. Я
топчасъ справился съ Французскимъ
оригиналомъ, и нашелъ тамъ: *sur le*
raylage. По какому несчастному слу-
чю можно было приять сіе слово
(которое значитъ *ландшафтъ*) за
земледѣліе, не знаю. — „Спихи Ге-
„снеровы славятся у иностранныхъ
„народовъ.,, Но Геснеръ писалъ про-
зою. — „На другой день, прѣхавши
„въ Женеву, обѣдалъ я съ однимъ Ан-
„глійскимъ дворяниномъ, по имени
„Жаншудомъ, гдѣ надѣялся я найти
„случай видѣться съ Гм. Боннетомъ.,,
Жанту (г) есть не имя Англичанина,
имя деревни, въ трехъ верстахъ
II отъ

(6) Пишется по-Французски *Genève*, а
выговаривается *Жанту*.

эпѣ Женевы, гдѣ Коксѣ обѣдалъ у
своего единоземца, и гдѣ живетъ Г
Боннетъ.

Произношеніе многихъ собствен-
ныхъ именъ означено несправедливо.
На пр. должно писать по-Руски не
Кларенсѣ, а Кларацѣ; не Шамуни, а
Шамони; не Нейшатель, а Нюшатель,
и проч.

*Ум'на Особь, подписавшихся на
Журналъ въ Юль мѣяцѣ.*

*Въ Москвѣ Его Высокородіе Федоръ
Ивановичъ Левашевъ.*

————— *Его Благородіе Николай Ива-
новичъ Ильинъ.*

————— *Иванъ Федоровичъ Соколовъ.*

*Въ Ярославѣ Его Высокоблагородіе
Николай Алексѣевичъ Замыцкой.*

Въ Елисаветградѣ неизвѣстная Особа.

*Въ С. Петербургѣ Его Благородіе
Николай Петровичъ Диринъ.*

СОДЕРЖАНІЕ.

	Странъ
I. Стихи изъ описанія праздниества	119
II. КЪ Прекрасной	123
III. Прогулка въ Сарскомъ селѣ	125
IV. Стихи Гжѣ. Ан.	128
V. Отвѣтъ ея	129
VI. Сонетъ	131
VII. Надпись къ портрету живописца	133
VIII. Сельскія пѣсни	134
IX. Бель къ Шафтсбурю	150
X. Шафтсбурю иъ Белю	155
XI. Письма Руск. Путешественника	160
XII. Соловей и ворона	197
XIII. Райская птичка	198
XIV. О иностранныхъ книгахъ	201
XV. О Рускихъ книгахъ	212

МОСКОВСКОЙ ЖУРНАЛЪ.

Часть третія. Книжка третія.

Мѣсяцъ Сентябрь.

І.

ЛЮБОВЬ И ДРУЖЕСТВО.

Священно дружество ! о колы швой
силенъ гласъ !

Подъ тяжкимъ бременемъ недуговъ
злыхъ страдая ,

Въ уныни души отрадъ не ожидая ,
Уже я навсегда хотѣлъ забыть Пар-
нассъ ;

Уже не строилъ больше лиру ;
Не воспѣвалъ на ней ни друга , ни
Плѣниру ;

Лишь только на нее взирая воздыхалъ,
И слезы изъ очей безмолвно проливалъ.

Но днесъ швой, мой другъ, прят-
нѣйшія строки ,

Какъ будто живошворны соки,
Вліяли жаръ и силу вновь

Въ мою уже хладѣвшу кровь,

Р

И

И къ Музѣ паки обратили,
Съ кошорою меня дни мрачны разлу-
чили.

Покорствуя тебѣ, долгъ дружества
плачу.

Внемли : я пѣть стихи печальныя хочу.

Божественнымъ владѣвыи даромъ,
Безсмертный Оссіанъ, высокіи сеи Пѣ-
ведь,

Дермида предавъ со Оскаромъ

Пошомству дружбы въ образецъ.

И въ склонностяхъ и лѣпахъ
равны,

Сии два друга были славны

Согласіемъ ихъ душъ и мужествомъ
равно.

Узнавъ ихъ всякой мнилъ, что сердце
въ нихъ одно.

Въ сраженіяхъ они другъ друга защи-
щали,

И вмѣстѣ лавры ножидали

Примѣрной дружбы ихъ узла

И самая любовь распоргнуть не могла.

Улицомъ въ міръ произведена,

Комала, красошю небесной одаренна,

По смерти дней своихъ творца,

ко-

Который низложенъ Оскаровою рукою,
Была назначена Судьбою
Плѣнить Героевъ двухъ сердца
Уже они клянутъ тотъ день, копо-
рый славой
Ихъ подвигъ увѣнчалъ,
Когда тотъ сильный врагъ отъ ихъ
меча упалъ,
Уже, исполнены любовною осправой,
Во славѣ щастія не зрятъ —
Ихъ щастие въ любви • ее богопво-
рятъ.
Довольно ль за отца, Комала! ты оп-
мстила?
Но, ахъ! симъ пѣнь его лишь боль-
ше раздражила!
Героевъ ты плѣня, познала горшій
плѣнъ.
Оскаръ, которымъ твой родителъ у-
мерщвленъ —
Кто бъ могъ вообразить? — Оскаръ
тебѣ любезенъ!
Вошде ты хочешь быть сама къ себѣ
строга,
Вошде желаешь зрѣть въ Оскаръ ты
вѣка!
Р а Увы!

Увы! среди любви разсудокъ беспо-
лезенъ! —

„Оскаръ! Дермидъ въ слезахъ ко дру-
гу такъ вѣщъ ль

„Оскаръ! кляни меня я твоя сопер-
никъ сталъ —

„Комалу я люблю!.. Но ты пре-
будь спокоинъ,

„Ты щаспливъ въ ней, я нѣтъ —

„Вкушай плоды любви, а я оставлю
свѣтъ,

„Умру, слезъ дружества достоинъ!

„Мой другъ! въ послѣдній разъ ты
мнѣ послушенъ будь

„Возьми свой мечъ, и имъ пронзи
нещасную грудь! „

— „Что слышу! рекъ Оскаръ, сугу-
бо изумленной:

„Уже ль Дермидъ меня способнымъ
чаемъ бытъ,

„Кровь друга своего дражайшую про-
лишь?

„Бывалъ ли таковой злой извергъ во
вселенной?

„Дермидъ! хошя ты мнѣ совѣсп-
никъ по любви,

„Но

„ Но я лишь помню то , что ты мой
другъ живи ! „ —

„ Мнѣ жить ? Ахъ , нѣтъ ! мнѣ вѣкъ
ужь не прелесненъ .

„ Рази меня , доколь невиненъ я и че-
стенъ !

„ Рази ! Иль хочешь ты меня полъ
низкимъ зрѣшь ,

„ Чтобъ выю я простеръ подъ недо-
стойну руку ,

„ Дабы со срамомъ умереть ?

„ Оскаръ ! не множь мою ты
муку —

„ Дай смерть рукой своей , и вѣрь мнѣ ,
что она

„ Пребудетъ для меня и для тебя
славна „ —

„ Дермидъ ! ты пребуешь . . . О го-
рестная доля ! . .

„ Зри слезы . . . Что сказать ? Твоя
свершится воля

„ Но что ! уже ли ты съ безславиемъ
умрешь ?

„ Какъ агнецъ выю самъ подъ остріе
прострешь ?

„Нашъ, смерть твоя должна быть
смертію героя!
„Спунай, вооружись, назначимъ мѣ-
сто боя!
„Сраженъ твоей рукой, безропотно
паду;
„Или, сразя себя — самъ пушь къ
тебѣ наиду.“

Уже они текутъ на брегъ шумя-
щей *Бранны*,
Гдѣ были сполько крашъ побѣдой увѣн-
чанны,
Остановляются, въ слезахъ другъ дру-
га зрашъ,
Безмолвствуютъ; но, ахъ! сердца ихъ
говоращъ!

Объемлются — по шомъ мечами
Ударивъ во щипы, вступающъ въ смерт-
ный бой.
Уже съ обѣихъ странъ летя кровъ
ручьями;
Уже забвенъ былъ другъ — сражался
лишь герой.
Но чувство дружества Оскара просвѣ-
щаетъ:
Оскаръ, вспомя то, что друга по-
ражаетъ,
Со-

Содрогнулся, и свой умѣрилъ пылкой
жаръ.

Дермидъ же въ смерти зря себѣ не-
бесный даръ,

Отчаянъ, яроспенъ, опасность прези-
рая,

Бросается на мечъ, колеблется, на-
дешъ,

И руки хладныя ко другу просширая,
Съ улыбкой на устахъ сей оставля-
етъ свѣтъ.

Оскаръ, отбросивъ мечъ, очамъ
его ужасный,
Источникъ пролилъ слезъ и горько
возспеналъ.

„Кого ты поразилъ рукой своею, не-
щастныи ?

На трупъ взирая онъ вѣщалъ :

„Се другъ твой, се Дермидъ, побоею
убиенный !

„А ты, ты, кровью Дермида оба-
гранный,

„Еще остался живъ ? Оскару ль по
снести ?

„Уми, злодѣй, умри ! . . . Комала,
ахъ ! прости ! „

— Съ симъ словомъ пушь къ своей
возлюбленной направилъ,
Копору посреди смущенія оставилъ.
Съ пришествіемъ его она узрѣла
свѣтъ. —

„ Но опъ чего Оскаръ шоль медленно
идетъ ?

Комала говоритъ: „ Печально онъ взи-
раетъ,

„ И рукъ своихъ ко мнѣ уже не про-
спираетъ. . .

„ Вдыхаетъ . . . Небеса ! какой еще
ударъ !

„ Дражайшій мой ! скажи , что сдѣла-
лось съ тобою ? „ —

„ Комала ! рекъ Оскаръ.

„ Внимай : тебѣ я стыдъ и грусть мою
открою

„ Извѣстна ты , что я до днесъ въ
мещаньѣ спрѣлъ

„ Подобнаго себѣ изъ воиновъ не зрѣлъ;

„ Спрѣла, копорую рука моя пускала,

„ Всегда желаемая предмета достигала.

„ Но днесъ — о стыдъ ! о срамъ ! о
горька часть моя ! —

„ Искус-

„ Искусства я сего сверхъ чаянья ли-
шился,

„ И славы блескъ моей навѣкъ уже
запнулся !

„ Комала ! видишь ли близь онаго ру-
чья

„ Надменный дубъ, главу межъ про-
чихъ возносящій,

„ И свѣтлый оный щипъ въ низу его
висящій ?

„ Сей щипъ Гармуровъ былъ,

„ Котораго мои мечь дни славны пре-
кратилъ.

„ Кто бѣ думалъ, чтобъ рука, по-
славша смерть Герою —

„ О стыдъ ! о вѣчный стыдъ ! куда
себя сокрою ? —

„ Пронзишь въ средину щипъ без-
сильною была ! „ —

„ Оскаръ ! съ улыбкой дщерь Уллинова
рекла :

„ Упѣшься ! Мой отецъ — прости,
что я вздохнула ;

„ Хоть властвуетъ любовь, природа
не усилила —

„Дражайшій мой отецъ въ младенче-
ствѣ своемъ

„Училъ меня владѣть стрѣлою и ко-
пьемъ

„Пойдемъ, любезный мой! Мнѣ счастье
вместо дара

„Пособитъ, можетъ быть заладить
стыдъ Оскара „

По семъ они спѣшатъ въ уединенныи лѣсъ,

Гдѣ имъ назначенъ былъ рокъ дѣшныи
отъ Небесъ,

Досигши до него, Комала опусту-
ваетъ,

Остановляется, и лукъ свои напря-
гаетъ,

А между тѣмъ Оскаръ скрывается за-
щитъ —

Увы! лепитъ стрѣла, и въ грудь его
разитъ!

„Благодарю тебя, онъ рекъ упавъ
на землю,

„Что отъ руки твоей, Комала,
смерть приемлю!

„Достомнѣ д сего: я друга пролилъ
кровь

„За-

„Закрой, дражайшая, закрой мои зѣ-
ницы!

„Прощись со мной, и двѣ гроб-
ницы

„Любовникамъ своимъ гошовъ! „
Вздохнулъ, и кончилъ жизнь . . . Оп-
чаянна Комъла

Не долго струиъ его слезами оро-
тала:

Въ Оскарѣ щастіе, вселенну погубя,
Вонзила острыи мечъ немедленно въ
себя.

Три жертвы, бѣдственно любовію
сраженны,
По смерти стали бытъ на вѣки сопря-
женны.

Чувствительны сердца ихъ вмѣстѣ
погребли,

И крошкѣй памятникъ надъ ними воз-
несли,

Который и по днесъ въ дубравѣ суще-
ствуешъ

И ихъ печальную кончину повѣству-
ешъ:

Когда пресвѣтлый Фебъ съ лазуре-
выхъ небесъ

Въ

Въ полудни жаркіе лучи распрости-
раетъ,
И сладостный зефиръ во густотѣ
древесъ,
Ошъ зноя утомленъ, едва не умира-
етъ.
Невинны пастыри незлобивыхъ овецъ
Стекающа вквашать при гробѣ семъ
ошраду,
Гдѣ вспомня жалостный почющихъ ко-
нецъ,
Люшъ потоки слезъ, забывъ ишпи
ко спаду.
И,

II

ПѢСНЯ ВЕСЕЛЫХЪ.

Братья, рюмки наливайте!
Лейся черезъ край вино!
Все до капли выпивайте!
Осушайте въ рюмкахъ дно!

* * *

Бра-

Братья ! въ жизни много горя —
Кто его не испыталъ?
Вздохи , слезы наша доля —
Но и радость Богъ намъ далъ.

* * *

Онъ вино намъ далъ на радость ,
Говоритъ святой Мудрецъ :
Старецъ въ немъ находитъ младость,
Бѣдной горестямъ конецъ.

* * *

Кто все плачетъ , все вздыхаетъ ,
Вѣчно смотритъ сентябремъ.
Тотъ науки жить не знаетъ ,
И не видитъ свѣта днемъ.

* * *

Все печальное забудемъ ,
Что смущало въ жизни насъ ;
Пѣть и радоваться будемъ
Въ сей для насъ приятной часъ !

* * *

Да свѣтлѣетъ сердце наше ,
Да сіяетъ въ немъ покой ,
Какъ вино сіяетъ въ чашѣ ,
Осребряемо луной !

IV.

ВЕЧЕРА (*)

Повѣсть третья.

Что могу я рассказать послѣ такихъ прогашельныхъ сценъ? сказала Юля — „Развѣ ты никакихъ радостей въ жизни не имѣла?“, спросила съ улыбкою мать ея — Ахъ, мапушка! отвѣчала Юля съ нѣжнымъ жаромъ вы всякой день меня радуете; всякой день наполняете сердце мое сладостными чувствами Вся жизнь моя есть непрерывное щастие, но я
уже

(*) Первая повѣсть сихъ Мармоншелевыхъ *Вечеровъ* напечатана въ Мартѣ, а вторая въ Маѣ мѣсяцѣ Московскаго Журнала. Нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ (и при томъ такіе, во вкусу которыхъ я долженъ имѣть довѣренность) желали продолженія оныхъ. Въ угодность ихъ — а можешь быть и въ угодность многихъ и въ благоклонныхъ моихъ Читателей — сообщаю здѣсь двѣ сказочки; а остальные пять (ибо Мармоншель выдалъ девять падъ симъ шишломъ) помѣщу въ слѣдующихъ мѣсяцахъ Журнала. — К.

уже къ нему привыкла. — Поспайте: шееръ пришелъ мнѣ на мысль одинъ прятной случай, которой былъ для меня совсѣмъ нечаянной.

Я родилась здѣсь, въ этомъ замкѣ Мапушка хотѣла сама кормить меня. Она почишала это за великое для себя удовольствіе — (и за должность, сказала шихонько Гж Вербаль) — однако жь слабость ея здоровья тому воспрепятствовала. Оставалось ей искать хорошей кормилицы. Она выбрала самую лучшую, какую только можно было найти въ нашемъ округѣ, и при томъ очень добросердечную женщину. Тысячу разъ слыхала я отъ мапушки, что только одна нѣжная мать можетъ имѣть столько попеченія о своемъ ребенкѣ, сколько эта кормилица обо мнѣ имѣла. Зная всѣ свои обязанности, исполняла она ихъ съ такою кропкою, съ такою благородною скромностію, которая походила на благочестіе, и которая самымъ, такъ сказать, низкимъ ея должностямъ придавала видъ нѣкошорой
свя-

священной важности. Когда машушка грустила о томъ, что не могла сама быть моею кормицею, то она всегда съ чувствительностію ей говорила: „Естьли бы здоровье ваше, сударыня, позволило вамъ кормить дочь вашу, то вы бы ее конечно мнѣ не отдали; а я бы не оставила своего ребенка за шѣи, чтобы питать вашего, естьли бы вы не были общею нашею благодѣтельницею. Надобно было кому нибудь изъ насъ заплашить вамъ за шѣи несчастныхъ, копорымъ вы всегда великодушно помогали, и когда вы меня выбрали, такъ видно была на это воля Божія Материнская иѣжность ваша могла бы погубить и васъ и младенца, естьли бы вы, не смотря на свою слабосіть, принудили себя кормить его. Не бойтесь, сударыня, чтобы я въ малюпкѣ вашей заглушила голосъ Природы, и повѣрьте, что она, пришедши въ смыслъ, будетъ привязана къ вамъ болѣе, нежели къ кому нибудь на свѣтѣ, — болѣе, нежели ко мнѣ самой; и вы,

С

су-

сударья, вы будете предметомъ всей ея чувствительности. ,,

Какими же отборными словами говоритъ эта крестьянка! перервалъ съ усмѣшкою Дервисъ. — Я не повшоряю словъ ея, отвѣчала Юля, а пересказываю смыслъ ихъ. Вы, сударь, узнаете эту крестьянку, и будете почитать ее, не смотря на свою гордость — Эти слова, произнесенныя сердечнымъ голосомъ, заставили улыбнуться Орчесана и Іжу Вервалъ Дервисъ потупилъ глаза въ землю, а Юля продолжала.

Машушкины милости привели Сусаниу (такъ называлась моя кормилица) въ хорошее состояніе. Батюшка мой проводилъ здѣсь лучшее время въ году, и я всегда имѣла удовольствіе видѣть Сусанну, съ радостію бѣгущую ко мнѣ на встрѣчу Иногда сама я ходила къ ней въ гости, и, къ сердечной радости своей, видѣла въ ея семействѣ миръ, довольствіе и благополучіе.

ГѢ одно хѣшо намѢ надобѣ о было
 ѣлашь въ Спа къ водамѢ, для того что
 зiorовье бапюшки моего начинало по-
 гда разстроившья Мы возвратились
 въ Верваль уже на другой годѢ, и по-
 ложили тамѢ праздновать бапюшкино
 выздоровленіе. Сусанна по своему
 обыкновенію меня встрѣшила, и хо-
 тя въ сердцѢ своемѢ была очень пе-
 чальна, однако жь на тошѢ разѢ все
 забыла, и радовалась нашему щасли-
 вому возвращенію Но когда я, про-
 щаясь съ нею; сказала ей, что скоро
 сама надѣюсь быть у нее, то она съ
 прогашельнымѢ и печальнымѢ видомѢ
 просила меня не брать на себя это-
 ва труда. Такая неожиданная прозьба
 удивила меня, однако жь я стояла въ
 томѢ, что къ ней буду Она обия-
 ла меня съ улыбкою, въ которой при-
 мѣшила я нѣчто горестное. „Вы уже
 не дитя, сударыня! сказала она — и
 милоспи ваши „ — — Нѣтъ, пере-
 чь я, нѣтъ! вы никогда не най-
 , во мнѢ перемѣны. Я все та же,
 которую вы кормила своею грудью,

и вѣрно приду къ тебѣ на эпихѣ дняхѣ.

Ахѣ! чувствительность и благородство душевное получаюся отъ самой природы! — Кормилица моя была въ несчастіи. Доброй старикѣ, котораго я прежде у нее видѣла — Фирмень, отецъ мужа ея, Башиста — умерѣ, и долговременная болѣзнь его распроила все ихѣ хозяйство. вмѣсто маленькаго домика, хорошо прибраннаго, жили они уже въ хижинѣ, вмѣсто прекрасной, черной коровы, оспалась у нихѣ коза, вмѣсто поля, винограднаго садика и огорода, было у нихѣ только сажени чепыре голыи земли. Въ осьмнадцать мѣсяцовѣ все переменялось. — Сусанна, видя, что я мду, вышла ко мнѣ на встрѣчу, и съ обыкновеннымъ благороднымъ видомъ своимъ сказала мнѣ: „Вы конечно огорчитесь, найдя перемѣну въ нашемъ состояніи. Однако жъ все то, чѣмъ наградила насѣ милость вашихъ родителей, было употреблено на хорошее. Вашюшка нашѣ имѣлъ въ болѣзнь

свою

евою все что бы отецъ самыхъ богатыхъ дѣтей имѣшь могъ, и, слава Богу! до самаго конца своего не терпѣлъ ни въ чемъ недостатка.

Осматривая глазами ихъ хижину, довольно чистую, но совсѣмъ пустую, я заплакала. Можно ли, сказала я Сусаннѣ, можно ли, что ты не хотѣла насъ увѣдомить о своемъ состояннн! Какая несправедливостъ съ твоей стороны, любезная кормилица! Могла ли ты думать, чтобы мы оставили тебя въ нуждѣ? — Я говорю вамъ, отвѣчала она, что больной ни въ чемъ не терпѣлъ недостатка. — А ты? а дѣти твои? а бѣдной отецъ ихъ? — „Нѣтъ, сударыня, отца ихъ мѣльзя назвать бѣднымъ. Марслень, вашъ ровесникъ, во всемъ помогаетъ ему. Они съ весельемъ работаютъ другъ подлѣ друга въ виноградномъ саду одного богатого сосѣда Луиза, дочь лоя, также начинаетъ помогать намъ. Ежели бы вы посмотрили, какъ она работаетъ у насъ ленъ и бумагу, на той пряслицѣ, которую вы ей пожа-

дологи! А все это, къ концу недѣли, приносилъ намъ столько денегъ, что можемъ безъ нужды жить. И такъ не стужите объ насъ, милая барышня, и повѣрьте, что естъли бы нельзя было намъ кормиться работою, то Госпожа Верваль и вы, любезная дочь ея, конечно бы первыя объ этомъ узнали.,,

Въ самую ту минуту вошла въ хижину Луиза, держа на головѣ корзинку съ бѣльемъ, подошла ко мнѣ съ веселымъ видомъ, — ла кала меня, — и я не примѣпила въ ней ни малѣшаго замѣшательства. Луиза! поди доишь козу, — сказала ей мать барышня опвѣдаешъ ея молока. Слова, *поди доишь козу*, пронули меня до сердца; но только меня одну. Луиза побѣжала принести мнѣ молока, и радость, которую она чувствовала видя меня, придавала еще большую легкость ногамъ ея. Хлѣбъ у насъ очень хорошъ (сказала мнѣ Сусанна), пошому что я сама пеку его

Я отвѣдала и хлѣба, и молока ;
и то и другое было гв самомъ дѣлѣ
хорошо — только мнѣ показалось
горькимъ. Однако жь я скрыла печаль
свою. Какое состояніе! думала, по-
шедши отъ нихъ, всякой день ожи-
дашь отъ рукъ своихъ нужной пищи!
А естли кто нибудь изъ нихъ заце-
можетъ! ... Ахъ, мамушка! вы ко-
нечно не оставите кормилицы моей
въ такомъ жалкомъ положеніи!

Мамушка моя въ самомъ дѣлѣ спа-
ралась новыми благодѣянїями попра-
вить ихъ состояніе, однако жь мысль
о томъ, что съ ними будетъ впе-
редъ — мысль о нашемъ отсутствїи,
о разстроенномъ хъ яствѣ, которое
надлеало имъ заводить снова — все
это меня безпокоило, и даже въ са-
мыхъ свидѣнїяхъ. Однако жь между
прочими видѣла я одинъ сонъ, ко-
торой предвѣщалъ хорошее, и копо-
рой могъ бы меня утѣшить, естли
я въ самомъ дѣлѣ самаъ вѣрила.

Въ здѣшнемъ звѣринцѣ есть маленькой нерегулярной лужекъ, подлѣ пригорка, съ котораго падаетъ ручей, текущій въ наши сады. Для того, кто любитъ размышлять въ тишинѣ, ничего не можетъ быть пріятнѣе, какъ сидѣть въ этомъ уединенномъ мѣстѣ, на этомъ лужкѣ, по которому стремительно мчится кипящій ручей, подлѣ тѣни высокихъ осинъ. Тутъ забываешь цѣлой свѣтѣ, не слышишь ничего, кромѣ шума водъ, которой всегда благопріятствуетъ глубокимъ размышленіямъ. Батюшка мой очень любилъ это мѣсто, и почти всегда шупъ прогуливался. Казалось, что онъ хотѣлъ скрыть дорогу къ любимому лужку своему, потому что къ нему вели однѣ узенькія и кривыя пропинки. Часто ходила я туда съ моею нянею питать горсть свою воспоминаніемъ о бѣдной хижинѣ, въ которой жила Сусанна, иногда открывала ей сердце свое, и требовала у нее совѣта. Но няня моя была не очень мягкосердечна. Хвала
мою

мою благодарность, старалась она отвести меня отъ всѣхъ средствъ, которыми я думала изъяснить ее на самомъ дѣлѣ. Родители ваши, говорила она, и такъ уже слишкомъ наградили Сусанну, несправедливо будетъ требовать отъ нихъ еще большаго. Со временемъ вы сами можете дѣлать ей добро, а теперь довольно и того, что для нее уже сдѣлано, — Няня моя говорила правду; однако жъ эта правда умножала горесть мою, и я уже не смѣла сказывать ей причины.

Однако жъ въ одинъ вечеръ, когда говорили обо снахъ, не могла я пропихаться желанію рассказать, что мнѣ приснилось въ послѣднюю ночь, а башюшка, которой всегда съ удовольствіемъ смотрѣлъ на меня, когда я изощряла небольшую способность свою, получаемую отъ природы всякимъ человекомъ, способность описывать то, что впечатлѣвается въ душу нашу, — башюшка, говорю, слушалъ меня съ великимъ вниманіемъ.

Вы знаете, сказала я, что лучше съ каскадомъ нравился мнѣ такъ же, какъ и вамъ. Въ прошедшую ночь представилось мнѣ во снѣ это пріятное мѣсто, но только съ нѣкоторыми переменами. Подъ водопадомъ увидѣла я мельницу Ручей, котораго пѣна бѣлѣлась какъ молоко, шумѣлъ и дымился по дѣ колесомъ. Мельница, казалось, ободряла его, и вселяла въ него ревность быть полезнымъ. Вашъ ручей съ гордостію вертѣлъ мельничное колесо. И знаете ли, кто былъ мельникомъ? — „Батистъ, Сусаннинъ мужъ“, сказала мапушка — „Точно, отвѣчала я, точно! Батистъ съ Сусанною молотили вашъ хлѣбъ Марсельень сажалъ на пригоркѣ виноградъ, а Луиза, сестра его, разводила садикъ. По лугу, кругомъ мельницы, ходили двѣ прекрасныя коровы и овцы съ ягнятами. Ахъ, бапюшка! еспьми бы я могла пересказать вамъ, какъ веселилось это семейство, и какъ я сама радовалась! — Батюшка думалъ, улыбался, и наконецъ сказалъ мнѣ:

благос

благодарю тебя за этот сон; ты очень хорошо рассказала его

Часто я воспоминала его, будучи подлѣ каскада; но никогда уже не говорила ооъ немъ. Казалось, что его совсѣмъ забыли

Въ концѣ осени мы возвратились въ городъ. Зима показалась мнѣ очень долгою. Все то, чѣмъ бабушка и ма-тушка по обыкновению дарили меня въ праздники, сохранила я въ цѣлости, и нетерпѣливо желала видѣть свою кормилицу. 24 Апрѣля мы возвратились въ Верваль. Слѣдующій день былъ самымъ прекрасной. Вернетъ избралъ бы его для изображенія обновляющейся Природы во всемъ блескѣ красоты ея. Всѣ радовались весною; всѣ веселились вновь украшенными полями. Одна я была печальна. Сусанна, про-тивъ своего обыкновенія, не пришла ко мнѣ встрѣтиться. Не больна ли она? думала я. не боленъ ли мужъ ея, ктонибудь изъ дѣтей? Или мо-жетъ быть, спрадая въ бѣдности, уже не смѣетъ показаться.

Ба-

Батюшка, послѣ завтрака, позвалъ насъ прогуливаться. Матушка, приходской Священникъ, человѣка четыре изъ нашихъ приятели, и въ томъ числѣ Г. Баронъ Дризакъ — (да, да, я шутъ же былъ! съ злѣмъ Баронъ) — однимъ словомъ, всѣ, сколько насъ было, пошли за батюшкою, и обошедши сады и рощицы, пришли наконецъ въ то уединенное мѣсто звѣринца, гдѣ падаетъ съ пригорка ручей. Какъ же я изумилась, и какъ обрадовалась, увидѣвъ, что сонъ мой совершенно сбылся! Мельница, виноградной садъ, огородъ и стадо представились глазамъ моимъ; но всего восхищительнѣе было для меня то, когда изъ маленькаго домика вышли Баптистъ и Сусанна съ дѣтьми своими Нѣтъ, я не могу описать тогдашнихъ чувствъ моихъ! Бросившись къ батюшкинымъ ногамъ, я обнимала и цѣловала его съ такою нежностью, съ такимъ жаромъ, что всѣ присутствующие были шѣмъ тронуты. Батюшка поднялъ меня съ улыбкою. Поди, обнимай свою Сусанну, же-

жеку новаго мельника, — сказалъ онъ. Я бросилась въ ея объятія. Благодарность добродушной семьи была такъ же чрезмѣрна, какъ моя радость.

Мы вошли въ мельницу, и нашли шупъ все нужное для хорошаго хозяйства; бапюшка не забылъ ничего. Почтенной нашъ Священникъ, съдой шарецъ, осыпалъ его благословеніями, и всѣ наши друзья, подобно мнѣ проношые, прославляли его великодушіе.

Чему вы удивляетесь? сказалъ онъ намъ, когда мы пошли ~~домой~~. все это никакъ не мудрено, и стоить мнѣ очень не дорого. Ручей (какъ-то Юля и во снѣ видѣла) падалъ съ пригорка и текъ по лугу безъ всякой цѣли и безъ всякой прибыли; теперь я сдѣлалъ его полезнымъ. Эша мельница выгодна для всего сосѣдства; она обогащаетъ добрыхъ людей, которыя имѣли право на мою благодарность; украшаетъ мой звѣринецъ, представляя въ немъ живую картину, и наконецъ умножаетъ мои доходы. Теперь превозносите до небесъ это велико.

великодушное дѣло Друзья мои! лавя въ деревнѣ, можно дѣлать много добра, и при томъ безъ всякаго труда и убытку. Вотъ что всего больше привязываетъ меня къ сельской жизни!

Повѣсть четвертая

Мнѣ также, сказала Гж Верваль, не стоило ни труда ни убытку то удовольствіе, коимъ наслаждалась я въ эту весну. Къ несчастію, она была послѣдняя для отца своего, которой всегда прѣзжалъ сюда съ такою радостію!

Послѣ сихъ словъ слѣдовало молчаніе, продолжавшееся нѣсколько минутъ, облако горести поучило лица всѣхъ гостей. Олимпія, приметивъ сіе, захотѣла опять развеселить друзей своихъ, и начала рассказывать слѣдующую повѣсть

Дочь моя сказала вамъ, что у Сусанны было двое дѣтей. Марслень, самой веселой мальчикъ во всей деревнѣ, и Луиза, большая сестра его.

Лу-

Луизу всё называли красавицею ; а сверхъ того на лицъ ея написана была такая искренность , такая откровенность , что всякой, смотря на нее, какъ будто бы сквозь чистое стекло видѣлъ всю ея душу. Если бы живописецъ захотѣлъ изобразить Невинность , то онъ списалъ бы портретъ съ Луизы. Видно было , что она не знала притворства ; что ложь не помрачала никогда сердечной чистоты ея ; что истина при дуновеніи пераго слова готова была сорхнуть съ ея устъ. Мнѣ кажется , что такой видъ всего привлекательнѣе въ женщинѣ — и Луиза , появившись въ нашей деревнѣ , тотчасъ плънула многихъ молодыхъ людей

Всякое воскресенье давала я у себя на дворѣ балъ поселянамъ. Тутъ собиралось множество молодыхъ дѣвушекъ , только ни на которую изъ

ѣ не смотрѣли молодые поселяне такими страшными глазами, какъ на Луизу. Но какъ она была скромна , сама не чувствовала своихъ преиму-

иму-

имуществомъ, то подружки ея не сердились на нее за то, что она затмѣвала ихъ своею красою. Зависть не такъ несправедлива, какъ думаютъ: болѣе всего оскорбляетъ ее то превосходство, которымъ хвалятся Луиза не только не хвалилась собою, но всегда еще уступала подругамъ своимъ то первенство, которое молодые люди во всемъ ей отдавали. Правду сказать, всѣ они были для нее не очень важны, и между множествомъ обожателей, которые смиренно окружали ее и старались другъ передъ другомъ ей нравиться, примѣтила я только одного, котораго иногда удостоивала она улыбки или внимательнаго взгляда. Этошъ щасливецъ былъ молодой Пьеръ, сынъ нашего откупщика. Въ деревнѣ почитали его примѣромъ всѣхъ сельскихъ добродѣтелей. О состоянн земледѣльца имѣлъ онъ весьма высокое мнѣше. Иногда я видала его на работѣ, и всегда имъ радовалась; гордился онъ за сохою, и, казалось, повелѣвалъ землѣ быть плодородною.

Ко-

Когда же онъ возвращался домой на своей наполненной снопами шельгъ, поднявъ вверхъ голову, съ надежнымъ взглядомъ, съ торжествующимъ видомъ. то всякой бы подумалъ, что онъ сидитъ на тронѣ изобилія. Г. Верваль полюбилъ его, и говаривалъ отцу его: „Жераръ! ты доброй человекъ и хорошей земледѣлецъ; только сынъ твой не уступитъ тебѣ.,, При такой похвалѣ важной и скромной Пьеръ пошуплялъ глаза въ землю, и послѣ съ гордымъ видомъ осмапривался вокругъ себя — Вотъ каковъ былъ любовникъ Луизинъ.

И въ деревнѣ и въ городѣ ревность имѣетъ пронцапельные глаза. Скоро примѣтили и попихоньку начали говорить другъ другу, что Луиза нашла себѣ жениха, и что Пьеръ естъ ея мужемъ. Этомъ слухъ дошелъ до меня, и я велѣла позвать къ себѣ Луизу.

Послушай, душенька! сказала я Гояшъ, что все въ деревнѣ любятъ тебя за твою скромность, за хорошую твою

твой нравъ, а особливо за нѣжную привязанность твою къ родителямъ, и что многія матери почли бы за щастіе женить на тебѣ сыновей своихъ. — „Я имъ за это очень благодарна, сударыня!“, сказала Луиза — „Если бы отдашь тебѣ на выборъ, то которую бы изъ нихъ захотѣла ты ошастливить? — „Послѣ моей машушки, сударыня, я никого такъ не люблю, какъ Августину, жену вашего откупщика Она ко мнѣ очень ласкова. — „Радуюсь. А каковъ тебѣ кажется мужъ ея? — „Ахъ, сударыня! онъ предоброй человекъ. — „У нихъ есть дочь въ твою лѣта — „Такъ, сударыня! Ее зовутъ Лизеттою Мы очень любимъ другъ друга — „У нее есть братъ, которой, не смотря на свою молодость, ведетъ себя очень хорошо — „Очень хорошо, сударыня! (При сихъ словахъ двѣ прекрасныя розы распустились на ея щекахъ) — „Говорятъ, Луиза, что онъ очень почитаетъ тебѣ. — „Можетъ быть, сударыня! Я

Я думаю, — Въ ваши лѣта не долго полюбить того человека, котораго починаешь — „О! конечно, сударыня, конечно! И еслили наши родители позволятъ намъ, такъ мы готовы полюбить другъ друга всѣмъ сердцемъ, — Да знаютъ ли они ваши мысли? — „Какъ не знать, сударыня! Я ничего не таю отъ мапущки, и давно уже ей объ этомъ сказала. А Пьеръ также открылъ свою тайну Жерару, когда мы въ прешій разъ плясали другъ съ другомъ передъ вашимъ домомъ. Послушай, батюшка! сказалъ онъ ему, взявши его за руку посмотри на эту дѣвушку — она будетъ твоею снохою, или тебѣ никогда не видать меня. Жераръ улыбнулся, смотря на меня, и сказалъ время не увидишь, гоцимъ еще года два - три, а мѣ увидимъ, — А что думаешь Сасанна? — „Она думаетъ, что я богата, и что Жераръ конечно захочетъ приданого, — Однако жъ черо, говоришь ты, сказалъ, что

Т 2

онъ

онъ не женился ни на комъ, кромѣ тебя — „Правда, да ежели велитъ ему отецъ, то вѣдь надобно будетъ повиноваться. Я сама не захочу, чтобы онъ былъ непослушнымъ сыномъ. На примъ ежели мнѣ батюшка и матушка что прикажутъ, то развѣ я не должна буду исполнить ихъ приказанія? „

Такимъ образомъ кончился нашъ разговоръ. Я отъ слова до слова пересказала его Господину Вервалю. Позволь мнѣ вступить въ переговоры, сказалъ онъ прежде всего надобно поговорить съ Батистомъ. Онъ пошелъ на мельницу и сказалъ ему знаешь ли ты, Батистъ, что дочь твоя и сынъ моего откупщика очень другъ друга почитаютъ? „Такъ почитаютъ, отвѣчалъ Батистъ, что рады хоть шею отдать въ церковь. Я говорилъ объ этомъ Жерару, онъ отвѣталъ мнѣ, что въ ихъ дѣла любовь не только не портится отъ времени,

где спланивается зрѣлѣе и лучше „

надобно подождать тогда два три

дѣтъ

Дѣло состоитъ въ томъ, ваше сия-
тельство шво, что преле женицѣбы сво-
его сына ему хочется взять новой
опкуиъ Нынѣ во всей здѣшней сто-
ронѣ цѣна наемныхъ земель возвы-
шается Онѣ думаетъ, что вы и за
свою землю захотите взять дороже,
у него есть завистники, которые ко-
нечно будутъ передъ нимъ надбавлять,
и набьютъ большую цѣну Вотъ что
его тревожитъ!,, — Жерару, ка-
жется, надобно знать, что я не Арабъ,
сказалъ Г. Верваль, и позвалъ его
къ себѣ на другой день

Есть ли надежда, что нынѣшній
годъ соберемъ мы много хлѣба? спро-
силъ онѣ Надежда есть, отвѣчалъ
Жераръ только она часто обманыва-
етъ Бываетъ, что наканунѣ бога-
шой жатвы сильной вѣтръ, буря,
градъ, все опустошаютъ Бѣдной земле-
дѣлецъ трудится въ потѣ лица сво-
его, и часто понапрасну — Однако жъ,
сказалъ мужъ мой, цѣна опкупныхъ
земель возвышается; и я надѣюсь,
что при возобновленіи нашего кон-

пракша — — — „ Ахъ, ваше сѣпшельство! сжалътесь надъ нами. Всѣмъ извѣстны ваша милость и челоуѣколюбіе. Вы обогатили недавно честное семейство уже ли захопите вы разорить другое, которое до нынѣшняго времени служило вамъ отъ добраго сердца? „ — Ты говоришь конечно о Башистѣ, моемъ мельникѣ, опвѣчалъ Графъ теперь я вспомнилъ, что его дочь дружна съ твоимъ сыномъ — Правда, сказалъ со вздохомъ добродушной опкупщикъ да можно ли думать о женидбѣ дѣшей своихъ, не имѣя ничего вѣрнаго? — Ты говоришь какъ хорошій отецъ и умной челоуѣкъ, сказалъ Г Верваль а еспьли я снова опдамъ тебѣ свою землю на девять лѣтъ по прежней цѣнѣ, и еще на сполько же времени впередъ, когда сынъ твой женился на Луизѣ? — „Ахъ, милоспивой государь! какое великодушіе! Сынъ мой въ вашей волѣ Я подпишу вмѣстѣ и свадебной и опкупной ко прахтъ „ — Жерардъ былъ виѣ себя отъ радости

Дѣло сдѣлано, сказалъ мнѣ Графъ пришедши. опцы согласны. Мнѣ сподобило только увѣрить ихъ, что я не намѣренъ требовать излишняго отъ бѣднаго поселянина, которой и безъ того дорого платитъ скупой землѣ за ея плоды. А когда они почищаютъ это за благодаряние съ моей стороны, то я хотѣлъ, чтобы и Луиза вмѣ воспользовалась, и чтобы на моей землѣ прибавилось еще двое щастливыхъ.

Дочь моя въ ту же минуту пошла сказать объ этомъ Сусаннѣ; но Жераръ уже предупредилъ ее. Юля нашла объ семьи вмѣстѣ. Любовники смотрѣли другъ на друга и плакали отъ любви и радости, опцы пожимали одинъ у друга руку, матери обнимались. Одинъ Марселень былъ печалень, сидѣлъ въ углу и смотрѣлъ на Лизетту, которая, положивъ голову на плечо Луизѣ, не смѣла взглянуть на Марсленя.

Юля была пронута сею карти-

Когда она мнѣ описала ее, то

я поумчала вотъ еще другая свадьба; но тутъ не надобно сибшить, потому что Марсленю только еще семнадцать лѣтъ.

На другой день пришла Сусанна, бросилась ко мнѣ въ ноги, и послѣ изліянiя своей благодарности, сказала мнѣ повѣрите ли, сударыня, что въ самую эту минуту радость моя не безъ горести? Марслень мой сокрушается о томъ, что сестра его выходя за мужъ и жде его женидбы. Естли надобя только влюбиться, говоритъ этотъ дурачекъ, то онъ влюбленъ въ Лизету, сестру Пьерову, въ тысячу разъ болѣе, нежели Пьеръ въ Луизу. Я хотѣла шутить надъ нимъ; но онъ сказалъ мнѣ, что вмѣсто смѣху скоро я стану плакать о бѣдномъ своемъ Марсленѣ, который всегда столько любилъ отца и мать свою, и который съ нашей стороны конечно не заслужилъ того, чтобы смѣяться надъ его отчаянiемъ. Тутъ онъ залился слезами и пошелъ на работу.

На.

Надобно его ушѣншить, сказала я. Пришли его ко мнѣ завтра поутру съ сливками

Онѣ пришелъ такой блѣдой и унылой, что мнѣ стало жалко зравствуй, Марселень! сказала я. Очень грустно, что тебя вижу. Только ты очень печаленъ. — „Да, сударыня! я печаленъ, опивчаль онѣ только въ этомъ не моя вина. Я радъ бы веселиться, да другія люди не хотятъ этого. — „Что же тебя огорчаетъ, мой другъ? — „Какъ что, сударыня! Вы видите, что сестру мою выдаютъ за мужъ; объ ея благополучии стараются, а обо мнѣ никто не думаетъ — цыкъто, сударыня! ни одинъ человекъ Васѣ просятъ только о Луизѣ, хотятъ, чтобы выкъ ней были милосивы — а оѣдной Марселень такъ остается. — „Придетъ и твоя очередь, другъ мой! Ты еще очень молодъ — „Молодъ! незрѣстанно швердятъ мнѣ, что я молодъ! Да разкъ старики женятся? Вы знаете, сударыня, что я поста-

рѣе барышни. Вамъ всѣ скажутъ, что Марслень какъ большой человекъ работаетъ отъ утра до вечера, въ саду, на мельницѣ, и вездѣ, вездѣ. Когда я берусь за топоръ, заступъ, или когда цѣлой куль муки вскидываю себѣ на плечо какъ перышко, такъ шутъ не говорятъ мнѣ, что я ребенокъ, — Знаю, что ты хорошии работникъ, и что ты очень помогаешь своему отцу. — „Да, сударыня, я смѣло могу сказать, что бапюшкѣ моему скоро не было бы дѣла, естли бы сердце у меня спало покойно; а то вѣдь горе опничаетъ силы. Когда же я потеряю здоровье, кто будетъ тогда помогать бѣдному спарику моему? И каково будетъ моей мапушкѣ, когда сестра покинетъ насъ, и когда она одна должна будетъ смотрѣть и за мельницею и за домомъ? Ежели бы у нее была молодая сноха, то ей осталось бы только приказывать: Лизеша! понеси молоко и сливки къ барынѣ, а послѣ сдѣлай то и другое, и прочее. Лизеша была бы

ей

ей всегда покорна и послушна; всегда бы ласкала ее, и старалась бы ей угождать, а я, возвращаясь ввечеру съ работы, находилъ бы дома милую жену, которая бы говорила мнѣ сядь подлѣ меня, мой другъ, и отдохни! — Какое щасшие! какая розница! Отъ одной мысли прыгаетъ во мнѣ сердце „ — И такъ ты хотѣлъ бы жениться на Лизетѣ, опкущицкой дочери? — „ Конечно, сударыня! не уже ли на другой? „ — Мнѣ не сказывали, чтобы ты въ нее влюбленъ былъ — „ Я думаю. Кому до меня дѣло? Кто обо мнѣ мыслилъ, и что говоритъ? „ — Ты можешь быть шайлъ свою любовь — „ Нѣтъ, сударыня, нѣтъ! Я сказывалъ объ этомъ всей деревнѣ „ — Что же Лизета? Такъ ли она любитъ тебя, какъ ты ее? — „ Такъ не такъ, а начало уже есть. Всегда, когда я иду мимо ихъ двора, она мнѣ съ улыбкой кланяется, и спрашиваетъ. куда ты идешь, Марселень? откуда ты идешь, Марселень? Вѣдь вы знаете, сударыня, что

лю-

людей даромъ не ласкаютъ. Сверхъ того она очень пріятно, очень нѣжно выговариваетъ мое имя, кажется, что ея губы цѣлуютъ его. Еслили она еще не любитъ меня, то конечно скоро полюбитъ, въ томъ прощу мнѣ повѣрить. Только бы меня женили на ней, а остальное беру на себя. Ужь чтобы я былъ за несчастною чело-вѣкъ, еслили бы не заставилъ ее лю-бить себя! — Да Лизета старѣе тѣмъ двумя годами, Марселень! — „Тѣмъ лучше, сударыня! Чѣмъ ста-рѣе, тѣмъ учивѣе; а коли я не со-всѣмъ уменъ, такъ она научитъ ме-ня „ — Отецъ ея не скоро сгла-сится выдать ее за такого молодень-каго мальчика. — „Машушка то же говоритъ, да еслили баринъ захочетъ, такъ ему стоитъ только сказать одно слово. Послушайте, сударыня! Если-ли бы я былъ на его мѣстѣ, то при-звалъ бы къ себѣ и шова и друговъ отца, и сказалъ бы своему мельнику: „Батюшкѣ! доволенъ ли ты своимъ сы-номъ Марселенемъ? Доволенъ, госу-дарь!“

даръ! опивчавъ бы мой батюшка есиль
надежи, что изъ него выдешъ хо-
роши человекъ, кажется, никакихъ
пороковъ за нимъ не примѣчаю, онъ
почитаешъ отца и мать, и знаешъ,
какъ надобно любить жену и дѣтей
своихъ, можно думать, что онъ бу-
детъ хорошимъ мужемъ. А ты Же-
раръ, скажалъ бы я, намѣренъ ли вы-
дать за мужъ дочь свою? Женяхъ по-
дѣлъ тебя, помѣняйтесь съ Башкетомъ
дочерьми, и сдѣлаемъ вдругъ двѣ свадь-
бы. Какъ ты думаешь? *Ахъ, мило-
стивой государь! Марселень очень мо-
лодъ! Нужды нѣтъ! Что ни скажутъ
злыеязычныя люди, а молодость не по-
рокъ Марселень доброй малой, и ра-
боташь мастеръ чего больше? По-
слуши, Жераръ, есиль ты хочешь,
но я сдѣлаю для него по же, что
и Пера, но есиль, опдашь вапи-
с у мельни цу, съ тѣмъ, что и онъ
сынъ его владѣли сю по смершь с ою
кимъ образочъ дочь швоя сущь
спроена къ мѣсту, а дѣти мои
нанушея навсегда покровишелями
ихъ*

ихъ дѣшей. — Я объ закладъ ударюсь, сударыня, что и Жераръ и Баписль согласятся, и будутъ благодарить господина „ — Ты очень хорошо изъясняешь свои мысли, сказала я. Поди домой, и будь покоенъ, я берусь говорить за тебя

Онъ правъ, сказалъ мужъ мой, когда я рассказала ему эту сцену. мнѣ самому хотѣлось укрѣпить имѣльницу, такъ чтобы она принадлежала и наследникамъ ихъ. Такимъ образомъ мы сдѣлаемъ еще двоихъ щастливыми безъ всякаго для себя убытку, кромѣ того, что намъ надобно будетъ дать свадебной пирѣ. Вы, сударыня, конечно возьмете на себя изготовить приданое для невесты, а мы, Юлія, когда мать швоя будетъ заниматься Лизешинымъ приданымъ, вспомни, что Марслень для тебя былъ опнятъ матерью отъ груди

На другой день подписали контрактъ, но объ свадьбы опложены были на нѣсколько дней, по такой причинѣ, кофорои намъ объявить не хотѣли.

(При

(При сихъ словахъ Вервальской Священникъ, которои былъ въ числѣ гостей Госпожи Верваль, вспалъ и хотѣлъ уйти, но Олимпія не пустила его, и продолжала свою повѣсть).

Передъ однимъ олтаремъ и въ одинъ часъ были соединены Луиза съ Пьеромъ и Лизета съ Марсленемъ Свадьба была общая. Мы дѣли обѣдъ у себя въ домѣ, и созвали всѣхъ поселянъ. Пряшно было видѣшь щастіе супруговъ и родителей, но насъ ожидало еще прогашельнѣишее явленіе.

Этотъ почтенной спаредъ благословилъ новобрачныхъ; онъ сидѣлъ между мамерами; дочери сидѣли подлѣ нихъ, а напрошивъ молодые супруги подлѣ опцовъ своихъ. Когда всѣ мы усѣлись вокругъ стола (а насъ было очень много), Жераръ вспалъ, и съ важносшю, вселившею въ насъ почтение, сказалъ.

Друзья мои! этотъ щастливой день, которои избрали опцы для соединенія дѣшей своихъ, есть праздникъ не только для ихъ семействъ,
но

но и для всей деревни, для всѣхъ, сколько насъ здѣсь собралось. Нынѣ минуло пятьдесятъ лѣтъ тому, какъ нашъ почтенной Священникъ, другъ нашъ, другъ отцовъ, другъ дѣдовъ нашихъ, которой помнитъ, какъ мы родились, которой въ минуту нашего рожденія принялъ насъ на руки, и съ того времени пекся объ насъ какъ вѣрной и доброй пастырь — нынѣ минуло пятьдесятъ лѣтъ тому, какъ онъ принялъ начальство надъ сномъ своимъ, и во все это время не пропускалъ онъ ни одного дня безъ того, чтобы не сдѣлать намъ добра. Будучи общимъ и семейственнымъ судьей и миротворцемъ нашимъ, прекращалъ онъ тысячу жалобъ и не подавалъ причины ни къ одной, кони лѣтъ тысячу спорныхъ дѣлъ, а самъ не имѣлъ ни одного. Несчастные находили въ немъ нежизнищаго утѣшителя, а бѣдные найлучшаго отца. Коротко сказать, нынѣ уже пятьдесятъ лѣтъ тому, какъ его наставленія и примѣръ учащъ насъ быть добрыми

людью

люди и живи дружно Въ этотъ день,
друзья мои, возобновляется его лю-
бовь къ намъ и наша любовь къ нему;
возобновляется нашъ священной съ
нимъ союзъ — и для того мы васъ
созвали. Боже! хотя для святости
нынѣшняго дня ниспослаи Свое благо-
словеніе на бракъ дѣтей нашихъ!

Не могу описатьъ вамъ, какъ всѣ
мы были пронуты его рѣчью. Дай
Богъ, дай Богъ, чтобы онъ прожилъ
съ нами еще пятьдесятъ лѣтъ! вос-
клицали поселяне: для щастія нашей
деревни продли Богъ лѣта святаго
мужа, добродѣтельного пастыря, ош-
ца и благодѣтеля нашего!

„Ахъ, сударыня! пощадите ме-
ня!“ перервалъ добродушной Свя-
щенникъ. Нѣтъ, нѣтъ! я должна все
сказать, — продолжала Гж. Верваль.
Будучи самъ пронутъ до глубины
сердца, еще болѣе нежели теперь (по-
тому что это есть только одно вос-
поминаніе) добродѣтельной старецъ
ушопалъ въ чувствахъ своей смирен-
ной благодарности Обѣими руками за-
крылъ

крылъ онъ лице свое, и слезы ручьями лились между его пальцевъ, а потомъ устремилъ взоръ свой на Небо, или для того, чтобы опнести къ Нему все хваление благодарныхъ сердецъ, или для того, чтобы поручить Ему духовныхъ дѣшей своихъ.

Корошко сказать, этошъ неожиданной случай сдѣлалъ во всѣхъ присутствующихъ такое глубокое впечатлѣние, что самые новобрачные забыли другъ друга. Отцы и матери перестали думать о дѣтяхъ своихъ. Суанна отъ времени до времени посматривала на Луизу, но единственно для того, чтобы видѣть ея чувствительность къ торжеству добродѣтели. Мнѣ казалось, что никогда еще не бывало въ сердцѣ моемъ такихъ сладостныхъ, такихъ восхищительныхъ чувствъ, какъ въ эту минуту, и если бы не заиграла музыка и не ушѣшила присутствующихъ, то всякой бы со слезами пошелъ домой. Священникъ нашъ первой началъ жить здоровья новобрачныхъ, отцовъ,

матерей, и не забылъ даже и нашего. Вино разсѣяло всю мрачность въ собраніи; запѣли пѣсни, которыя еще болѣе оживили гостей; а пляска, по окончаніи обѣда, совершенно всѣхъ развеселила.

Мармонтель.

IV.

БѢДНОЙ СЪ СОБАКОЮ.

Отрывокъ изъ Стерна сочиненія.

У меня ничего нѣтъ, доброй чело-
вѣкъ! сказалъ я спарикку, покрытому
рубищемъ и съ шерстянымъ краснымъ
колпакомъ въ рукахъ подошедшему ко
мнѣ. Глаза и видъ его просили, но
уста его молчали. Подлѣ него была
собака, кошорая, глядя на меня при-
спально, подобно своему господину,
хошѣла, казалось, меня умилоспивишь.
У меня ничего нѣтъ, сказалъ я въ
другой разъ Это была и ложь и же-
стокость. Я покраснѣлъ, сказавъ сія
слова; но подумалъ самъ въ себѣ:

У а

эти

эти бѣдные слишкомъ докучивы!
Только сей не былъ шаковъ. Опивъчавъ
мнѣ, дай Богъ вамъ здоровья! отошелъ
онъ съ покорностію.

Гей! скорѣе лошадей! Приѣзжаетъ
карета; вочтари бѣгутъ, бѣдной ша-
рикъ съ собакой своею подходитъ, не
получаетъ ничего, и уходитъ безъ
роптанія.

Тотъ, который неправъ, сер-
дился, видя, что другой на его мѣ-
стѣ не сдѣлалъ такой же несправед-
ливости. Ежели бѣ проѣзжіе въ каре-
тѣ дали что нибудь сему бѣдному,
то мнѣ было бы очень досадно. Эти
люди богатѣе меня, думалъ я; и еже-
ли — — Боже мой! можешь ли ихъ жеспо-
костъ извинить мою? Сіе разсужденіе
поссорило меня съ самимъ собою.
Я искалъ глазами бѣднаго, такъ какъ
будто бы хотѣлъ его подозвать къ себѣ.
онъ сидѣлъ на каменной лавкѣ; собака
лежала у ногъ его, положивъ голову на
колѣни къ господину своему, кото-
рой, глядя ее, не обращалъ глазъ на
мою сторону. На той же самой скамьѣ

увидѣлъ я солдата; по запяленнымъ его башмакамъ видно было, что онъ прохожій. Онъ положилъ свою суму на скамью между бѣднымъ и собою, а на нее шагу и шляпу. Упирая лобъ рукою, казалось опдыхалъ онъ, съ шѣмъ, чтобы опять пуститься въ путь свой. Собака его (у него также была собака) сидѣла на землѣ подлѣ него, глядя на проходящихъ съ видомъ спѣсивымъ. Эта собака заставила меня примѣчательнѣе взглянуть на первую, которая была черна, дурна и до половины голая. Я удивлялся, какъ спарикъ, доведенной до крайней бѣдности, охотно раздѣляется съ нею трудное и не всегда вѣрное свое пропитаніе, но взоры ихъ другъ на друга потчасъ меня вразумили. — О! изъ всѣхъ живошныхъ любезнѣйшее и по справедливости любимое! воскликнулъ я самъ въ себя: ты товарищъ чловѣку, другъ и братъ его; ты одно осшаешься ему вѣрнымъ и въ несчастіи; ты одно не пренебрегаешь бѣдностію! Ежели бѣ привычка жишь подлѣ бога-

наго себя не поршила! Этотъ доброй спарикъ, оставленной, презрѣнной, всѣми опгоняемой, находишь въ тебѣ друга, которой его ласкаетъ и во всемъ соучаствуетъ съ нимъ; на соломенной постелѣ, которую онъ съ тобой раздѣляетъ, нищета его кажется ему не столь ужасною. Онъ не одинъ уже въ свѣтѣ, какъ скоро ты ему оспашься! . . . Въ сию минуту опускаютъ стекло въ каретѣ, и выбрасываютъ остатки мяса отъ завтрака; собаки кидаются — карета, отъѣзжая, задавляеть одну изъ нихъ, именно спарикову. Собака взвизгиваетъ — и въ послѣдній разъ. Хозяинъ бросается къ ней въ жестокомъ отчаяннн. Онъ не плакалъ — увы! не могъ онъ плакать! — Спарикъ! закричалъ я ему. Онъ съ горестню оглянулся на меня. Я бросилъ ему рубль, которой подлѣ него покапился, не заставя его и взглянуть на себя. Онъ поблагодарилъ меня наклоненнемъ головы — взялъ собаку свою на руки, — но, увы! она уже умерла.

Другъ

Другъ мой ! сказалъ ему солдатъ, подавая рубль мой эшопъ великодушной челоуѣкъ даетъ тебѣ деньги; онъ къ щасію богатъ; но, не всѣ имѣютъ богатство У меня нѣтъ ничего, кромѣ собаки; ты лишился своей: вотъ тебѣ моя! — Онъ отдаетъ собаку бѣдному, и удаляется.

Господинъ солдатъ! закричалъ шарикъ, бросаясь на колѣни и поднимая руки, но солдатъ продолжалъ путь свой, оставя бѣднаго въ восхищеніи отъ удивленія и благодарности — благословенія его и мои за нимъ слѣдуютъ. Великодушной челоуѣкъ! какъ малъ я передъ тобою! Я далъ деньги этому несчастному, а ты возвращаешь ему друга.

Прибавленіе отъ Переводчицы.

Щасливъ, кто чувствуетъ всю цѣну сего дѣйствія! Душа Спернова, кажешся, упоена была подобными чув-

ешвами. Вѣдой съ собакой своей, Марія и ле-Феврѣ, останутся вѣчнымъ монументомъ его чувствительности, и будущъ услажденіемъ сердецъ, подобныхъ его сердцу. Читатели да прощяшъ слабой переводъ мой! Желаніе, видѣть на Рускомъ языкѣ сей отрывокъ, превозмогло заспѣчивость мою, не позволявшую мнѣ отдавать переводы мои въ печать, и сдѣлало сей сноснымъ въ глазахъ моихъ. — Переводивъ единственно для своего удовольствія, и не писавъ прежде никогда для Публики, легко могла я надѣлать ошибокъ; а по сему всякую поправку опѣ Сочинителя Московскаго Журнала (*) приму съ благодарностію. Ежели онъ и совсѣмъ не напечатаетъ моего перевода.

(*) Издатель Московскаго Журнала ничего не могъ поправить въ семъ переводѣ, и почитаясь за долгъ благодарить почтенную Переводчицу за то удовольствіе, которое онъ чувствовалъ при чтеніи сего прекраснаго отрывка. Если бы и ле-Феврѣ изъ Тристрама Шанди удостоился такой же Переводчицы! — К.

вода, то не поюсадю, будучи хопя и женщина, но очень мало симолюбива, и довольствуюясь шѣмъ, что подобныя сему сочиненія производятъ въ душѣ моей чувства ии съ чѣмъ несравненныя.

* * * *

V.

ПРАЗДНИКЪ СТАРЦА,

Сочиненіе Епископа Марушевича.

Переводъ съ Польскаго.

Предвѣстница златаго солнца, розовая заря уже коснулась багряными отраженіями свѣта своего оконъ моего жилища. О! какимъ любезнымъ пламенемъ блистаетъ прекрасное лице ся, на которое взираю сквозь младя вѣтви зелеными листьями обильныхъ орѣшинъ! И ты, слѣпившая гнѣздо себѣ подъ кровлею моею, щебещущая ласпочка, привѣтствуешь ушро, возбудившее тебя опъ тонкаго сна твоего. Уже и ранній жаворожокъ издаетъ пренеющую свой го-

У 5

лосъ,

лось, возносясь легкимъ полетомъ въ отдаленные предѣлы яснаго воздуха. Всѣ швари восстаютъ отъ глухаго сна. Травы, ободренныя прохладною росою, возвышаются. Каждой цвѣтокъ является въ красотѣ обновленной. Миѣ кажется, что и мои сѣдины младѣютъ. Жезлъ мой, вѣрная подпора старости моей! препроводи меня; безъ тебя не имѣю цѣлой половины силъ моихъ. За симъ садикомъ, обратясь къ востоку, я сяду и буду разсматривать зеленые знаки.

Лѣса, горы, поля необъемлемыя окомъ! сколь дивнымъ позорищемъ пишаете вы мысль мою! — Какое вѣнче потрясаетъ слухъ мой? Все сіе есть гласъ щасія, гласъ благодарности. Пастырь на холмѣ, пшичка на вѣшочкѣ, возглашающъ радость, проникшую въ сердца ихъ. Скачутъ веселья стада, на пригоркахъ зеленыхъ, на долинахъ переплетенныхъ кристальными ручейками. Быки и пучныя кравы режутъ отъ избытка и удовольствія. Долго ли еще, ахъ! дол-

го ли, Творецъ мой милосердый, буду я зрѣшь дивныя дѣла Божественной руки Твоеи, и пребывать свидѣтелемъ Твоея благости? Уже оканчивается девятый крестъ вѣка моего, и се вновь вижу я наставшее по бѣлозимѣ обновленіе весеннее, и когда крылатая мысль, обозрѣвая минувшее время жизни, постигаетъ воспоминаніемъ лѣта удалившися, и все сіе пространство, двумя предѣлами ограниченное, измѣряетъ — пространство между моею колыбелью и гробомъ — тогда открывається мнѣ необозримая перспектива дней благополучныхъ. Ахъ, вѣчный Боже! какъ пламенѣетъ сердце мое! Сія радость сердечная, которую едва можешь выразить прешыкающійся языкъ, — сіи пошопки слезъ, ллющіеся на лоно мое, — знаю, koliko суть слабы, и сколь мала благодарность моя за всѣ щедрыя дары, пріятыя мною отъ руки Твоей! Излейтесь обильнымъ пошопкомъ, излейтесь очи мои; источайте быстрые струи свои! Прожилъ я

шОЛИ-

только лѣшѣ, коихъ воспоминаніе
пріятно; всё онѣ текли такъ, какъ
течетъ роскошное лѣто. Сколько дней,
только ушѣхъ. Но если когда мра-
чились онѣ смущеніемъ нечѣли, то эти
смущенія подобны были такимъ шу-
чамъ, которыя, будучи несомы вихря-
ми, скоро упражняются отъ громовъ
и молніи своихъ, поспѣшно насту-
паютъ и цосцѣшно удаляются, и остав-
ляющъ по себѣ чистоту въ воздухѣ
и красоты въ поляхъ, обильно прѣ-
хлажденныхъ. Никогда отъ зноя сол-
нечнаго не увядали распѣнія, возник-
шя отъ трудовъ моихъ. Никогда
жестокій морозъ не губилъ привив-
ковъ моихъ и лѣпораслей. Никогда
язва не заражала доиныхъ краевъ мо-
ихъ. Никогда шерзатель волкѣ, па-
лимый жаромъ алчбы, не влѣзалъ въ
хлѣвы мои, и не губилъ тучныхъ
овецъ моихъ. Никогда въ жилищѣ
моемъ не жила злѣи. Все мнѣ было
успѣшно, домъ мой былъ обилень и
семья послушна.

Но кто можетъ изобразить радость, которую чувствовалъ я тогда, когда окружали меня дѣти мои! Препровождая одного изъ нихъ за слабую младенческую руку, научалъ я его безопасно утверждать стопы свои. И въ то же время другой легкимъ махомъ вспрыгивалъ на мои колѣни, и съ усмѣшкою утѣшалъ меня своимъ нѣмошествованіемъ. Взирая на нихъ, мнѣ казалось я самъ съ собою въ моемъ сердцѣ. доколѣ лѣта юности не раскрыли еще силъ вашихъ, доколѣ листъ вашъ мякочъ, должно имѣть о васъ попеченіе, о молодые отрасли мои! Буду охранять васъ отъ всякаго бѣдешвія, обрѣзывая, очищая, поливая, покрывая и заслоняя. Вѣрю, что милосердый Богъ совершитъ мою надежду, cadaго изъ васъ украситъ листьями полными, даруетъ каждому споричный плодъ, и шѣнь ваша дастъ старости моей убѣжище. Мысля такъ, прижималъ ихъ къ моему сердцу, и часто обливался слезами. Теперь, когда они возрасли уже подъ

Тво-

Твоимъ попечениемъ, о Творецъ мой !
и принесли неложный плодъ, ушѣ-
шаюсь скончавшимися трудами и за-
ботахъ своими, и ожидаю смерти,
приближающейся отворишь мнѣ гробъ
мой — Упѣхи мои почно такъ воз-
растали, какъ росли сіи груши, сіи
орѣхи, которые насаждалъ я въ ми-
нувшее время вокругъ моего жилища,
для того, ишобы они были мнѣ за-
щищою отъ жара. Теперь, когда они
расширили рамена свои, ияѣю въ нихъ
шѣнь лѣтомъ и плоды осенью.

Ты одна причина смущеніи моихъ
и печали, люезная супруга ! Ты
пресѣкла постоянное печеніе не-
прсрываемыхъ радостей, сокрывшись
на вѣки отъ очей моихъ. Помню,
ахъ ! помню, когда при послѣднемъ из-
дыханіи положила ты голову на лоно
мое, когда я дрожащею рукою сче-
жалъ очи твои и умиралъ кунно съ
тобою. Уже двѣнадцатая весна про-
шла по семъ приключеніи, и отъ по-
го времени гробъ твой орошаю сле-
зами и украшаю его цвѣтами. Но скоро
ро

ро наступитъ день благополучный,
день радостный, въ которой кости
мои положатъ близъ швояи могилы;
и сіи сердца, соединенныя въ жизни,
почиютъ въ единомъ гробѣ. Кто про-
ницаетъ во всѣ тайнства Всевышня-
го? Кто вѣдаетъ, какіе положилъ Онъ
предѣлы жизни человѣческой? Можеть
быть и нынѣ (тебѣ сіе извѣстно,
бессмертный Боже!) сокрушенная спа-
росшно ладя моя спанетъ при брегѣ.
Различно приходитъ смерть, молодой
можеть, а старый непременно дол-
женъ умереть. Что ни будетъ, благо-
дарю святому Промыслу, продолжив-
шему жизнь мою до сей старости.
Ся мягкая волна власовъ, сей блескъ
млековидной брады не есть ли еще
важнѣшее доказательство Твоей ми-
лости? Единъ принялъ богатства,
другой славное имя, наиболѣе же-
лошъ, кто получилъ со здравіемъ
вѣкъ столѣтній. Вѣшорокъ, легкий
здѣсь пролетающій вѣшорокъ! ты
однѣ распѣвня колеблешь, другая
лобызаешь не презри сеи сѣдой бра-
ды,

ды, и чрезъ пріятное свое дыханіе дай ей цѣлованіе свое, паче меда слацкое! Лучше сія старость, сей вѣкъ убѣленный, нежели цвѣшущая юность. Да будешъ же сеи день свидѣтельствомъ моего веселія! Да будешъ онъ почитенъ ежегоднымъ воспоминаніемъ! Соберу окрестъ себя моихъ дѣтей, внуковъ и правнуковъ, и шѣхъ, кои въ неленахъ, воздамъ благодареніе Богу благодѣтелю; воздвигну изъ дерна олшарь у прага жилища моего, украсу разноцвѣшнымъ вѣнцемъ сѣдинами покрытое чело мое, и дрожащею рукою буду бряцать на арфѣ. Всѣ спанемъ вмѣстѣ, и за полученные дары воспоемъ пѣснь благодарности. Потомъ, рассыпавъ цвѣшны на сполѣ, вкусимъ жершвы и испиемъ спараго вина. — Сіе изрекши, старецъ возвратился въ домъ, возбудилъ на общій праздникъ еще спящихъ дѣтей своихъ. Уже и солнце явилось на горизонтѣ, и куры слепѣли съ своихъ повѣшей,

Р.

VI.

VI.

ПИСЬМА РУСКАГО ПУТЕШЕ-
СТВЕННИКА.

(Продолжение)

ФранкфуртЪ, 29 Юля.

Ненаспье продолжается Сижу въ своей горницѣ, подЪ распвореннымЪ окошкомЪ; и хошя косою дождь мо- чипшЪ меня и разливаешЪ дрожь по моею внутренности, однако жь камен- ная Руская грудь не боишя просшуды, и нишомецЪ желѣзнаго сѣвера смѣш- ся надЪ слабымЪ усилениемЪ МайнскихЪ бурь.

Но шакой ли погоды ожидалъ я въ здѣшнемЪ крошкомЪ климатѣ? Бо- лѣе и болѣе удаляясь отЪ сѣвера, радовался я мыслию, что осшавляю за собою холодЪ и сырощь, и все сердитое, жестокое и угрюмое въ Нашурѣ. ТамЪ, гдѣ печешЪ МайнЪ и РейнЪ, думалъ я, тамЪ небо чисто, дни красны, и одни зефиры струяшЪ воздухЪ, тамЪ цвѣшущая Природа ли- куешЪ въ яркомЪ свѣшѣ лучей сол-

нечныхъ. Но — приѣзжаю, и нахожу пасмурную осень среди лѣта. Только я намѣренъ переупрямить погоду, и клянусь Тишанами и спрашнымъ Спиксомъ, что не выѣду изъ Франкфурша не дождавшисьъ ясныхъ дней.

Вчера былъ я только у Виллемера, богатаго здѣшняго Банкаира. Мы говорили съ нимъ о новыхъ Парижскихъ происшествьяхъ. Что за дѣла тамъ дѣлаются! Думалъ ли нашъ А* (кошорой уѣхалъ отсюда недѣли за двѣ передъ симъ) видѣть въ Парижѣ такіа сцены?

Не думайте, чтобы мнѣ скучно было сидѣть въ своей горницѣ. Публичная библиотека въ прехъ шатахъ отъ практира. Вчера я бралъ изъ нее Фіеско, Шиллерову (*) трагедію, и читалъ ее съ превеликимъ удовольствіемъ отъ первой страницы до по-
слѣд.

(*) Шиллеръ Префессоромъ въ Енѣ. Не давно писали въ Вѣдомостяхъ, что онъ умеръ; но сіе извѣстіе, печальное для всѣхъ любителей его Музы, оказалось ложнымъ.

елѣдней. Едва ли не всего болѣе тронулъ меня монологъ Фисска, когда онъ, уединясь въ тихій часъ утра, размышляетъ, лучше ли ему остаться просшымъ гражданиномъ, и за услуги, оказанныя имъ отечеству, не требовать никакой заплащы, кромѣ любви своихъ согражданъ, или воспользоваться обстоятельствомъ и присвоить себѣ верховную власть въ республикѣ. Я готовъ былъ упасть передъ нимъ на колѣни, и воскликнуть . *избери первое* ! Какая сила въ чувствахъ ! Какая живопись въ языкѣ ! Вообще Фиссеско тронулъ меня болѣе, нежели донъ Карлосъ, хотя сего послѣдняго видѣлъ я на театрѣ, и хотя крипика отдастъ ему преимущество передъ первымъ. — Нынѣ читалъ я также съ великимъ удовольствіемъ Ифландовы драмы, которыя можно назвать прекрасными семейственными картинами, и которыя вѣрно полюбятся бы нашей Публикѣ, если бы искусной человекъ перевелъ ихъ для Рускаго театра.

Въ одномъ практирѣ со мною живешъ молодой Докторъ Медицины, которой вчера пришелъ ко мнѣ пить чай, и просидѣлъ у меня весь вечеръ. По его мнѣнью все зло въ мирѣ происходитъ отъ того, что люди не берегутъ своего желудка. „Испорченной желудокъ, сказалъ онъ, бываетъ не почникомъ не только всѣхъ болѣзней, но и всѣхъ пороковъ, всѣхъ дурныхъ навыковъ, всѣхъ злыхъ дѣлъ. Отъ чего моралисты такъ мало исправляютъ людей? Отъ того, что они почитаютъ ихъ здоровыми, и говорятъ съ ними какъ со здоровыми, тогда, когда они больны, — тогда, когда бы, вмѣсто всѣхъ словесныхъ убѣждений, надлежало имъ дать нѣсколько приемовъ чистительнаго Безпорядокъ душевной бываетъ всегда слѣдствиемъ телеснаго безпорядка. Когда въ машинѣ нашей находится все въ совершенной равновѣсїи; когда всѣ сосуды дѣйствуютъ и опдѣляютъ исправно разныя жидкости; однимъ словомъ, когда всякая часть опправляетъ шу должность,

которую поручила ей Нанура: тогда и душа бываетъ здорова; но есть, тогда человекъ разсуждаетъ и дѣйствуетъ хорошо; тогда бываетъ онъ мудръ и доброушеленъ, и веселъ и щасливъ., — И такъ если бы у Калиулы не былъ испорченъ желудокъ, то онъ не вздумалъ бы поспроить мосту на Средиземномъ морѣ? спросилъ я. — „Конечно, опшвѣчалъ мой Докторъ. и если бы лекаръ его догадался дать ему нѣсколько чистительныхъ пилюль, то безумное предпріятіе было бы черезъ часъ оставлено. Опъ чего въ эапомъ вѣкѣ были люди и добры и щасливы? Конечно опъ того, что они, ципаясь только расшѣнїями и молокомъ, никогда не обременяли и не засоряли своего желудка. Наконецъ скажу вамъ, что если бы я былъ Государемъ, то велѣлъ бы всѣхъ преступниковъ, вмѣсто наказанїа, опсылать въ больницы и лечить до того, пока они сдѣлались бы добрыми людьми и полезными гражданами. Со временемъ предложу

Публикѣ свои мнѣнія и доказательства, которые можетъ быть сдѣлаюшъ революцію въ Философѣи. Тогда вспомните, государь мой, что вы, отъ меня слышали, — Я удивлялся логикѣ Господина Доктора —

Іюля 30.

Наконецъ Франкфуртское небо пересшало хмуришь брови, и прояснилось во всемъ своемъ пространствѣ. Пользуясь хорошею погодою, ходилъ я такъ много, что теперь чувствую боль въ ногахъ.

Нынѣ поутру водилъ меня практирщикъ мой по здѣшнимъ садамъ. Въ одномъ изъ нихъ встрѣпились мы съ хозяиномъ, почтеннымъ старикомъ и, какъ сказываютъ, очень богатымъ человекомъ Узлавъ отъ моего провожатаго, что я путешествующій иностранецъ, онъ взялъ меня за руку и сказалъ мнѣ: „Я самъ покажу вамъ все то, что можно назвашъ изряднымъ въ моемъ саду. Какова эта
теп-

темная аллея? — ВЪ жаркое время
шупъ хорошо прохладатся, опвѣ-
чалъ я — „ А э па маленькая бесѣда
подъ вѣшьями каштановыхъ деревъ? —
Тупъ прекрасно сидѣть ввечеру, ко-
гда луна покажется на небѣ, и свѣтъ
своей прольетъ сквозь развѣсистыя вѣтвь-
ви на эту бархатную зелень — „ А
эпошъ холмикъ? — Ахъ! какъ бы
я желалъ встрѣтить шупъ восходя-
щее солнце! — „ А эпопъ маленькой
лѣсокъ? — Тупъ вѣрно поюпъ ве-
сною соловьи, такъ покойно и весело,
какъ въ самыхъ дикихъ мѣстахъ При-
роды, ни мало не подозревая, чтобы
сюда заманивало ихъ искусство —
„Что вы скажете объ этомъ доми-
кѣ? — Онъ построенъ на то,
чтобъ быть жилищемъ чувствующаго
человѣка, любящаго простоту, уеди-
неніе и тишину — „ Теперь вамъ на-
добно согласиться выпить у меня ча-
шку кофе „ — — Мы вошли въ до-
микъ, и сѣли на деревянныхъ стуль-
яхъ вокругъ маленькаго столика.
Намъ подали кофе. Выпивъ чашку,

поблагодарилъ я хозяина за его гостеприимство, и пошелъ.

Въ ненастное время казалось мнѣ, что Франкфуртъ пустъ; а теперь кажешся, что онъ очень многолюденъ — отъ того, что въ дуриую погоду сидѣли все дома, кромѣ шѣхъ, которымъ уже по крайней нуждѣ надлежало корчаться подъ дождемъ и топтать ногами грязь на улицахъ; а теперь, обрадовавшись солнцу, все какъ муравьи ползутъ изъ своихъ норъ.

По своей цвѣтущей и обширной коммерции, Франкфуртъ есть одинъ изъ богатѣйшихъ городовъ въ Германіи. Кромѣ нѣкоторыхъ дворянскихъ фамили, здѣсь поселившихся, всякой житель есть купецъ, то есть, производитъ какой нибудь торгъ. На всякой улицѣ множество лавокъ, наполненныхъ товарами. Вездѣ знаки трудолюбія, промышленности (), изобилія.

На

(●) Не можетъ ли сіе слово означать Латинскаго *industria*, или Французскаго *industrie*?

Ни одинъ нищій не подходилъ ко мнѣ на улицѣ просить милосшныи.

Только не лзя назвать Франкфурта хорошо высшроеннымъ городомъ. Дома почти всѣ старинные, и расписаны разными красками, — что для глазъ весьма странно.

Еще скажу то, что здѣсь въ трактирахъ столъ очень хорошъ и дешевъ. Мнѣ приносятъ всегда пять хорошо приготовленныхъ блюдъ и еще десертъ, на двухъ или трехъ тарелкахъ, и за это плачу я не болѣе 50 коп. Вино также очень дешево. Бутылка молодого рейнвейна стоитъ 10 коп. а старого 40 —

Послѣ обѣда, когда солнце укротило жаръ лучей своихъ, вышелъ я за городъ. Сады, сельскіе домики, луга и виноградные огороды представились глазамъ моимъ. Сколько ландшафтовъ, достойныхъ кисти Салватора Розы или Пуссеневоу!

Уединенной домикъ съ садикомъ, не далеко отъ большой дороги, прельстилъ меня, и я пошелъ къ нему по

узенькой пропикѣ. Два мальчика, игравше на правѣ, бросились ко мнѣ на встрѣчу; но закричавъ: *это не онъ! это не Каспаръ!* поѣхали назадъ и скрылись въ домикъ. Старое каштановое дерево призывало мяча въ свою тѣнь — я сѣлъ подъ его вѣтвями. Минуть черезъ пяць мальчики опять выѣжали, а за ними вышла женщина лѣтъ въ тридцать, въ бѣлой кофточкѣ и въ содомеинной шляпкѣ. Лице ея было пріятно, хотя весенній цвѣтъ красоты начиналъ уже вянуть на щекахъ ея. Она сѣла на крыльцѣ, и смошрѣла съ улыбкою на мальчиковъ — которые вокругъ ея прыгали — съ такою улыбкою, по которой легко было узнать, что она мать ихъ. Они уговорились бѣгать въ запуски; взявшись за руки, отошли отъ крыльца шаговъ тридцать, остановились, выставили впередъ грудь и правую ногу, и дожидались, чтобы мать подала имъ знакъ. Она махнула имъ бѣлымъ платкомъ своимъ, и они пустились какъ жавъ лука стрѣла. Большой опередилъ

ма-

меньшаго , прибѣжалъ къ матери , и закричавъ : *я первый !* бросился цѣловать ее . Меньшой прибѣжалъ , и также кинулся къ ней на шею . Какая группа ! Какая прогашельная картина семейственнаго счастья ! Можетъ быть въ городѣ она бы меньше меня пронула ; но среди сельскихъ красотъ сердце наше живѣе чувствуетъ все то , что принадлежитъ къ суммѣ мещиннаго счастья , вмяднаго благодѣшельнымъ Существомъ въ сосудѣ жизни человеческой — Проспи , уединенной домикъ ! Благополучие да обитаетъ въ стѣнахъ твоихъ ! Да будетъ оно наследственнымъ добромъ твоихъ обитателей ! А ты , вѣтвистое дерево ! долго , долго еще принимай странниковъ въ тѣнь свою — ж подѣ кровомъ шумящихъ листьевъ твоихъ да веселятся они веселемъ невинности и добродѣтели !

Юля 31.

Нынѣ поутру былъ я въ деревнѣ Вергенѣ, кошо ои имя очень извѣстно по тому, что подлѣ нее было въ 1759 году, 13 Апрѣля, кровопролитное сраженіе между Французами и соединенною Ганверскою и Гессенскою арміею; послѣднею командовалъ Брауншвейгской Принцъ Фердинандъ, а первыми, кошорыѣ оспались побѣдителями, Маршалъ Брольо.

Въ здѣшней ратушѣ, называемой *Римлянино иѣ* (Rath), показывающѣ путешественникамъ ту залу, въ кошорой обѣдаешѣ новоизбранной Императоръ, и гдѣ спощающѣ портреты всѣхъ Императоровъ отъ Конрада I. до Карла VI. Кшо не пожалѣешѣ червонца, тошѣ шамѣ же въ архивѣ можешѣ видѣшѣ и славную *золотую бузлу*, или договоръ Императора Карла IV. съ Государственными Чинами, написанной на 43 пергаментныхъ листахъ in 4 то, и названной симѣ именемъ отъ золонной печати, висящей на черныхъ и желтыхъ шелковыхъ снур-

енуркахъ. На сей печати изображенъ Императоръ сидящій на тронѣ, а на другой сторонѣ Римская крѣпость, или шакъ называемой замокъ *Св Ангела* (il castello di S. Angelo) съ словами *aurea Roma* (золотой Римъ), которыя расположены въ трехъ линіяхъ такимъ образомъ.

{ aurea }
 { Roma }

Я былъ и въ кафедральной церкви Каптоликовъ, гдѣ по уставу Майнцской Архиепископъ коронуетъ избраннаго Императора. Тушь бросилась мнѣ въ глаза спашуя Марги въ бѣломъ кисейномъ платьѣ. Часто мнѣ шьютъ ей обмывы^e спросилъ я у моего провожащаго. Изъ году въ годъ, опивчалъ онъ. — Хошя главная церковь въ городѣ принадлежитъ Каптоликамъ, однако жь господствующая религія во Франкфуртѣ есть Лютеранская, и Каптолицкому Духовенству запрещено ходить въ процесси по улицамъ. Здѣсь очень много и Реформашовъ, по большой части Французовъ, выгнанныхъ

ныхъ

ныхъ изъ опечесства Людовикомъ XIV^а; но они не могутъ имѣть участвія въ правленіи города, и даже не смѣютъ публично отпралять своего богослуженія, въ такомъ городѣ, гдѣ Жиды имѣютъ свою синагогу. Такая неперимосшь конечно не служитъ къ чести Франкфуртскаго Правительсства.

Жидовъ считается здѣсь болѣе 7000. Всѣ они должны жить въ одной улицѣ, которая такъ нечиста, что нельзя идти по ней не зажавъ носу. Жалко смотрѣть на сихъ несчастныхъ людей, столь униженныхъ между людьми. Плащъ ихъ состоитъ по большой части изъ засаленныхъ лоскушковъ, сквозь которые видно нагое тѣло. По воскресеньямъ, въ тотъ часъ, когда начинается служба въ Христіанскихъ церквахъ, запираютъ ихъ улицу, и бѣдные Жиды какъ невольники сидятъ въ своей клѣткѣ до окончанія службы; и на ночь запираютъ ихъ такимъ же образомъ. Сверхъ сего принужденія, естли случится въ городѣ пожаръ, то они обязаны везти шуда воду и тушить огонь.

Ме-

Между Франкфуртскими Жидами есть и богатые; но си богатые живут по большой части такъ же нечисто, какъ оѣдныя. Я познакомился съ однимъ изъ нихъ, и припомъ очень учнымъ человекомъ. Онъ пригласилъ меня къ себѣ, и принялъ очень учтиво. Молодая жена его, родомъ Француженка, говоритъ очень хорошо и по-Французски и по-Нѣмецки. Съ удовольствіемъ провелъ я у нихъ около двухъ часовъ, но только въ сѣ два часа чего не вытерпѣло мое обоняніе!

Мнѣ хотѣлось видѣть ихъ синагогу. Я вошелъ въ нее какъ въ мрачную пещеру. Богъ Израилевъ, думалъ я, Богъ народа избраннаго! зѣсь ли должно поклоняться Тебѣ? Слабо горѣли свѣщильники въ обремененномъ гнилосию воздухѣ. Уныніе, горесть, страхъ, изображались на лицахъ молящихся; нигдѣ не видно было умиленія, слеза олагодарной любви ни чьей ланишы не орошала, ни чей взоръ въ благоговѣйномъ восхищеніи не обра-
щал-

шался къ небу. Я видѣлъ передъ собою преступниковъ, съ шпенемъ ожидающихъ приговора къ смерти, и едва дерзающихъ молить судію своего о помилованіи „За чѣмъ вы пришли сюда? (сказалъ мнѣ попъ умной „Жидъ, у котораго я былъ въ го-„спяхъ) Пощадите насъ! Нашъ „храмъ былъ въ Іерусалимѣ. тамъ „Всевышній и благоволилъ являться сво-„имъ избраннымъ. Но разрушенъ „храмъ великолѣпной, и мы, разсѣян-„ные по лицу земли, приходимъ сю-„да съшоваши о бѣдствіи народа на-„шего. Оставьте насъ, мы представ-„ляемъ для васъ печальную карши-„ну „ — Я не могъ отвѣчать ему ни слова; пожалъ руку его, и вышелъ вонъ

Давно уже замѣчено, что общее бѣдствіе соединяетъ людей тѣснѣйшимъ союзомъ. Такимъ образомъ и Жиды, гонимые рокомъ и угнѣщенные своими сочеловѣками, находящаяся другъ съ другомъ въ тѣснѣйшей саязи, не жели мы торжествующіе Христіане. Я

А хочу сказать, что въ нихъ видно больше *духа общественности*, нежели въ другомъ народѣ. Жидъ, въ раздражномъ рубищѣ, пришелъ ко мнѣ нынѣ поутру съ разными бездѣлками. У меня сидѣлъ Докторъ Н *. Не покупайте ничего у Жидовъ, сказалъ онъ мнѣ: изъ нихъ рѣдкой не обманщикъ „Не правда, государь мой! опшвѣчалъ съ жаромъ Израильшянинъ: мы не безчестнѣе Христіанъ.„ Сказалъ, и съ сердцемъ ушелъ изъ горницы. Вчера же зашелъ я къ одному Жиду, для того, чтобы размѣнять у него нѣсколько червонцевъ на Французскіе шалеры. На столѣ у него лежала развернутая книга, *Мендельзоновъ Иерусалимъ*. Мендельзонъ былъ великой человекъ, сказалъ я, взявъ книгу въ руки „Вы знаете его? (просилъ онъ у меня съ веселою улыбкою) Знаете и то, что онъ былъ одной наци со мною, и носилъ такую же бороду, какъ я? „Знаю, опшвѣчалъ я, знаю. Тупъ Жидъ мой бросилъ на столѣ шалеры, и началъ мнѣ хвалить Мендельзона съ жаромъ

ромъ и восхищеніемъ, и заключилъ свою хвалу повтореніемъ, что сей великой мужъ, сей Сократъ и Платонъ нашихъ временъ, былъ Жидъ, былъ Жидъ! — Здѣшніе Актеры недавно представляли Шекспирову драму, *Венецянскаго Купца*. На другой день Франкфуртскіе Жиды прислали сказать Директору Комедии, что ни одинъ изъ нихъ не будетъ ходить въ Театръ, еслили сія драма, въ которой обругана ихъ нація, будетъ представлена въ другой разъ. Директоръ не захотѣлъ лишиться части своего сбора, и отвѣчалъ, что она будетъ выключена изъ списка пьесъ, играемыхъ на Франкфуртскомъ Театрѣ.

Августа 1.

Отсюда двѣ дороги въ Спразбургъ: черезъ Дармштатъ, Гейдельбергъ и Карлсру, или черезъ Фальцъ. И ту и другую мнѣ хвалили: я избираю послѣднюю. Но какъ мнѣ хо-

тѣлось видѣть Штарка, придворнаго Дармштапскаго Прэповѣдника, но я нынѣ поупру нинялѣ себѣ лошадей и поѣхалѣ въ Дармштапѣ верхомъ. И сѣ э той стороны окрестности Франкфуртскія очень пріятны; но далѣе къ Дармштапу (то котораго считается отъ Франкфурта при миль) мѣста уже не такъ хороши. Дорога индѣ очень песчата, индѣ очень выбила — и потому я еще болѣе утвердился въ своемъ намѣреніи ѣхать черезъ Фальцѣ Деревни, которыя показались мнѣ въ глаза, всеъ хорошо выстроены, и вездѣ находилѣ я трампиры подѣ разными, отчасти страннѣыми вывѣсками. На послѣдней милѣ къ Дармштапу начинается очень хорошая мостовая. Тутѣ открылся мнѣ и городѣ, лежащій близъ покрытыхъ лѣсомъ горѣ, и представляющій въ себѣ разстояніи очень изрядную картину.

Остановясь въ трактирѣ, послалѣ слугу съ письмецомъ къ Штарку, а самѣ бросился на кресла от-

дыхавъ ; но черезъ нѣсколько ми-
 нутъ позвали меня обѣдать Въ спо-
 ловой • комнатѣ нашелъ я человекъ
 восемь , порядочно одѣтыхъ. Въ
 томъ числѣ былъ одинъ путеше-
 ствующій Французъ , для котораго над-
 лежало вѣкъ говорить по-Француз-
 ски. Молодой человекъ , прѣхавшій
 изъ Стразбурга , подробно рассказы-
 валъ намъ , какимъ образомъ за нѣ-
 сколько дней передъ симъ бунтовалъ
 тамошній народъ , но по-Французски
 говорилъ онъ такъ худо , что труд-
 но было онъ смѣху удержаться —
 на примѣрѣ . *ильз-онъ дешире ла*
мезонъ де виль , ильз онъ бриле (brulé)
ле доки манъ (les documens) ; иль ву.ле
бан зрѣ (prendre) ле машистра (ma-
gistrats). — Тутъ слуга принесъ мнѣ
 печальную вѣсть , что Штаркя нѣтъ
 въ Дармштадтѣ онъ уѣхалъ къ водамъ
 въ Швальбахъ , Господичъ Проповѣд-
 никъ былъ очень боленъ , сказалъ си-
 дѣвшій подлѣ меня человекъ Берлин-
 цы зажгли въ немъ кровь , и наши Ме-
 дики съ трудомъ могли потушить

пожаръ (*) „ Отъ всего сердца жалю
о Шпаркѣ Дорога чловѣку добрая
слава — и съ какимъ легкомысліемъ
похищаемъ мы другъ у друга сіе со-
кровище! О Шекспиръ, Шекспиръ! кто
зналъ такъ хорошо сердце чловѣческое,
какъ ты? Кто убѣдилъ чѣе своего
представилъ все безумство злословія?

Good name in man and woman, dear my Lord,
Is the immediate jewel of their souls
Who steals my purse, steals trash, 'tis something, no-
thing;
'Twas mine 'tis his, and he's been slave to thousands;
But he, that fishes from me my good name,
Robs me of that which not enriches him,
And makes me poor indeed (**).

Х 3

Зла

(*) О ссорѣ Шпарка съ Беранцами упомянуто было въ письмахъ Руск. Путешественника, въ Маршѣ мѣсяцѣ Москов. Журнала, стран. 344.

(**) Т. е. „Доброе имя есть первая драгоценность души нашей. Кто крадетъ у меня кошелекъ, крадетъ бездѣлку; опъ былъ мой, шеперь сшалъ его, и прежде служилъ тысячѣмъ другихъ людей. Но кто похищаетъ у меня доброе имя, шотъ самъ не обогащается, а меня дѣлаетъ бѣднѣйшимъ чловѣкомъ въ свѣтѣ. „

Знати Пифагоровы стихи кажутся медными по дѣлѣ сихъ строкъ, которыя всякому челоуѣ у, Христіанину и Турку, Индѣицу и Африканцу, надлежало бы вписати незападными буквами въ свое — сердце.

Я видѣлъ въ Дармштафтѣ такъ называемой *домъ экзерциции*, въ которомъ можешь учишься цѣлой полкѣ, и въ которомъ хранился множество всякаго оружія, погулялъ въ большомъ придворномъ саду; походилъ по городу, въ которомъ счисляется не болѣе 500 домовъ, по томъ сѣлъ на своего коня и поѣхалъ назадъ во Франкфуртъ.

Два раза былъ я въ зѣшнемъ Театрѣ, но въ оба раза, къ неудовольствию моему, играли очень неважныя Французо - Нѣмецкія комедіи. Вниманіе мое занимами болѣе зрители, нежели актеры; а замѣтилъ я только то, что молодыя люди здѣсь хорошо одѣваются, и приходящъ въ Театръ

не

не шумѣть, а слушать нѣсы, или
звѣать.

Маинцъ, 2 Августа.

Нынѣ въ шесть часовъ по полуд-
ни прѣхалъ я въ Маинцъ въ дили-
жансѣ или въ почтовой каретѣ, въ
которой поѣду до самаго Стразбурга.

Какая гладкая дорога отъ Франк-
фурта до Маинца! Какіе пріятные
виды! Какія прекрасныя мѣста! При-
ближаясь къ Маинцу, увидѣлъ я на
лѣвой сторонѣ величественной Рейнъ и
тихой Маинъ, текущіе почти рядомъ;
а на правой виноградныя сады, кото-
рыхъ не лзя обнять глазами. Лю-
безныя друзья! какъ радостно билось
мое сердце! Рейнъ, Рейнъ! наконецъ
вижу тебя (думалъ я) — вижу, и
благословляю цѣря водъ Германскихъ
въ гордомъ его теченіи!

Маинцъ лежитъ на западномъ бе-
регу Рейна, гдѣ впадаетъ въ него
Маинъ. Въ городѣ улицы узки, хо-
рошихъ домовъ очень мало, церквей,

монастырей и монаховъ и тожество. —
 „Угодно ли вамъ видѣть кишки Св.
 Бонифіція, которыя хранятся въ
 церкви Св. Іоанна“ спросилъ у меня
 съ важнымъ видомъ немецкой слуга.
 Нѣтъ, другъ мой! отвѣчалъ я хотя
 Св. Бонифіціи былъ доброй человекъ
 и обратился въ Христіанство Бавар-
 цевъ, однако жъ кишки его не имѣюшъ
 для меня никакой прелести. Поведи
 меня лучше за городъ. — Мы вышли
 съ нимъ за городскія ворота. Я сѣлъ
 на берегу Рейна, и видѣлъ въ его водахъ
 вечерній лучъ солнца и картану зеле-
 ныхъ береговъ.

Возвратясь въ пракширѣ, ужина-
 ялъ я за однимъ столомъ съ путеше-
 ственниками разныхъ земель. Все
 пили рейнвейнъ какъ воду. Я потре-
 бовалъ у пракширщика бутылку Гох-
 теимскаго вина, и при томъ самую
 старую, какое только есть у него
 въ погребѣ. Надобно знать, что Гох-
 теимское почитается самымъ лучшимъ
 изъ всехъ Рейнскихъ винъ. „Вы ко-
 нечно полагаете меня за этого
 ме-

нектаръ (сказалъ мнѣ услужливой трактирщикъ, снѣвъ передо мною бутылку): я получилъ его въ наследство отъ отца моего, котораго уже тридцать лѣтъ нѣтъ на свѣтѣ.,, Въ самомъ дѣлѣ вино было очень хорошо, и равно пріятно для вкуса и обонянія. Мысль, что пью рейнвейнъ на берегу Рейна, веселила меня какъ ребенка. Я наливалъ, нѣнилъ, любувался свѣтлоспшю вина, подчивалъ сидѣвшихъ подлѣ меня, и былъ доволенъ какъ царь. Скоро бутылка опорожнилась. Трактирщикъ увѣрялъ меня, что у него есть еще прекрасное Коспгеймское вино, полученное имъ также въ наследство отъ отца его, котораго уже тридцать лѣтъ нѣтъ на свѣтѣ. Вѣрю, что оно дѣлаетъ честь памяти покойника, сказалъ я, — вспалъ и пошелъ въ свою комнату.

Мангеймъ, 3 Августа.

Нынѣ рано поутру выѣхалъ я изъ Майнца въ большой почтовой каретѣ съ дядью товарищами, и по за-

падному берегу Рейна, через Оппенгеймъ и Ворисъ, приѣхалъ въ Мацгеймъ въ семь часовъ вечера.

Сю верхнюю часть Германіи можно назвать земнымъ раемъ. Дорога гладка какъ столъ — вездѣ прекрасныя деревни — вездѣ богатые виноградные сады — вездѣ плодами обремененныя деревья — груши, яблоки и грецкіе орѣхи распушъ на дорогѣ (зрѣлице, въ воспорѣ приводящее сѣвернаго жителя, привыкшаго видѣть печальныя сосны и пошомъ поливаемые сады, гдѣ Аргусы съ дубинами стоятъ на караулѣ!) И между сими щедрыми долинами мчится почтенной, винородной Рейнъ, неся на волнистомъ хребтѣ своемъ благословенныя плоды своихъ береговъ, возвеселяющіе бѣдѣвшія, опцаленныя страны.

Но гдѣ бѣдствие не посѣщаетъ отъ женъ рожденных? Гдѣ небо грозными тучами не покрывается? Гдѣ громы Божественнаго гнѣва не извѣстны слуху смершнаго? Гдѣ слезы горести не лютя? Здѣсь лютя онѣ, и я

видѣлъ ихъ — видѣлъ щоску поселянъ
нещасливыхъ Рейнъ и Нюкеръ, на-
пачившись отъ тождей, яростно рэ-
лили воды свои и пощопили сады, по-
ля и самыя деревни. Здѣсь несчасъ
часть разрушившагося домика, гдѣ
обитали передъ шѣмъ покой и доволь-
ствые — шумъ мрачная волна мчала
запасъ осторожнаго, но щцепно
оспорознаго поселянина — шамъ глы-
ла обѣдная олеюдая овца. Мы должны
были ѣхать по водѣ, копорая въ иныхъ
мѣстахъ вливалась къ намъ въ карешу.
Но самое сіе нзводненіе возвышало
великолѣпне вида, открывшагося намъ
при вѣздѣ въ длинную алею, вершины
за шри до Мангейма — алею, кошо-
рая, будучи обліта водою, казалась
мощомъ. —

Въ Оппенгеймѣ, Курфальцскомъ
городѣ, мы завипракали и пили слав-
ное Ниреншпейнское вино, которое
одчако жъ показалось мнѣ не такъ хо-
рошо, какъ Гохгеймское. — Прошивъ
Оппенгейма, на другой споройъ Рейна,
стоишь высокая пирамида, а на ней
левъ,

левъ , держащій въ правой лапѣ большой мечъ. Шведской Король , Густавъ Адольфъ , поставилъ сей памятникъ , въ 1631 году перешедши съ своею арміею черезъ Рейнъ , разбивъ Гишпанцевъ и взявъ Оппенгейчъ

Въ Вормсѣ достоинна примѣчанія старинная рапуша , въ которой Императоръ Карлъ V со всѣми Имперскими Князьями судилъ Лютера въ 1521 году. И по сие время показывающъ тамъ лавку , на которой лежалъ стаканъ съ ядомъ , для него приготовленнымъ. Путешественники отрѣзываютъ по кусочку отъ того мѣста , гдѣ будто бы стояла сѣя оправа , и почти насквозь продолбили доску.

Мангеймъ есть прекрасной городъ. Улицы совершенно регулярны , и перерѣзываютъ одна другую прямыми углами , что для глазъ — по крайней мѣрѣ при первомъ взорѣ — очень приятно. Ворота Рейнска , Неккерска и Гейдельбергска украшены барельефами , хорошо выработанными.

ВЪ

Въ разныхъ мѣстахъ города есть площади, окруженныя большими домами. Дворецъ Курфюрста построенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Неккеръ сливается съ Рейномъ. — Если бы я не поропился въ Швейцарю, то остался бы здѣсь на нѣскольکو недѣль. такъ полюбился мнѣ Мангеймъ!

Мангеймъ, Августа 4.

Въ Академи Скульптуры видѣлъ я собраніе спашуй, и между ими самая вѣрнѣишія копи славныхъ Бельведерскихъ аншиковъ. Надобно удивляться древнему искусству, которое умѣло влгашь душу въ мраморъ, и при томъ прекрасную душу. М* съ восхищеніемъ говорилъ намъ о Лаоконѣ: я видѣлъ сію группу, одинъ изъ прекраснѣишихъ памятниковъ Греческаго художества, и если не восхищался, то по крайней мѣрѣ любовался ею около часа. Думающъ, что Виргилево описаніе несчастнаго Лао-
ко-

Лаонона конца (*) взято съ сей группыны, которую починаюпъ произведе-нїемъ Фидіасова рѣзца; по крайней мѣрѣ она его достойца. Плиніи пи-шетъ, что онъ видѣлъ ее во дворцѣ Императора Тиша (**); и такъ мо-жетъ быть, что она уже и въ Вирги-лиево время была въ Римѣ. Только По-эпъ указался опъ художника. Онъ описываетъ послѣдственное или разно-временное дѣяніе (action successive), а художникъ представилъ — и по за-конамъ необходимости долженъ былъ представить — *купное* или *едино-*
вре-

(*) Лаокоонъ, братъ Анхизовъ, былъ въ Троѣ Нептуновымъ свещникомъ (Laocoön ductus Neptuno fonge sacerdos Virg A n. II, 201) и не хотѣлъ допустить, что бы Трояне приняли въ городъ *деревянную ло-шадь*, въ кошорой скрывались Греческіе воины; но бѣги, опредѣливше погибель Трои, наказали его за сіе сопротавленіе ужаснѣй-шимъ образомъ. Вдругъ вышли изъ моря двѣ страшныя змѣи, бросилсь на него, приносившаго жертву, и пожрали его вмѣ-стѣ съ двумя юными сынами.

(**) Кн. 30, гл. V.

временное (action simultanée). Въ стихахъ *Виргилевыхъ* змѣи растерзали прежде двухъ сыновъ *Лаокооновыхъ*, а потомъ уже его самого, бросившагося на помощь къ своимъ дѣтямъ; но *Фидіасъ* соединяетъ сіи два *момента* (*), и драконы схватываютъ у него вмѣстѣ и отца и дѣтей. *Виргилево* описание конечно хорошо, но оно есть *сыхая сухая исторія* противъ *Фидіасовой поэмы* — такъ по справедливости можно назвать его *прогашельную* группу, въ которой видимъ сильное и стройное воображеніе, необыкновенную чувствительность и великое искусство художника, находишь и показываешь *изящное* въ самомъ ужасномъ и возмутительномъ. *Лаокоонъ* его есть совершеннѣйшая форма *человѣческаго тѣла*, онъ представленъ *спарцемъ*, но *спарцемъ* величественнымъ и, можно сказать, пре-

(*) Здѣсь бы можно было сказать по-Руски *два времени*; но, съ позволенія Гг. Пурншповъ, оставляю въ шестѣ иностранное, въ семъ смыслѣ болѣе Рускаго известное слово,

прекрасную. Физическая боль выражена живо, но она смягчается и дѣлается прогательною, мѣшаясь съ горешью и жгаго ошца, выдающаго погубель своихъ дѣшей. Онѣ съ двухъ разныхъ сторонъ оросаются къ нему [думая, по своей невинности, что подлѣ родителя нѣтъ для нихъ опасности], но лютыя чудовища въ кругѣ ихъ обвиваются — меньшей [кертва, пѣмъ прогательнѣйшая] пожираемъ змѣею, а другой оспяется только занушанно і въ непляхъ хребта дракона. Сеи самой драконъ шерзаетъ и Локоона, которой щедельно слышся отъ него освободинья и разорванъ на шеѣ неплю, еіо жмуцую. Уста еіо гошovy испустишь вошь [у Виргилія вошь его до звѣздъ возношсь] — но героическая швердоспѣ сжываетъ ихъ. Однимъ словомъ, кто можепѣ шопрѣпѣ на еіо группу съ холоднымъ сердцемъ, шопѣ носинѣ въ труи своей весь леіѣ съвера, и происходипѣ о пѣ ненавистнаго бога мѣ поколѣнїя. —

(Продолженіе впереди.)

VIII.

ПОСВЯЩЕНІЕ КУЩИ.

Прекрасная, вѣчноюная, многообразная, крылатая богиня, цвѣтущая *Финтазія*! сію мрачную, уединенную, безмолвную кущу, — окропляемую свѣтлымъ ручьемъ, съ граничнаго утеса ниспадающимъ, — посвящаю тебѣ, божественная!

Здѣсь, удалясь отъ всего міра, буду я сидѣть въ молчаніи, и съ крошкимъ трепетаніемъ сердца внимать шуму приближающагося твоего полета. Во всякомъ образѣ будешь мнѣ пріятна: тогда ли, когда, одѣянная покровомъ запаоцвѣтнымъ, предстанешь мнѣ съ солнечнымъ лицомъ торжествующей Добродѣтели; или, увѣнчанная благовонными миртами и подпираясь лилейнымъ стеблемъ, явишься въ образѣ нѣжноулыбающейся Горы (*), или когда въ вихрѣ и въ бурѣ, въ власахъ распущенными, съ

Ц

ли

(*) Римская богиня красота.

лицемъ блѣднымъ, съ очами огненными, съ обнаженною грудью, примчишься отъ снѣжной вершины сѣдаго Кавказа, гдѣ внимаешь ты воплю окованнаго Прометея (*), хищною птицею безпрестанно терзаемаго, и вмѣстѣ съ (Океанидами (**)) кляпущаго жестокость безчеловѣчнаго, неблагодарнаго Юпитера; или когда, въ тишину ночную, въ видѣ съпущающей Ниобы (**+), медленно ниспустишься на гробъ моего Агашона, спящаго сномъ смертнымъ

(*) Прометей, какъ извѣстно, былъ сынъ Титана Япета. Юпитеръ, озлобясь на него за то, что онъ образовалъ богамъ подобнаго чловѣка, велѣлъ приковать его къ Кавказу, и послалъ къ нему коршуна, который безпрестанно терзалъ его печень. Сей жестокой языческой богъ забылъ, что Прометей помогалъ ему мудрыми совѣтами во время войны съ Титанами.

(**) Дочери Океановы, бравши участіе въ жалостной судьбѣ Прометея.

(***) Супруга Амфіонова. Когда Аполлонъ и Диана умертвили дѣшей ея, шо она о смерти ихъ столько печалилась, что наконецъ превращалась въ камень.

нымъ предъ отверстемъ сей кущи, и опершись на хладный камень, луною освѣщаемый, возришь на меня очами слезящими, и помною рукою разсыплешь по могилѣ цвѣты печальнаго воспоминанія, анемоны съ глацинтами ().

Благодѣшельная богиня, утѣшительница челоуѣковъ! ты сиимаешь цѣпи съ невольника, на Африканскомъ берегу стенающаго, и на быспрыхъ крыльяхъ своихъ переносишь его въ дражайшее опечество, въ иѣдра милого семейства; ты прикосновениемъ розовыхъ перстовъ своихъ превращаешь свинцовое бремя жизни въ легкое, зефиромъ несомое перо, и Гиметскимъ медомъ (**) услаждаешь горестъ слезъ,

Ц 2

про-

(*) Анемонъ напоминаетъ несчастную кончину Адонисову, а глацинтъ безвременную смерть любимца Аполлонова, называвшагося снмъ именемъ.

(**) Гиметской медъ почитался у древнихъ Грековъ самымъ лучшимъ. Пчелы горы Гимета пшам Юпитера въ его младенчествѣ.

Проливаемыхъ сиропомъ , пы , еди-
нымъ махомъ крыла своего, возносишь
послѣдняго изъ паспуховъ на шронъ
Царскій, и предъ повелительнымъ взо-
ромъ его преклоняешь выю цѣлыхъ
народовъ.

Но кто исчислишь твои образы?
Кто исчислишь твои дѣйствія , хра-
мовъ и олшарей достойная?

Ся уединенная куца (ибо пы
любишь уединеніе) да будетъ храмомъ
твоимъ, усладительница моей жизни,
цвѣщущая *фантазія*!

К.

ІХ.

ПАРИЖСКІЕ СПЕКТАКЛИ,

ИЛИ

*О новыхъ драматическихъ пьесахъ ,
представленныхъ на Парижскихъ
Театрахъ въ нынѣшнемъ году.*

La Liberté conquise, прозанческая
Драма въ пяти дѣйствіяхъ, играемая
на Театрѣ Национальномъ, по сіе вре-
мя восхищаетъ зрителей. Въ ней пред-
ста-

ста.

ставляется народное смятеніе, взятыя
 Васшили и прочее, что мо-
 жетъ быть интересно для одной Па-
 рижской Публики. На сень же Те-
 атръ играющъ еще двѣ новыя Коме-
 ди: le Mari Dinesteur, и M. de Crac dans
 son rent Castel, ou les Gascons. Въ пер-
 вое представленъ одинъ деревенской
 Меръ, которой, желая пошутить
 надъ своею женою, приходитъ къ ней
 въ плашь Бернардина. Жена, принявъ
 его за подлиннаго монаха, каешся и
 признается ему, что у нее было трое
 любовниковъ Офицеръ, судья
 Тутъ встревоженной мужъ невольнымъ
 движениемъ открываетъ себя. Жена
 сперва было испугалась, но по томъ
 оправляется и продолжаетъ . . Третій
 любовникъ былъ монахъ. Мужъ ея сбра-
 сываетъ съ себя монашеское плашь;
 но она, ни мало не замѣшавшись, до-
 казываетъ ему, что онъ самъ и Офи-
 церъ и судья и монахъ, и что она
 только объ немъ говорила Нѣкопю-
 рья забавныя шушки поддерживающъ
 сію пьесу, впрочемъ весьма не важ-
 ную.

ную. — Другая Комедія сочинена Авторомъ Оптимиста. Г Кракъ есть превеликой Гасконской хвастунъ. Къ нему приѣзжаетъ сынъ, котораго онъ не узнаетъ, не видавъ его и въсколькоть лѣтъ Сей сынъ старается еще перешеголять въ хвастовствѣ своего дражайшаго родителя, и бѣситъ любовника сестры своей, припворяясь въ нее влюбленнымъ Наконецъ онъ опкрывается, и пьеса кончится очень весело.

На Итальянскомъ Театрѣ заслужили одобрение Публики при новыя пьесы: J. J. Rousseau à ses derniers momens, Paul & Virginie, и le Convalescent de qualité. Первую справедливѣе можно назвашь ниптересною картиною, нежели драматическимъ сочиненіемъ Авторъ представилъ чувствительность Философа Руссо, которой, не за долго до своей смерти, опдастъ половину своего годовзго дохода одной бѣдной фамили, и не хочетъ, чтобы кто нибудь зналъ о семъ. Все, что напоминаетъ сего великаго Сочинителя, приятно Французамъ; и пошому сия пьеса

піеса принята была съ громкимъ рукоплесканіемъ Она сочинена Гм Бульи, Авторомъ *Петра Великаго* (*). — Кто не знаетъ *les Etudes de la Nature*? И кто въ семъ сочиненіи Господина Бернарденъ - де - Сенъ - Пьера могъ читать безъ слезъ прекрасную вводную повѣсть, подъ титуломъ *Paul & Virginie*? Изъ нее сочинилъ неизвѣстной Авторъ Мелодраму сего имени, весьма прогашельную Павелъ и Виргинія были воспитаны вмѣстѣ на одномъ Африканскомъ островѣ, и со младенчества любили другъ друга. Виргинія принуждена была ѣхать во Францію къ своей богшой родственницѣ, и разстаться съ матерью и любезнымъ Павломъ, но скоро, къ ихъ радости, она возвращается. Корабль, везущи ея изъ Европы, приближается

" Ц 4 къ

(*) Драма съ пѣснями, которую видѣлъ я въ Парижѣ на Италіанскомъ Театрѣ, и въ которой Гж Дюгазонъ очень прогашельно представляетъ Екатерину. Впрочемъ сію піесу можно называть только *квядною*. — К.

къ острову; уже взоры ея ищутъ шѣхъ, о которыхъ столько времени тосковало ея сердце; уже Павелъ бѣжитъ встрѣчать ее на берегъ... но вдругъ подымается буря и разбиваетъ корабль — Виргинія простираетъ руки къ своему любезному, и въ волнахъ скрывается. — Холодной и строгой Кристикѣ можеть сказать, что первой актѣ совсѣмъ не связанъ съ главнымъ дѣйствіемъ пьесы; трудно также повѣрить тому, чтобы матери любовниковъ, жившія 14 лѣтъ вмѣстѣ, не рассказали еще другъ другу всѣхъ своихъ несчастій, которыя зритель узнаетъ оцѣ нихъ во в поромъ дѣйствія. Но видя сію Мелодраму въ представлении, не лзя чувствовашь въ ней сего порока: столько въ ней прекраснаго, столько прогашельнаго! А особливо въ претѣемъ актѣ, когда Виргинія утопаетъ, и когда любовникъ ея великодушно рѣшился жертвовать своею жизнью для ея спасенія. Сія сцена раздираетъ сердце. Въ музыкѣ также очень много хорошаго. То, что поетъ Виргинія, за-

ключеніе втораго дѣйствія и буря, были опшѣнно одобрены знатоками. — Авторъ прешьей пьесы есть Г Фабръ д' Еглантинъ. Одинъ знашой чело-вѣкъ былъ боленъ подагрою, копо-рую усиливалъ онъ безпрестаннымъ своимъ сердцемъ. Докторъ, взявшись его вылечить, послалъ его въ 1788 году въ отдаленную деревню, лежащую у подошвы горъ, и не велѣлъ ему ни съ кѣмъ имѣть сообщенія, выключая своего повѣреннаго, которой, способ-ствуя скорѣйшему его излеченію, гово-рилъ только ему угодное Революція сдѣ-лалась, онъ не знаетъ объ ней ни слова, и возвращается въ Парижъ, когда его тамъ совсѣмъ не ожидали. Вообразите его удивленіе всѣхъ переменяющъ съ нимъ о-бхожденіе; всѣхъ говорящъ съ нимъ но-вымъ тономъ — а какъ никто не подо-зрѣваетъ, чтобы прѣшедшія переменны были ему неизвѣстны, то долгое время оспаша онъ въ невѣдѣніи Одинъ бога-той мѣщанинъ приходитъ свашать дочь его за своего сына, ее любящаго и ею любимаго. Знашой господинъ хо-

четь приказать слугамъ своимъ вы-
бросить мѣщанина въ окошко; пишетъ
письмо къ Lieutenant de Police, и тре-
буетъ у него lettre de cachet, чтобы
и отца и сына посадить въ *Бастиллю*;
бранитъ дочь свою за то, что она
полюбила мѣщанина и даже вздумала
выйти за него за мужъ Сей Г Мар-
кизъ долженъ 200 тысячъ ливровъ.
Займодавецъ требуетъ ихъ; но онъ,
чтобы его удовольствовать, обеща-
етъ сыну его прибыльное мѣсто при
опкупахъ, племяннику Приорство,
а дочери пенсію *на лунной свѣтъ* (*).
Займодавецъ, не слушая сихъ химер-
ныхъ обѣщаній, требуетъ только пла-
тежа, и не получивъ его, испраши-
ваетъ повелѣніе взять подъ спражу
своего должника, которой никакъ не
ожидалъ сего, надеясь на кредитъ
свой

(*) Sur le clair de la Lune. Во время луннаго
сіянія Парижскія улицы по ночамъ не освѣ-
щались; деньги, опредѣленные на освѣще-
, осщавались — а изъ сей суммы дан-
ли пенсія.

своей въ Парламентѣ. Наконецъ приходишь Докторъ, и объясняетъ все своему больному, которой спалъ *болыше* прежняго Между тѣмъ богатой мѣщанинъ покупаетъ долгъ Маркизовъ, въ присутствіи его уничтожаетъ все обязательства, и проситъ только того, чтобы онъ выдалъ дочь свою за его сына Представляющъ жениха, и Маркизъ вдругъ рѣшился признать его своимъ зятемъ, увидѣвъ на немъ мундиръ національной гвардіи съ двумя эполетами: онъ почиаетъ его Полковникомъ.

(Продолженіе въпредъ)

Х

О ИНОСТРАННЫХЪ КНИГАХЪ.

*Voyage du jeune Anacharsis en Grèce, &c. T. e.
Путешествіе Анахарсиса по Греціи.*

(Окончаніе.)

Въ началѣ шестаго тома сообщаетъ Авторъ исторію славнѣйшихъ Поэтовъ: Геспіаса, Эхила, Софокла, Эврипида, Аристофана, Эполиса

са

ся и пр По томъ говорищъ онъ о механической части Театра, о представлении пьесъ, о маскахъ, о хорахъ, о театральныхъ законахъ. Наконецъ сообщая нѣкоторыя разговоры о своемъ, предметахъ и сочиненіи Трагедіи и Комедіи. Правда, мы нашли здѣсь не много новаго Въ послѣднихъ разговорахъ (или, по его, *бесѣдахъ*) предлагающіяся правила извлеченныя (и при томъ не съ надлежащею точностію) изъ Аристошелевой Поэтики. Нѣкоторыя изъ сихъ правилъ придаетъ онъ еще большую строгость Такъ на пр. думаетъ онъ, согласно съ ле-Боссю, что Аристопель подъ *единствомъ времени* разумѣлъ только одинъ день, а не 24 часа. Впрочемъ въ главномъ сей Французской Скрибъ довольно безаристрастенъ. Онъ не увеличиваетъ и не уменьшаетъ достоинства Софоклова и Эврипидова. Ему не нравится *слѣпая судьба* въ Греческихъ Трагедіяхъ, и онъ хвалитъ только тѣ приключенія, въ которыхъ самъ Герой содѣйствуетъ. Охудая погрѣш-

но.

ности Аристофановы, признаетъ онъ его таланты. Только иногда Авторъ нашъ бываетъ слишкомъ разборчивъ, на пр. въ криптикѣ на Антигону. — Въ сію Исторію Театра, кажется, можно бы было помѣстить нѣкоторыя, въ разныхъ Писателяхъ разсѣяныя анекдоты, на пр. что Альцибиадъ унялъ дерзость Эвполисову въ Комедіи; что Аѳиняне, по словамъ Плутарха, на представленіе шести Драмъ издержали болѣе, нежели на всю Пелопонесскую войну, что Лизандеръ, сей дикой Спартанецъ, при осадѣ Аѳинъ почелъ за священной долгъ оказать честь погребенія Софоклу. Однако жъ несправедливо будетъ обвинять Автора, который столько собралъ, шѣмъ, что онъ не все собралъ. — Анахарсисъ (стр. 196) ѣдетъ въ Азіатскую Грецію, и описываетъ главныя достопамятности хіоса, Кумы, Эфеса — коротко сказать, все примѣчанія достоинѣишія колонии и соседственныя острова. Родосъ, Кришъ, Самосъ, Делосъ и пр. Но

льзя намъ сообщить здѣсь полнаго извлеченія ; замѣтимъ только , что насъ въ чтеніи остановило На спран. 217 хвалитъ Авторъ законъ Ефесеевъ , по которому надлежало всякому Архитектору , берущемуся за какое нибудь строеніе , „ назначать „ сперва , чего оно будетъ стоить , „ и отдавать въ закладъ все свое имѣ- „ ніе Четвертую часть сверхъ на- „ значенныхъ денегъ платила обще- „ ственная казна , а прочее , что пре- „ вышало сию сумму , должно было „ платиться самому художнику. „ Съ нѣкоторой стороны сей законъ былъ конечно хорошъ ; но за то уже не могъ быть Архитекторомъ бѣдной человекъ , которому бы не чего было отдать въ закладъ. — Кажется , надлежало бы сказать что нибудь о характерѣ Кришянъ , которой , не смотря на мудрые ихъ законы , былъ не весьма похваленъ — И въ Кришѣ тогда уже вѣрно не было ста городовъ , о которыхъ говоритъ Анахарсисъ въ шонѣ сомнѣнія. — Не при-
ашно

яшно показалось намъ то, что о великодушнн Гипократовомъ во время ужасной, Грецію опустошавшей язвы, сказано только въ нѣсколькихъ, и притомъ темныхъ словахъ. Надлежало бы также Анахарсису, сообщая нѣчто изъ его сочиненій, сказать яснѣе, что открылъ онъ *новаго* въ своемъ искусствѣ. — Самосъ описывается Анахарсисомъ всего пространнѣе; а по сему случаю говорится о Пифагорѣ и его учении. Въ разговорѣ съ однимъ изъ его послѣдователей представляется сей философъ съ лучшей и справедливѣйшей стороны, нежели съ какой иные представляютъ его. Но Авторъ, оспаривая общее мнѣнне, что Пифагоръ утверждалъ переселенне душъ, долженъ бы былъ представить сильнѣйше доводы; доказательство, приведенное имъ на стран. 321, кажется недоспащочнымъ. Давно уже рѣшено, что Пифагоръ не первой предлагалъ сие учение; но весьма вѣрояшно то, что онъ заимствовалъ оное въ Египтѣ. — Описание Цикладовъ

довѣ можешѣ показаться иному чѣ
 весьма приятнымъ; но за то всякой
 будешѣ читать съ удовольствіемъ
 анекдоты изъ жизни разныхъ примѣ-
 чанія достойныхъ людей. Всего болѣе
 полюбилось намъ изображеніе Симо-
 нида — Въ разсужденіи Архилоха,
 Авторъ нашъ и слишкомъ благосклоненъ
 и слишкомъ строгъ. По крайней мѣ-
 рѣ Рецензентъ не вдругъ бы вздумалъ
 утверждать, что Греки почитали
 его первымъ Поэтомъ по Гомеру, для
 того что Валерій Максимъ назвалъ
 его *великимъ, или ближайшимъ къ*
высотамъ ея. А пошеряніе щипа было
 хотя весьма постыдно, однако жѣ
 все не такъ *безпримѣрно*, какъ гово-
 ритъ Авторъ. Не потерялъ ли его
 и Демосѣенъ? Въ новѣйшія времена и
 съ Гораціемъ случилось то же, о чѣмъ;
 подобно Архилоху, проговорился онъ
 въ своихъ стихахъ. — Празднества
 въ Делосѣ прекрасно описаны — На-
 конецъ Авторъ описываетъ Греческую
 свадьбу, и заключаетъ сеи томъ раз-
 говоромъ о щастіи, ощечествѣ, друзи-
 акъ

яхъ и родственникахъ ; что все вы-
брано изъ Исенофонша, Аристошеля,
Платона и другихъ знаменимыхъ Гре-
ческихъ Писателей,

Седьмой томъ содержитъ только
108 стран , но Авторъ оставилъ
для него еще весьма интересныя ма-
тери. Онъ начинаетъ разговоромъ
о важности Религии для народа , о
мнѣнїяхъ разныхъ Философовъ о еди-
номъ Богѣ , о чистѣйшемъ Ему слу-
женїи и о жизни послѣ смерти. Всѣ
должности въ разсужденїи ближняго
соединяются въ одномъ Исократовомъ
правилѣ *Ме дѣлаи ближнему того ,
тего себѣ не желаешь* — По томъ
говоритъ онъ вообще о Поэмѣ и раз-
ныхъ родахъ Греческихъ Поэмъ Жаль
только , что Авторъ такъ мало ска-
залъ о пѣсняхъ такого народа , у
котораго для каждаго возраста , для
каждаго состоянїя , для всякаго упраж-
ненїя , и почти для каждаго часа бы-
ли особливыя пѣсни. Онъ бы многое
могъ взять изъ Апенсея и другихъ до
Ч . . . насъ

насъ дошедшихъ Писателей. — Говоря о морали Грековъ, говоритъ Авторъ о моральныхъ правилахъ нѣкоторыхъ Философовъ. — Заключение составляетъ описаніе несчастной войны Аѳинянъ и Фивянъ съ Царемъ Филиппомъ, которую рѣшило сраженіе при Херонее. Тутъ изображается юной Александръ. — Когда въ Коринтскомъ собраніи объявили Филиппа главнымъ Полководцемъ Греции противъ Персовъ, тогда Анахарсисъ возвращается въ Скиею, полагая, что Греческая свобода навсегда исчезла. Конецъ сего тома составляютъ весьма полезныя таблицы разныхъ эпохъ Греческой Истории — мужей, отличившихся въ искусствахъ и наукахъ — мѣръ, вѣсовъ и монетъ въ сравненіи съ Римскими и Французскими. Тутъ же сообщенъ списокъ Авторовъ, которыми Сочинитель Анахарсиса пользовался, и полной реестръ книги — Приобщенной апласъ достоинъ похвалы, и служитъ къ умноженію внѣшней красоты сего сочиненія. — *(Пере-*

*ведено, еѣ нѣкоторыми перемѣнами,
изъ Енскихъ Ученыхъ Вѣдомостей)*

При семѣ случаѣ Издашель почи-
таешѣ за удовольствіе объявить Чи-
ташелямѣ, что Аналарсисѣ перево-
дится на Руской языкѣ, и припомѣ
такимѣ человекомѣ, которой, по его
мнѣнію, можешѣ очень хорошо пере-
вести сію важную книгу.

*Имена Особѣ, подписавшихся на
Журналѣ въ Августѣ мѣсяцѣ.*

Ея Превосходительство Софья Сте-
пановна Челищева.

Его Высокоблагородіе Борисѣ Михай-
ловичѣ Салшыковѣ.

Ея Сіяшельство Княгиня Екашерина
Андреевна Долгорукова.

Ея Высокоблагородіе Ольга Васильевна
Пушкина.

Каспарѣ . . . Левкинѣ, Московской
Купецѣ.

*Двумѣ Особамѣ не угодно было
сказать своихъ именѣ.*

СОДЕРЖАНІЕ.

	Странъ
I. Любовь и Дружество -	227.
II Пѣсня веселыхъ -	238.
III Мадригалы -	240.
IV Мармон пелевы Вечера -	241.
V. Бѣдной съ собакою -	277.
VI Праздникъ сшарца -	283.
VII Письма Руск. Путешественника	291.
VIII Посвященіе кущи -	323.
IX Парижскіе Спектакли -	326.
X. О иностранныхъ книгахъ -	333.

ОШИБКИ ВЪ ПЕЧАТИ.

<i>Стран.</i>	<i>Строк.</i>	<i>Напечат.</i>	<i>Читай.</i>
275	I	ЛЮДЬМИ ЖДШЬ	ЛЮДЬМИ И ЖНПШ
311	22	опъ	онъ
